

Тончо Трендафилов

КАПИТАЛ ЧЕЛОВЕК ВРЕМЯ

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Тончо Трендафилов

■

КАПИТАЛ
ЧОВЕК
ВРЕМЕ

Критика
на приспособяващия се капитал

Партиздат

София

1977

Тончо Трендафилов

■

КАПИТАЛ
ЧЕЛОВЕК
ВРЕМЯ

Перевод с болгарского

Общая редакция и предисловие

Е. В. РУДАКОВА

Москва

«Прогресс»

1981

Переводчик В. И. Карцев

Редактор О. Г. Радынова

Автор дает анализ изменений капиталистической структуры и эволюции ее институтов с позиций человека, его места и роли в системе капитал — человек, обстоятельно анализирует основные направления развития буржуазной экономической мысли.

Книга рассчитана на преподавателей, аспирантов и студентов экономических вузов и факультетов, работников научно-исследовательских экономических институтов, лиц, изучающих проблемы современного капитализма.

Редакция литературы по экономике

© Перевод на русский язык с сокращениями,
предисловие «Прогресс», 1981

Т $\frac{10702-372}{006(01)-81}$ 69-81

0603010300

ПРЕДИСЛОВИЕ

В обширной литературе, посвященной анализу различных сторон развития современного капитализма, монография болгарского экономиста Т. Трендафилова «Капитал — человек — время» представляет несомненный интерес в связи с тем, что она касается еще мало исследованной области развития капитала — процесса его приспособления к современным условиям.

Эволюция приспособления капитала происходит под всевозрастающим воздействием ряда факторов:

— замены институтов свободнопредпринимательского капитализма институтами монополистического характера, в результате которой происходит ускорение процесса обобществления производства, возникают переходные формы и институты, объективно направленные против капиталистической системы, усиливающие ее неустойчивость и дисфункциональность;

— заимствования и использования капиталистической системой институтов и инструментов более развитого — социалистического способа производства. Спор между стихией, присущей капитализму, и плановым началом все чаще решается в пользу последнего. Присутствие социализма как теории и как реальности становится постоянным и всевозрастающим фактором

существования старого мира. Капитал все чаще ищет примеры и пути решения возникающих проблем в теории и практике более развитого социалистического способа производства и принимает решения с их учетом;

— внедрения новейших достижений научно-технической революции, ведущих к освоению таких сил природы, как космос или ядерные реакции, применение и использование которых выходит за рамки возможностей частного капитала. Массовое насыщение производства автоматическими системами и логическими машинами существенно видоизменяет сложившуюся веками связь человека с техническими средствами, вносит глубокие революционные изменения в структуру производительных сил и расширяет материальную основу отрицания капитализма как способа производства.

Взаимодействие отмеченных факторов обуславливает сложное переплетение элементов приспособления с элементами отрицания капитала, умножает материальные факторы, противостоящие капиталу. Исторически процесс приспособления разворачивается с переходом капитала к монополистической стадии, после которой вся последующая эволюция капитала несет на себе черты обреченности.

Монополистический характер капитала в исходной позиции, с которой начинается процесс приспособления, обуславливает и диалектику его развития. Чем шире проникает монополизация в структуру капитала, тем больше вносится в нее элементов общественного характера, открывающих все большие возможности для освоения капиталом достижений научного, технического и организационного прогресса, позволяющих воспроизводить капитал в обновленных формах, усиливающих его власть и делающих его более приспособленным для научно-технической, производственной и торговой экспансии.

В то же время возрастающее господство корпораций и связанная с ним монополизация производства и рынка несут в себе отрицание классических капиталистических форм. Происходящее в условиях корпорации отделение капитала как собственности от капитала как функции, показывает, что историческая миссия капиталиста-собственника как руководителя и организатора производства практически исчерпана,

Корпорация на практике демонстрирует переходящий характер капитала, его обреченность. Предлагая частичные решения острого противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическими интересами, корпорация толкает капитал на путь приспособления. Как и все переходные формы, этот буржуазный коллективизм и «демократизация» собственности несут в себе неразрешимые противоречия, являются своеобразным катализатором назревающих социальных перемен. Корпорация порождает развитую систему внутрифирменного программирования и приводит к развитию «элементов планомерности», настоятельно требующих целостной перестройки всей системы на планомерной основе.

По мере появления и возрастания роли переходных форм, все более широким фронтом разворачивается апологетика капитала представителями буржуазии. При переходе на стадию монополистического развития появляются теории «организованного капитализма» Гильфердинга и Зомбарта, в которых делаются попытки доказать, что в результате роста корпораций ранее неорганизованный капитал становится единым и монолитным, освобождается от недостатков, порождавшихся стихийностью, и противоречий, обусловленных «национальными» рамками.

Используя теорию «организованного капитализма», буржуазные экономисты начинают всестороннюю разработку идей корпоративности, которые к 50-м годам оформляются в теорию «трансформации» капитала с помощью концепций «самообновления», «самоусовершенствования» и «самомодернизации». В последующие годы концепция «трансформации» приобретает облик «революционного реформизма» и, наконец, находит свое выражение в концепции Гэлбрейта о революционном переходе от общества «предпринимательской корпорации» к обществу «зрелой корпорации».

В процессе приспособления идеологи капитала прилагают все усилия к тому, чтобы утвердить новое представление о капитале как о системе организованной, самообновляющейся и даже революционной, лишенной пороков, присущих якобы только ранней стадии ее развития.

Сталкиваясь со всевозрастающим воздействием марксизма и расширяющимся присутствием реального социализма, идеологи капитала стремятся приспособить марксизм к своим потребностям, сделать его безопасным для себя, «улучшить», «возродить», «обновить» и т. д. Не ограничиваясь «исправлениями» в теории, идеологи империализма разворачивают кампанию по «модернизации» социализма, выступают с критикой его с позиции капитала, утверждая, что социализму якобы присущи недостатки, мешающие и затрудняющие переход в «постиндустриальную» стадию, что для устранения этих помех нужны «коренные изменения социализма», отказ от марксизма.

Эти спекуляции направлены на то, чтобы отвлечь внимание от органических пороков самого капитала, направить критику в сторону от него. В то же время эти спекуляции направлены на то, чтобы разорвать связь между возрастающим воздействием марксистско-ленинских идей в наши дни и превращением мировой социалистической системы в решающий фактор общественного развития, а мирового коммунистического движения в самую влиятельную, самую авторитетную и организованную политическую силу современности.

Поскольку проблемы приспособления решаются под усиливающимся воздействием реального социализма на капиталистическое общество, постольку на первый план выступают проблемы социальной революции. Поэтому усилия государственно-монополистического капитализма прежде всего направляются на «опровержение» марксистско-ленинской теории о неизбежности социалистической революции. Устами такого рьяного защитника капитала, как Р. Арон, утверждается, что рабочий класс не может осуществить социальную революцию потому, что в результате научно-технической революции превратился в «аутсайдера» материального производства.

«Опровергнув» таким образом историческую миссию рабочего класса, апологеты капитала пытаются представить буржуазию революционным классом, способным «трансформировать» капитализм в «постиндустриальное общество», представляющее якобы уже и не капитализм, но и не социализм, и тем самым «дока-

зять», что социализм не нужен и совсем не является неизбежным. Приспосабливаясь и приспособлявая капитал к условиям сосуществования с усиливающим свое влияние реальным социализмом, буржуазные экономисты и социологи в то же время развертывают широкое контрнаступление против социализма под прикрытием революционной фразеологии.

Такое приспособление к «революционности» в действительности направлено на защиту капитала, и носит контрреволюционный, антисоциалистический характер, оно показывает, что возрастающая контрреволюционность, несмотря ни на какую маскировку, является неотъемлемой чертой всего процесса приспособления капитала.

Обострение противоречий и рост неустойчивости капиталистической системы ведут к тому, что прямая неприкрытая апологетика капитала становится все более затруднительной. Поэтому на протяжении последнего десятилетия широкое хождение получают теории «индустриального», «постиндустриального», «технотронного» и других обществ. Такого рода теории объединяет попытка доказать, что под воздействием достижений научно-технической революции происходит трансформация капитализма, его коренное обновление. В результате таких изменений реальная власть от собственников капитала якобы переходит к менеджерам. На этой основе преодолевается деление общества на классы, а остается только деление по профессиям. Таким путем достигается общность интересов, ликвидируются классовые антагонистические противоречия.

Существо такой трансформации сводится к тому, чтобы «освободить» капитал от присущих ему органических пороков, внушить представление о том, что источником и первопричиной всех социальных проблем является техника, взаимоотношения человека с природой.

Особенно наглядной в этом отношении является происходящая в процессе приспособления капитала эволюция концепций, характеризующих наиболее острую проблему капиталистического общества — проблему занятости. От утверждений Кейнса о том, что с помощью государственного регулирования потребления, капиталовложений в производство и уровня процента можно ограничить безработицу и даже добиться «пол-

ной занятости», неокейнсианцы приходят к утверждениям о том, что эта «полная занятость» вполне совместима с излишками, составляющими 4—5% всей рабочей силы, ввиду того, что «излишки» эти имеют «сезонный», «персональный», «психологический» характер и что главной причиной безработицы является недостаточный совокупный спрос на товары и услуги. Особенно неприглядной стороной кейнсианских концепций является проповедь милитаризации экономики как средства обеспечения полной занятости.

Видя неспособность буржуазного государства решить с помощью регулирования вопрос занятости, защитники капитала выдвигают концепцию «технологической безработицы», в соответствии с которой единственной причиной безработицы в капиталистическом обществе объявляется технический прогресс. По этой теории безработица связана вовсе не с капитализмом, а с развитием техники, в результате которого человеческий труд заменяется машиной, а замена старых машин ведет к устранению из производства и специалистов, обслуживающих старые машины.

Уход от выяснения причин социальных противоречий, попытка вывести их из технических и технологических изменений, происходящих в производстве, указывает на то, как глубоко в буржуазной идеологии и науке укоренилась демагогия, превратившаяся в один из важнейших инструментов защиты капитала в процессе его приспособления.

По мере развития государственно-монополистической структуры, корпорация из самостоятельной формы движения частнокапиталистической монополии превращается в элемент государственно-монополистической системы, действующей уже как «совокупный идеальный капиталист», за которым со всей неотвратимостью встает неизбежность перехода к действительному обобществлению производства, т. е. установлению нового социального строя.

В процессе эволюции буржуазного строя непреходящий антагонизм капитала и человека проявляется на протяжении ряда этапов, на каждом из которых он становится все более глубоким и непримиримым.

Вопрос об изменении положения человека в процессе приспособления капитала является главным. Имея-

но здесь раскрывается неспособность капитала решить все обостряющиеся проблемы человека и то, как на каждом новом этапе развития буржуазного общества все больше ограничиваются условия существования человека. По мере углубления кризиса приспособление капитала все в большей степени осуществляется за счет человека и в конечном счете против него. О глубине пропасти между человеком и капиталом со всей неприглядностью свидетельствует тот факт, что, превратив войну в средство решения противоречий и милитаризацию производства в органическое звено империалистического механизма, капитал тем самым доводит отчуждение человека до грани его физического уничтожения. «Авантюризм, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких корыстных целей — вот что особенно обнаженно проявляется в политике наиболее агрессивных кругов империализма»¹.

С переходом к каждой новой ступени капитал низводит человека все ниже, подвергая его не только экономическому, но и все усиливающемуся духовному ограблению. Все сильнее ограничивая функции и роль человека в процессе производства, капитал тем самым сужает материальную основу его прав.

По мере эволюции капитал не только приспособляется к меняющимся условиям, но и приспособливает к своим интересам и потребностям идеалы, которые он рисует перед человеком. В эпоху восходящего развития воспевались всемогущество и неограниченные возможности частного предпринимательства как несущего прогресс и процветание тем районам и областям деятельности, на которые обращал свои взоры капитал. В качестве идеала для человека в тот период рисовалась фигура смелого, дерзкого, инициативного предпринимателя, перед которым склонялся весь мир. А тем временем в действительности вчерашнего ремесленника или крестьянина капитал безжалостно отрывал от средств производства и превращал в наемного пролетария.

---

¹Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. *Правда*, 24 февраля 1981 г.

С переходом к монополистической стадии развития с особым усердием проповедуется цивилизаторская миссия капитала, его роль и достижения в развитии науки и техники. Теперь в качестве идеала для человека капитал представляет уже не всесильного предпринимателя, а талантливого инженера, творца и повелителя все умножающихся машин, верного слугу капитала. В жизни же капитал все жестче приковывает человека к системе беспощадного выжимания прибыли и окончательно превращает его в придаток машины.

Обострившийся в результате растущего гнета антагонизм между капиталом и человеком привел к революционному взрыву, положившему конец безраздельному господству капитала. Новый, социалистический способ производства поставил в центре внимания человека, решение проблем удовлетворения его потребностей, его развития, обеспечения будущего человека.

Внедряя в производство автоматические линии, логические машины, капитал все больше обесценивает роль человека в системе производительных сил. Со ступеньки «сознательного придатка машины» человек низводится на более низкую ступеньку, на которой он начинает выполнять уже роль придатка к приспособлениям, с помощью которых обслуживается система машин или ее часть, а с подключением к такой системе логической машины у человека окончательно изымаются и творческие функции, связанные с осуществлением производства.

Наступившим изменениям в положении человека соответствует и следующий шаг, который происходит в девальвации идеала, предлагаемого капиталом человеку. Это уже не удачливый предприниматель или талантливый инженер, а так называемый синий воротничок, безликий потребитель. Столь тусклый идеал в определенной степени порожден стремлением приспособить его к психологии и воззрениям так называемых средних слоев.

Утратив способность создать привлекательный образ будущего для человека, капитал и на современном этапе не отказывается от сохранения своего влияния на сознание человека. Теперь внимание сосредоточивается на том, чтобы сделать привлекательным для чело-

века сам капитал. Усилия буржуазной мысли концентрируются на том, чтобы «исправить и преодолеть» наиболее отталкивающие черты капитала, доказать, что он якобы изменил свою сущность, стал «коллективным», «народным», «демократическим» и даже «революционным».

Однако анализ основных направлений современной буржуазной экономической мысли показывает, что за множеством теорий модернизации, совершенствования и стабилизации капиталистической системы кроется кризис мысли современных буржуазных теоретиков, резкое ослабление власти капитала над сознанием человека. Этот процесс усиливается и углубляется по мере роста достижений реального социализма.

С каждым годом появляются новые свидетельства того, что процесс приспособления охватывает все полнее не только социально-экономическую, идеологическую и научную сферы, но и буквально пронизывает все поры буржуазного общества. Несмотря на всеобъемлющий характер, этот процесс не в состоянии предотвратить историческую обреченность капитала, ликвидировать присущие ему органические противоречия, снять нарастающую неустойчивость системы.

О неспособности капитала в процессе приспособления освободиться от коренных пороков, присущих системе, со всей определенностью свидетельствует один из глубочайших кризисов, разразившийся в 1973 — 1976 гг. одновременно почти во всех развитых капиталистических странах, а также начавшийся в это же время энергетический кризис, потрясший все мировое капиталистическое хозяйство и показавший глубину неустойчивости и дисфункциональности капиталистической системы в целом.

События последних лет со всей убедительностью подтверждают вывод, сделанный XXV съездом КПСС, о том, что «приспособление к новым условиям не означает стабилизации капитализма как системы. **Общий кризис капитализма продолжает углубляться...** Нестабильность капитализма становится все более очевидной»¹.

---

¹ Материалы XXV съезда КПСС, М., 1976, с. 27, 28.

В предлагаемой монографии обстоятельно, живым языком, в остро полемическом стиле излагаются наиболее существенные черты процесса приспособления капитала. Умело сочетая позитивный анализ с аргументированной критикой, автор с марксистских позиций рассматривает взгляды ряда представителей буржуазной политэкономии и социологии на проблемы развития современного капитализма.

Е. Рудаков

КАПИТАЛ КАК ЗВЕНО ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

---

1. Историческая функция капитала

Критика капитала сегодня — столь же обычное и широко распространенное явление, как и восторг и преклонение перед ним на заре капиталистического развития общества. Глубоко в основе этой очевидной перемены лежит собственное бурное развитие капитализма. Ключ к ее пониманию — в самой природе капитала, в детальном историческом и абстрактно-логическом анализе сущности, движущих сил и внутренних противоречий капиталистических отношений.

Человек и капитал исторически всегда противостояли друг другу. Но вместе с тем они всегда были взаимосвязаны. Отрицая феодальную ограниченность и деспотизм, человек всем своим предшествующим развитием фактически подготовил возникновение капитала и его господство, в нем он видел ключ к решению своих проблем.

По своей природе капитал является навязанной обстоятельствами исторической силой, через которую и в рамках которой возможно решение необходимых, закономерно возникающих общественных проблем. Будучи порождением человеческого дерзновения, капитал антагонистичен по своей сути. Его собственная сила

есть не что иное, как отчужденная от человека и отчуждающаяся человеческая сила, практически человеку противостоящая.

Несмотря на противоречивость своей природы, капитал обладает определенными стимулами, порождает возможности для такого бурного развития производительных сил, которое не было известно ни одной из предшествующих общественно-экономических формаций. Он знаменует собой исключительно важный этап в многовековом движении общества от его предыстории к подлинно человеческой истории. На практике это движение было извилистым, остроконфликтным и бурным. Насыщенное незатухающими классовыми сражениями развитие капитализма подготовило и подготавливает почву для торжества социализма.

Исторически человек связывает свои надежды на свободу, равенство и братство с капиталом. Но очень скоро он начинает понимать, что свобода, равенство и братство, предлагаемые капиталом, ограничены теми же обстоятельствами, которые в свое время привели к появлению капитала на исторической арене,— потребностями развития производительных сил общества.

Практически такая свобода предполагала и до сих пор предполагает освобождение непосредственного производителя от какой бы то ни было собственности на средства производства, так как только лишенный средств производства труженик будет вынужден «свободно» продавать свою рабочую силу на бирже труда. Это была и есть свобода рабочего продавать собственную рабочую силу.

Ограниченный характер этой свободы очевиден. Обратной ее стороной является свобода капитала неограниченно эксплуатировать труд. Братство оказывается еще более ограниченным, поскольку не распространяется на взаимоотношения между рабочим и капиталистом. Да и какое братство может существовать между владельцем средств производства и денег, охваченным бешеной жаждой наживы, и лишенным выбора пролетарием, вынужденным ежедневно продавать свою способность трудиться?

Красивый лозунг буржуазно-демократической революции о братстве между всеми людьми не коснулся существенно системы социальных привилегий. Очень

скоро капитал приспособился и к монархии, и к аристократической иерархии, и к благородным титулам.

Братство стало на деле джентльменским соглашением капиталистов соблюдать правила игры при эксплуатации рабочей силы. Исторически оно утвердилось как масонское братство эксплуататоров, объединенных эгоистическими классовыми интересами. Само собой разумеется, это масонское братство исключало рабочего.

Равенства капитал вообще не принес. Вопреки широко распространенной формуле царство капитала было и остается царством углубляющегося неравенства во всех сферах и по всем направлениям. Если не учитывать столь тривиальные стороны равного права всех торговаться на рынке труда, непосредственным капиталистическим выражением которого является равный доступ капитала к труду, все остальное неравно: неравны условия труда и капитала на рынке труда, неравны условия эксплуатации труда капиталом, неравны доходы, противоположны социальные позиции труда и капитала.

Даже самое беглое знакомство с рынком труда раскрывает вопиющее противоречие — между действительностью и красивыми сказками о равенстве при капитализме. Капиталист — это собственник, который ищет пути, способы и средства для умножения своего богатства. Рабочий для него — всего лишь средство для реализации этой цели. Если бы он мог купить только машину, без рабочего, этого столь неприятного «сознательного придатка» к ней, капиталист был бы счастлив! Но — увы! Без рабочего машина — всего лишь груда мертвой материи.

Рабочий на капиталистическом рынке труда только формально числится равноправной личностью. Его выбор варьирует между капиталистической эксплуатацией и голодной смертью. Сделка на этом жестоком рынке является ярким проявлением неравных возможностей и социального антагонизма. Даже если капиталист искренне стремится жить и действовать как добропорядочный гражданин, на деле он превращается в хищника, с животным ожесточением преследующего свою жертву. Что же касается рабочего, то он — «свободный раб», «добровольно» продающий свою рабочую силу и

тем самым отдающий себя, свое тело, ум и ловкость во власть капиталиста.

Закон капиталиста сильнее канонов любой нравственной этики. Капиталист издевается над абстрактным гуманизмом, ведь за действиями капиталиста всегда скрывается голый интерес, и именно этот интерес диктует ему линию поведения. Капитал — подлинная кристаллизация эгоизма, а эгоцентризм — генетический корень этих особых общественных отношений.

Во всех своих формах и проявлениях капитал способствует процветанию самых уродливых форм эгоистического начала в человеке. Он таким образом стимулирует личную инициативу, предприимчивость и дерзновение, что противопоставляет людей друг другу. Более того, капитал порождает такое патологическое раздувание личного интереса индивидуума, при котором сам собственник теряет человеческий облик и действует уже как персонифицированная всевозрастающая стоимость.

Экономической основой этой болезненной гипертрофии является капиталистическая форма частной собственности на средства производства, поскольку сама по себе частная собственность, характерная для ремесленного производства, не затрагивает столь существенно человеческое достоинство и не воздвигает таких границ между личным и общественным. Ремесленник — прежде всего искусный мастер, вдохновленный творец и честный член цехового объединения. Он уважает своих клиентов, любит свой труд и в свое изделие вкладывает частицу творческой души. И за эту его любовь к своему ремеслу общество платит ему благодарностью, человечески простой и искренней. Мелкий товаропроизводитель — уважаемый член общества. Власть денег еще не погасила блеск человеческих отношений. Отчуждение человека от его труда и от других людей еще не знакомо обществу.

Но капитал, однажды вмешавшись в человеческие взаимоотношения, несет с собой ужасающие деформации. Он бесцеремонно утверждает вещные формы общественных отношений. В свою очередь опосредованный характер связи между производителем и потребителем способствует появлению и процветанию товарного фетишизма. И все это углубляет процесс отчуж-

дения — товар приобретает самостоятельную жизнь, он окончательно выбивается из-под власти производителя, превращая последнего в жалкую игрушку рыночной стихии. Человек превращается в раба вещей, а его судьба уже зависит от их капризов. Он может произвести эти товары, но бессилён понять их суть.

Господство вещей над человеком порождает не только отчуждение человека труда, отчуждение между людьми, но и самоотчуждение. Вообще капитал с ожесточением попирает человеческое достоинство. Со времени своего возникновения и до наших дней он глубоко враждебен всем человеческим проявлениям. И это прекрасно понимали люди докапиталистических формаций, которые презирали и ненавидели ростовщика и торговца — этих далеких предшественников капиталиста.

Капитал безжалостно разрушает сложившиеся в веках общечеловеческие представления о том, что такое добро и зло, хорошее и плохое, нравственное и безнравственное, дозволенное и недозволенное. Все традиционные, устоявшиеся добродетели человека капитал подчиняет одной-единственной «добродетели» — способности человека умножать деньги. Все страсти и порывы отступают перед ненасытным стремлением к обогащению. Законы капитала полностью овладевают сознанием собственника, навязывая ему свою логику. И он уже не человек в традиционном смысле этого слова, а капиталист. Любовь к человеку сменяется у него любовью к деньгам. Долг по отношению к обществу принимает извращенную форму долга, сводящегося к наращиванию своего собственного капитала. И везде, где распространяется власть капитала, пыльным цветом расцветают сорняки эгоизма, жадности и наглого индивидуализма.

С общечеловеческой точки зрения капитал враждебен не только по отношению к рабочему. В нечеловеческое положение он ставит и самого капиталиста. В «Капитале» К. Маркса есть замечательные страницы о «фаустовском конфликте», порождаемом в душе капиталиста законом капиталистического накопления. С позиций капитала капиталист — лишь человеческий образ его потребностей. Существование капиталиста, его страсти и порывы, все человеческое у него подчинено интересам капитала как силы, стоящей над ним. В этом

смысле капиталист — это любимый раб капитала, его жертва. Но стоит ему попытаться вырваться из-под ограничивающей власти своего собственного капитала, дать волю проявлениям человеческого хотя бы по отношению к рабочему, и он может стать жертвой конкурентов. Ведь в мире капитала действие закона джунглей поистине неограниченно.

Так было во времена К. Маркса. Так это осталось и теперь. Разумеется, капиталист второй половины XX в. уже обладает достаточным богатством и властью, базирующимися на таком накоплении, которое дает ему большую свободу в плане всевозможных изысканий, не разрушая при этом устоев фирмы. Но сейчас, как и на заре капиталистического развития, капиталист видит в рабочем классе враждебную себе силу и каждое справедливое требование рабочих о повышении заработной платы воспринимает как наглое посягательство на свой собственный капитал.

Непримиримая противоположность интересов в данном случае идет от самой природы капитала. В качестве исторически определенной формы общественных отношений капитализм предполагает систематическое присвоение неоплачиваемого прибавочного труда рабочего. Производство и присвоение прибавочной стоимости — вот самые важные моменты в жизни капитала. И если исключить этот процесс, капитал перестанет существовать.

Вековой спор между трудом и капиталом о размере заработной платы и продолжительности рабочего дня практически наиболее непосредственно связан именно с этим определяющим моментом в воспроизводстве капитала. И для рабочего, и для капиталиста эта борьба не на жизнь, а на смерть, вопрос самосохранения, решаемый, разумеется, с принципиально различных позиций.

Рабочий борется за обеспечение элементарных человеческих потребностей. Это борьба за хотя бы сносное человеческое существование. Она отражает естественное стремление труженика получить причитающуюся ему часть продукта его же собственного труда, стремление взять соответствующую долю от прогрессивного развития производительных сил, долю, выражающуюся в растущей производительности труда.

Капиталист же ведет постоянную борьбу за обеспечение возможно наиболее быстрого увеличения своего капитала. И это — борьба за обладание всеми продуктами прогресса, борьба за неизменную, замороженную, даже снижающуюся заработную плату.

Для капиталиста мотивы требований рабочих и их революционные действия абсолютно непонятны и противоестественны. Сросшийся с капиталом, он видит в социальной активности рабочего класса открытое посягательство на то, что принадлежит ему, капиталисту. И тем самым еще раз доказывает, что все его поступки, помыслы, дела и поведение полностью детерминированы капиталом.

Антиномия труд — капитал органически присуща капитализму как системе. Она связана с *исторической функцией капитала*. Если верно понять эту функцию, можно подойти к выяснению роли и значения *исторического места капиталистической системы* в едином естественно-историческом процессе. Этот путь покажет нам тот исторический предел, к которому неизбежно приходит в своем развитии капитал как форма общественных отношений.

Возникновение капитала отражает потребности производительных сил в эпоху разлагающегося феодализма. Большие научные открытия, торжество рационализма над религиозной схоластикой и догматикой, светлая вера в разум и его способность познать мир вступили в непримиримое противоречие с отсталостью, консерватизмом и реакционностью феодальных институций. Первыми осознали это противоречие предшественники буржуазии, связавшие свою судьбу с будущей капиталистической формой производства. Эти смелые люди, выходцы из ранних итальянских городов-республик (торговцы, путешественники и дерзкие организаторы массового производства для нужд рынка), еще не знали подлинной силы капитала. Но они смутно ощущали заложенные в нем возможности и расчищали пути к его господству, разумеется, с позиций господствовавшей тогда торговой формы капитала и представлений меркантилизма.

Эпоха Ренессанса разорвала мрак средневековья. Дерзкие идеи просветительства захватили человека, который все более властно начал проявлять силу

прометеевского духа, неотделимого от его сущности. В 1445 г. Гутенберг впервые осуществляет печатное издание Библии. А с 1450 г. начинается регулярное книгопечатание. Всего за полвека книгопечатание проникает в 12 европейских стран и к 1500 г. уже насчитывается 40 тыс. экземпляров печатных книг.

Люди все теснее соприкасаются с наукой и техникой. Появляются первые научно-технические организации типа Академии тайн природы (*Academia Secretorum Natural*), созданной в 1560 г. в Неаполе. Усиленно изучается техника и изобретательское дело. Машина прочно приковывает к себе внимание ученых и практиков. Начинается публикация специальных трудов по машиноведению и внедрению машин в производство. До наших дней не утратили своей познавательной силы такие труды, как «*De re metallica*» Агриколы (1556 г.) или трактаты Рамеля (1588 г.) и Зонка (1607 г.). В те же годы закладываются основы механики — решаются самые разнообразные задачи машиноведения и машиностроения. К тому же времени относятся и знаменитые проекты Леонардо да Винчи.

Наука и искусство постепенно освобождаются от сковывающей власти богословия. Терпят крах догматические представления о мире, его настоящем и будущем. Наступает эпоха здравого, научно обоснованного «сомнения во всем». Параллельно с интересом к естественнонаучным знаниям и технике наступают новые времена и для общественных наук. В 1516 г. Томас Мор публикует свою знаменитую «Утопию», в которой с поразительной прозорливостью рисует будущее социалистическое общество, материальную подготовку к которому должен был начать зарождающийся тогда капитализм. Несколько лет спустя Макиавелли, охваченный искренним стремлением помочь обществу найти лучшие формы управления, публикует свой труд «Государь».

Вообще эпоха Ренессанса распатала устои средневековой организации общества и вступила с ней в непримиримый конфликт. Наука приобретала новые функции. Из служанки богословия и схоластики она все более определенно превращалась в служанку производства (Ф. Энгельс). Окончательное освобождение естествознания начинает, по словам Энгельса, «свое лето-

счисление» с публикации труда Коперника «Об обращениях небесных сфер», выпущенного в свет уже после смерти автора (1543 г.).

И только общественные науки все еще оставались во власти старых представлений и идеалистической методологии.

Первые формы капиталистического производства были еще не в состоянии раскрыть истинную природу капитала. Наоборот, они успешно противостояли феодальной ограниченности, порождая надежды и иллюзии у всего эксплуатируемого и бесправного третьего сословия, сознательно культивируемые его наиболее просвещенным представителем — буржуазией. Чем более развивались эти формы, тем сильнее народные массы попадали под влияние буржуазии и тем решительнее накопленная веками обида и ненависть к эксплуататору и угнетателю-феодалу способствовали приближению буржуазно-демократической революции. В существующих обстоятельствах «чистая» буржуазная революция была немыслима. Возглавив народные массы, буржуазия вместе со всеми страдающими от феодальной эксплуатации тружениками совершила Английскую буржуазную революцию (1640 — 1649 гг.) и Великую французскую революцию (1789—1794 гг.).

Радикальный характер буржуазно-демократических революций XVII и XVIII вв. был обусловлен широким участием в них народных масс. Эти революции стали самым красноречивым доказательством ограниченного характера буржуазного радикализма и буржуазной революционности. Очень скоро после победы буржуазно-демократических революций в Англии и во Франции буржуазия, бывшая гегемоном революционных битв, узурпировала все достижения революции и решительно порвала с народными массами. И все последующее развитие капитализма углубляло и расширяло эту пропасть между трудом и капиталом.

Однако будет непростительной ошибкой отрицать исторические достижения общества эры капитала. Эти достижения прежде всего связаны с бурным развитием производительных сил. Современная техника и технология, как и современная производительность труда, немыслимы без всего, что дал обществу капитал в этой области. Результаты первой промышленной революции,

создание и широкое распространение промышленной технологии и организации производства очевидны и бесспорны.

Знакомясь с этими достижениями, мы не имеем права ограничиться их простым перечислением или чисто технической интерпретацией. Исследователь всегда, при всех обстоятельствах должен учитывать и ту цену, которую общество в целом и каждый отдельный человек как его представитель платили и платят за этот прогресс.

Капитализм вызвал к жизни гигантские производительные силы. Он стимулировал бурное развитие техники и технологии производства. Было положено начало массовому производству. Человек открыл путь к изобилию. Но капитализм оказался не в силах обеспечить счастливую жизнь большинству населения и поэтому должен погибнуть.

Гигантские производительные силы — исторический актив капитализма, оправдывающий его существование как исторически неизбежного этапа на пути человечества от предыстории к вершинам его действительной истории. Но они же — и самое серьезное обвинение в адрес последнего эксплуататорского общества, оказавшегося неспособным поставить общественные производительные силы на службу человеку и его потребностям — во имя его гармонического развития и счастливой жизни.

Капитал возник и развивался как господствующая сила на базе частной собственности на средства производства. Но вместе с тем он вызвал к жизни такие производительные силы, которые быстро исчерпали возможности частной собственности, превратив ее в исторический анахронизм.

Современные производительные силы в качестве основного закона развития провозглашают обобществление производства и труда. Но капитал признает обобществление лишь в таких формах и таких пределах, которые бы отражали эгоистические интересы частного собственника, что наглядно демонстрирует историческую ограниченность капитала. Выйдя на историческую арену во имя быстрого развития общественных производительных сил, сегодня он объективно превращается в препятствие для их прогресса. И не в целом,

не вообще, а с точки зрения возможностей, которые он предлагает существованию, развитию и творчеству человека, этого ядра производительных сил.

Капитал обеспечил бурное развитие материального прогресса, но серьезно задержал развитие человека, не будучи, однако, в состоянии полностью остановить этот процесс. В условиях противоречивой капиталистической действительности, параллельно с прогрессивной техникой и технологией, с постепенным вовлечением науки как непосредственной производительной силы неизбежно рос и растет, осознавал и осознает свое собственное положение и призвание человек будущего.

Генетически капитал возникает там, где непосредственный производитель становится пролетарием и выходит на рынок труда «гол как сокол». Бывший торговец или ремесленник становится капиталистом с того момента, когда ему удастся купить особый товар — рабочую силу, т. е. только тогда, когда рабочий превратится в пролетария. Однако рабочий-пролетарий, оставаясь творцом материальных благ и носителем новой технологии, неизбежно получает определенный культурный уровень, общечеловеческую и техническую грамотность, позволяющую ему ориентироваться не только в сфере материального производства. Очень быстро пролетариат из «класса в себе» превращается в «класс для себя», т. е. в системе капиталистического производства непосредственный производитель закономерно приобретает способность осознавать свое место в историческом процессе и вести непримиримую революционную борьбу, защищая собственные интересы.

Капитализм, в сущности, создает все необходимые предпосылки для превращения пролетариата в «класс для себя»: это определенный, хотя и невысокий, уровень грамотности; постоянное знакомство с технологическими нововведениями — кристаллизацией творческого гения человека; скопление огромной массы рабочих под одной крышей, на одном предприятии и т. п. Более того, параллельно с развитием заложенного в капитале социального антагонизма вызревают и предпосылки для теоретического осмысления исторической миссии рабочего класса, для раскрытия его будущей роли носителя новых производственных отношений и гегемона в борьбе за их практическое утверждение.

Революционный переворот в обществоведении и превращение социализма из утопической мечты в науку о законах и торжестве социалистической революции в мире — также специфический продукт капиталистического развития общества. И капитализм практически не в состоянии помешать соединению рабочего класса с этой наукой и усвоению ее выводов народными массами, т. е. и в этом плане капитализм работает на социализм.

Такова общая историческая тенденция. Но ей противодействует множество национальных, региональных и континентально-географических факторов, психические особенности, исторические традиции, религиозные верования, обычаи, мечты и иллюзии, характерные для каждого исторически определенного звена системы капитала.

Общее и закономерное всегда пробивает себе дорогу среди множества случайностей, реализуясь как средняя величина постоянных колебаний в пределах необходимого и разумного. Сложные зигзаги исторического процесса не отменяют действие закона, а лишь доказывают его правоту, поскольку именно закон является центральной осью этих неизбежных отклонений в ту или иную сторону. Правильно осмыслив эту особенность проявления закона, мы сможем понять, что и в практике наиболее развитой сейчас капиталистической страны (США) нет ничего парадоксального и несообразного законам — ничего, что бы опровергало теорию. Американский империализм — это продукт особых исторических обстоятельств, без знания которых его претензии на «исключительность» выглядят вполне убедительно. Однако в свете этих обстоятельств прошлое, настоящее и будущее американского империализма оказываются в полном согласии с марксистско-ленинской теорией, с законами капиталистического развития.

Тот факт, что в США нет сильной коммунистической партии и массовых революционных профсоюзов, которые существуют в развитых западноевропейских странах, ни в коей мере не опровергает теоретический вывод о бедственном положении рабочего класса в этой цитадели империализма. Он не свидетельствует о «депролетаризации» рабочего в США и его приобщении к так называемому среднему классу. Реакционные ан-

тикоммунистически настроенные лидеры АФТ — КПП во главе с Дж. Мини — это специфически американское явление. Но его корни лежат в самом капиталистическом развитии общества. Хорошо известный парадокс, согласно которому представители рабочей аристократии проводят куда более реакционный курс, чем дальновидные представители монополистической буржуазии, нашел себе благоприятную почву в американской действительности. Вся реакционная группа Мини в американском профсоюзном движении представляет собой именно отклонение от нормы, от закономерности, — отклонение, не отрицающее, а, напротив, подтверждающее действие закона, поскольку было бы наивным отождествлять реакционное профсоюзное руководство с американским рабочим классом, да и с самим американским профсоюзным движением.

Двухсотлетняя история США в основном, в главном повторяет историю классического западноевропейского капитализма. Более того, эта уместившаяся в два века история куда более зловонна. И никакие красивые фразы об «исключительности» и едва ли не «гениальности» американского бизнесмена не в состоянии сгладить ужасающее впечатление от действительной вакханалии эгоизма, наглости и беспардонной жадности, из которых соткана история капитализма США. Неслучайно известный американский экономист проф. П. Самуэльсон пишет: «Герои наших исторических книг — это чаще всего короли, президенты, посланники и генералы. Они кружат над видимой частью айсберга жизни, тогда как о главных делах, протекающих постоянно где-то внизу, ничего не говорится... А история Америки без экономической истории — это пьеса «Гамлет» без Гамлета»¹.

Экономическая история Соединенных Штатов Америки — это история американского монополистического капитала, история самой наглой эксплуатации человека и природы ради интересов морганов, рокфеллеров, вандербильтов, мелонов и всей компании мультимиллионеров. Подлинные же герои американской истории встретили двухсотлетний юбилей в условиях одного из

---

¹ The History of American Business and Industry. N. Y., 1972, p. 6.

жесточайших за всю историю Америки экономических кризисов. Они видят социальные завоевания рабочего класса социалистических стран и не могут не задумываться над тем, что сами они не обладают и половиной социальных завоеваний, к которым привыкли даже рабочие таких капиталистических стран, как Англия, Франция или Италия. Очевидно, здесь сыграла свою роль рабочая аристократия США и ряда других стран, определяющая несколько иной характер рабочего движения. Но об этом — позже. А сейчас вернемся к исторической миссии капитала. Как мы видели, она сводится к подготовке условий для возникновения бесклассового общества.

Капиталистическое развитие, несмотря на свои уродливые формы и специфический античеловеческий пафос, способствует появлению материальных и духовных предпосылок для наиболее решительного в истории человечества шага, которым завершается эра эксплуататорского общества и с которого начинается подлинно человеческая история, — решительного шага из «царства необходимости в царство свободы».

Капитализм не в состоянии ликвидировать свою недоразвитость. Формы отчуждения, эгоизма и жадности практически являются продуктами относительной недоразвитости и связанной с ней неуверенности в завтрашнем дне — недоразвитости, от которой не может избавиться даже самый развитый капитализм.

Когда уровень производительных сил сделает возможным достижение благосостояния для всех, жадность и эгоцентризм потеряют свою социальную почву и неизбежно начнут восприниматься как патологические проявления отсталости, отчуждения и асоциальности.

Развитой капитализм второй половины XX в. уже чувствует приближение конца царству эгоизма, индивидуализма и алчности. Как мощное подводное течение в жизнь современного капиталистического общества властно врывается и становится достоянием все новых и новых слоев общества мораль, которую рабочий класс твердо усвоил еще в прошлом веке и которой следует сейчас. Недовольство капитализмом как общественной формацией становится всеобщим, осуждение существующей капиталистической действительности — все более конкретным и категоричным.

Сам факт, что виднейшие представители господствующего класса капиталистов ищут пути и средства для «омолаживания», «стабилизации», «модернизации», «очеловечивания» и «обновления» капитализма, достаточно убедительно свидетельствует о том, что капитализм исчерпал свои возможности, выполнил свою историческую функцию, стал «умирающим, загнивающим и паразитирующим» (В. И. Ленин) общественным строем, который ищет выход в приспособлении к революционному потоку времени.

Какова же природа процесса приспособления? Принесет ли он желательное омоложение капиталистической системе? Есть ли границы у этого процесса? Каковы его движущие силы?

2. «Третий возраст» капитала

Общественные формы напоминают живые организмы. Они возникают, развиваются, достигают зрелости и неизбежно погибают в силу законов, которые вызвали их к жизни.

Ускорение — закон прогресса. Само движение от низших форм к высшим порождает ускорение. Тысячелетняя история человечества подтверждает правильность этого вывода. Так, по сравнению с первобытнообщинным строем история рабовладельческой формации очень непродолжительна. Период созревания этой формации значительно больше, чем 7—10 веков господства развитой системы рабовладельческих общественных отношений. Феодализм просуществовал 12—15 веков. А капитализм выполнил свою историческую миссию за два-три века и сейчас уже вынужден решать проблемы своего «третьего возраста».

Однако ускорение не следует понимать лишь как динамику во времени, как сокращение продолжительности жизненного цикла. Его непосредственным выражением является интенсификация социальных процессов, их насыщение такой внутренней динамикой, при которой ощущение переходности становится особенно ощутимым. Если, например, в жизни крепостного крестьянина ничего существенно не менялось и он без затруднений принимал формулу своих предков «так

было и так будет!», то у пролетария уже появляется отчетливо выраженное понимание закономерности характера социальных перемен. И если на заре капитализма это чувство находилось еще в зародыше, то сейчас оно в такой степени доминирует в сознании большинства людей, что известный американский футуролог А. Тоффлер пытается даже создать всеобщую теорию о так называемом «модульном человеке».

Ускорение и интенсификация социальных процессов означают насыщение исторического процесса большим количеством событий, значимых перемен и завоеваний человека. Неудивительно поэтому, что более 90% всех достижений человека в области материальной культуры, науки и техники приходится на несколько последних столетий. Чем ближе к современности, тем более насыщен открытиями, нововведениями и переменами каждый новый отрезок времени.

В рамках капиталистического общества ускорение в области научно-технического прогресса очень быстро приобретает значение ускоренного старения и открытого отрицания капиталистических форм. Восходящее развитие капитализма фактически завершилось уже в конце прошлого века. Новое столетие он встретил, серьезно встревоженный быстрым вытеснением классических рыночных форм со стороны монополии. Свободная конкуренция неудержимо перерастала в свою противоположность. Освященные практикой принципы безжалостно разрушались на глазах тех же самых капиталистов, которые совсем недавно были готовы петь восторженные панегирики стихийному рыночному механизму. Слово «империализм» вызывало тревогу и определяло направления поисков причин кризиса старых ценностей.

В сущности, переход от классических капиталистических рыночных форм к монополистическому капитализму был логическим продолжением того самого развития, которое столь восторженно славил поклоники фритредерских идеалов. Во второй половине XIX в. капитализм усиленно создает адекватную капиталу материально-техническую базу. Это был процесс расширения и в то же время ограничения свободной конкуренции, этого стихийного регулятора капиталистического производства. Развитие капиталистических отноше-

ний опиралось на такое развитие производительных сил, для которого рамки семейной фирмы оказались слишком тесными.

Акционерная форма капитала временно разрешила это противоречие. Однако широкое развитие акционерного предприятия внесло глубокие изменения в структуру самих капиталистических отношений. Впервые в истории капитализма собственник и функционирующий капиталист уже не соединялись в одном лице, они разделялись. Отделение капитала как собственности от капитала как функции, как охарактеризовал этот процесс К. Маркс в третьем томе «Капитала», в свою очередь наглядно демонстрировало то, что историческая миссия капиталиста-собственника как организатора и руководителя капиталистического производства практически исчерпана. Непосредственным организатором капиталистического предприятия уже становится особый коллектив высококвалифицированных менеджеров. Тесно связанный с собственником (или несколькими собственниками), этот коллектив вносит новый элемент в организацию капиталистического предприятия, которое становится еще более приспособленным для научно-технической, производственной и торговой экспансии.

Акционерный капитал дал мощный толчок централизации и концентрации капитала. Соединение различных капиталов в один (централизация) сразу во много раз увеличило возможности капиталистического предприятия, размах деятельности которого далеко превосходил возможности даже самого богатого капиталиста. Строительство Суэцкого канала или бурное развитие железнодорожного транспорта было бы невозможно без акционерной формы капитала, которая дала возможность такого объединения единоличных капиталов, при котором количество уже переходило в новое качество. В этом случае преодолеваются не только границы семейной фирмы. Благодаря акционерному обществу становится возможной новая форма эксплуатации труда — в активный оборот капитала вовлекаются сбережения наемного труда (рабочих и служащих).

Рабочий и служащий — акционер — факт, значение которого далеко не исчерпывается эффектом ускоренной централизации. Этот чисто экономический эффект приобретает особое, социальное значение. Появляется

возможность для общественного использования рабочего и служащего (как «собственников») в деятельности предприятия, что вносит новые элементы в традиционно капиталистические отношения между трудом и капиталом. Раскрываются широкие возможности для социальной демагогии, цель которой — *примирить непримиримое*. Теория и практика «классового партнерства» приобретают особую материальную базу.

Таким образом, старение капитала не является прямолинейным процессом. Оно сопровождается рядом глубоких перемен в капиталистической структуре, раскрывающих новые возможности и новые горизонты развития. Органически связанные с потребностями развивающихся производительных сил, эти структурные изменения являются проявлением как необходимого процесса приспособления, так и неудержимого устаревания системы. С одной стороны, они дают мощный толчок процессу централизации и многократно увеличивают возможности концентрации капитала. Ведь там, где удачно централизованы огромные массы капитала, возможности для его быстрого самонарастания через накопление прибавочной стоимости (концентрацию) особенно благоприятны. С другой стороны, именно эти новые структурные формирования ускоряют процесс разрушения и распада классических форм капиталистического хозяйства. В традиционный классический механизм включаются новые звенья, которые действуют иначе, с других позиций и вносят все больше новых элементов асинхронности и дисфункциональности.

Процесс приспособления неизбежно направлен против самого капитала. Диалектика подобной эволюции отражает сущность антагонистической природы капитала.

Переходящие одна в другую волны концентрации и централизации капитала существенно повлияли на изменение структуры капиталистического рынка. Свободная конкуренция постепенно утратила свое традиционное значение стихийного регулятора капиталистического производства. Она безвозвратно перешла в свою противоположность — *монополию*.

Являясь продуктом углубляющегося капиталистического обобществления производства и труда, монополия вносит множество новых моментов в процесс функци-

онирования и воспроизводства капитала. Она не отменяет конкуренции, но, существуя параллельно с последней и допуская сохранение ее традиционных форм в монополизированных отраслях, порождает новый тип конкурентной борьбы. У монополистической конкуренции нет ничего общего с идеалами классического либерализма. Лояльность и неизбежное соревновательное начало здесь уступают место сознательной борьбе за уничтожение конкурента.

Место монополистической фирмы на рынке определяется величиной капитала и массой операций. Цена и прибыль зависят уже не от свободного перемещения капиталов, а от монополистической силы гиганта.

Монополия диктует условия производству и рынку, разоряя и с ненасытной хищностью поглощая всех, кто встает на ее пути. Она и сама получает удары от себе подобных — участников монополистической конкуренции. Используя перегруппировку сил, меняя формы, монополия неизменно стоит на страже интересов крупного и крупнейшего капитала, всячески укрепляя его позиции. Картельные союзы, корнеры и ринги были первыми временными соглашениями по использованию данной конъюнктуры. Однако под напором развивающихся производительных сил и влиянием острых циклических кризисов последних трех десятилетий XIX в. временные монополистические союзы переросли в устойчивые монополистические организации. Монополия стала типичным, постоянным и доминирующим явлением капиталистической экономики. Свободное рыночное капиталистическое хозяйство превратилось в монополистическое рыночное хозяйство. Классический капитализм эпохи либерализма, свободной конкуренции и преимущественно семейной фирмы уступил место *монополистическому капитализму*.

Монополистический капитализм — вершина капиталистического обобществления, и, как всякая вершина, он стал поворотной точкой в развитии капитализма. С утверждением его господства заканчивается период восходящего развития капитала. Вся последующая эволюция капиталистического общества уже неизбежно несет на себе черты обреченности: разрушаются основы классического капиталистического механизма; нарастает асинхронность в функционировании таким об-

разом обновляемого механизма; все чаще возникают сбои и все реже появляются возможности устранить эти сбои чисто экономическими средствами; нарастает и все более усиливается роль таких «внеэкономических» факторов¹, как государство, по традиционной капиталистической схеме представляющее собой экзогенную силу.

Переход к монополистическому капитализму по времени совпадает с рубежом последних веков. Таким образом, граница XIX и XX столетий оказалась поворотной точкой в развитии капитализма. Поворотным моментом перехода от восходящего, самоуверенного и освященного традицией развития к развитию остроконфликтному, отличающемуся от традиционной схемы, естественно и закономерно порождающему критическое отношение к капиталу даже в среде его ярых защитников.

Дискуссия вокруг природы этих изменений, наступивших в недрах капитализма, с особой силой вспыхнула в начале нашего столетия. Работы буржуазных исследователей, таких, как англичанин Хобс или немец Зомбарт, ревизионисты Каутский и Гильфердинг, стали своеобразной вершиной этой дискуссии, конец которой был положен трудами В. И. Ленина.

С позиций творческого марксизма В. И. Ленин раскрыл действительную природу империализма как монополистического капитализма. Он первым определил его историческое место последней стадии в развитии загнивающего, паразитирующего и умирающего капитализма. Ленинское исследование империализма является прямым продолжением экономических трудов К. Маркса в новую историческую эпоху. Работа В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» — это поистине новый раздел «Капитала», его непосредственное продолжение.

Империализм является продуктом глубоких структурных изменений в недрах капиталистической экономики. Он знаменует собой новую эпоху, новое соотношение классовых сил, новую степень обострения противоречий и новые формы их выражения. В эту эпоху

¹ Мы взяли это слово в кавычки, имея в виду, что государство, как будет показано ниже, является не только политической, но и огромной экономической силой.

старые противоречия вступают в сложные отношения с новыми, переплетаясь с ними. И все движение системы приобретает новый ритм, новые черты и особенности.

В экономическом плане эпоха империализма есть движение от стихийного рыночного механизма к углубляющейся монополизации с присущими ей элементами планомерности. Сама по себе эта монополизация не означает застоя. Империализм не стоит на месте. Он развивается. Темпы его экономического роста высоки, порой даже удивительно высоки. Но движение системы становится все более и более неуверенным. Искусственно стимулируемая функциональность неизбежно порождает все углубляющуюся дисфункциональность. Система как целое функционирует хорошо. Выглядит все вполне нормально. Но неожиданные повороты, грозные тучи и чувство неуверенности возникают все чаще, все упорнее. Частнохозяйственная монополия непрерывно расширяет свою власть. Ее экономическая мощь поистине огромна. И все же она все чаще испытывает потребность в услугах государства. Тенденция к сближению и полному объединению мощи корпорации с силой государства, к созданию единого механизма господства и контроля над экономической жизнью властно пробивает себе дорогу. Государственно-монополистический капитализм уже маячит на горизонте только что победившего монополистического капитала. Перерастая границы национального хозяйства, империализм придает все большее значение интенсивному экспорту капиталов, вовлечению в сферу эксплуатации все новых земель, природных и трудовых ресурсов. Усиленная концентрация капитала определяет новую роль банков. Возникает и приобретает все большее значение *финансовый капитал*. Этот капитал, порожденный концентрацией банковского капитала в промышленности, сосредоточивается в руках привилегированного меньшинства — мультимиллионеров, представителей финансовой олигархии.

Финансовая олигархия — типичная космополитическая сила. Это она кроит и перекраивает в своих интересах карту мира. А интерес для нее представляет все, что может служить надежным источником монопольно высоких прибылей.

Экономическая экспансия капитала за пределами национального хозяйства придает новые черты и новые измерения неравномерности — специфическому экономическому закону капитализма. Острота межимпериалистических противоречий сложно преломляется в национализме, превращая войну в новое измерение империализма.

Таким образом, ко всем испытаниям, которым подвергается человеческое начало в человеке, капитал прибавляет новое, делая войну орудием империалистической экспансии, звеном империалистического механизма. К отчуждению добавляется реальная опасность физического уничтожения — разумеется, снова под завесой таких понятий, как «национальные интересы», «национальная безопасность» и «национальные идеалы».

Органическая связь между войной и империализмом нашла свое непосредственное выражение в Англо-бурской войне (1899—1902 гг.), завершившей эпоху свободной конкуренции и открывшей эру монополистического капитализма. Это была последняя завоевательная война старого типа и первая война, возвестившая миру о том, что уже нет свободных, не занятых капиталистическими силами территорий. Каждый новый претендент на колонии, каждый новый конкурент на мировом рынке, недовольный существующим распределением территорий и рынков, мог изменить его только путем войны. Отсюда — остроконфликтный характер неравномерного экономического и политического развития.

Политика империализма — лишь иная форма движения доминирующего экономического интереса, агрессивная империалистическая политика, проводимая в интересах монополистической верхушки. Эта политика приносит страдания не только рабочим и вообще людям труда, но и всей массе мелких и средних буржуа, торговцев, фабрикантов и бизнесменов, продолжающих жить по законам свободной конкуренции, приспособляясь к господству монополистического капитала.

У рабочего класса появляется все больше причин бороться с обезличивающей его капиталистической эксплуатацией. Расширяются и возможности объединения рабочих со всеми страдающими от ига финансовой олигархии. Фронт рабочих, крестьян, разоряющихся ремесленников, пролетаризирующейся интеллигенции.

противостоящий наступлению монополистического капитала, становится все шире, а классовые сражения — все более массовыми и плодотворными. Недовольство монополистическим капиталом укрепляет позиции будущей социальной революции.

Эпоха империализма — это эпоха войн и победоносных пролетарских революций. Эта истина об империалистической стадии капитализма стала ясна миллионам людей в годы первой мировой войны. Продукт и проявление все углубляющихся империалистических противоречий, эта война знаменовала собой начало неизлечимой старческой болезни капитализма. Капиталистическая система вступала в период общего кризиса. Духовная власть капитала, на совести которого была кровь миллионов ни в чем не повинных людей, резко ослабла. Происходило быстрое «полевение» народных масс, понявших истинную сущность капитала, спекулирующего на национальных и патриотических чувствах простых людей. И они не просто осознали, но и выстрадали правоту социалистических партий, вставших в Циммервальде на сторону большевиков.

Вспыхнувшая под напором англо-германского соперничества, первая мировая война обернулась против самой системы капитала. Великая Октябрьская социалистическая революция разорвала фронт империализма. Залп «Авроры» возвестил начало новой эпохи — *эпохи революционного перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе.*

Давным-давно утратившая свои революционные качества буржуазия встретила на своем историческом пути с социалистической революцией и ополчилась против нее с присущим каждой контрреволюционной силе ожесточением. Но буржуазные армии оказались не в силах задуть первую социалистическую революцию. Братание солдат на фронте, мощный подъем революционной волны в Западной Европе и на Балканах показали истинные размеры пропасти между трудом и капиталом.

Началась эпоха перехода к новому общественному строю, что не означало еще конца капиталистического рабства. Капитал продолжал царствовать в большинстве стран земного шара. В новую эпоху борьба между старым и новым приобрела иные очертания. Но силы

старого, подвластного капиталу мира были еще огромны, хотя все будущие акции против прогрессивных движений уже приобретали характер контрреволюции.

С победой Октябрьской революции буржуазия навсегда лишилась права кичиться своей революционностью. Резко сократились (хотя и не исчезли совсем) ее попытки отождествлять себя с нацией и национальными интересами.

Появление и затем крах фашизма были лучшим доказательством этого. Уродливое проявление «третьего возраста» капитала — фашизма — было закономерным продуктом империализма. В определенных условиях и на благоприятной почве империализм всегда склонен вставать на позиции фашизма. Более того, даже формально отрицая его, империализм охотно пользуется теорией и практикой гитлеровского фашизма, насаждая его на своей собственной территории и в других странах.

Фашизм в Испании и Португалии возник и просуществовал так долго именно благодаря поддержке империализма «больших западных демократий». Фашизм не просто порождение империализма. Это самое бесцеремонное и самое грубое проявление всего того, что практически заложено в основах империализма и определяет его сущность. Фашизм — это империализм без маски. Империализм представляет собой потенциальный или скрывающийся за прикрытием буржуазной демократии фашизм¹. Фашизм хорошо вплывается в ткань современной буржуазной политической структуры. Элементы его теории и практики без особого труда можно обнаружить во всех развитых капиталистических странах.

Но это не значит, что все развитые капиталистические страны, достигшие «третьего возраста» капитала, непременно являются фашистскими. Элементы фашизма в их политической структуре весьма различны по своему виду, проявлениям и величине относительной доли. Здесь все зависит от характера самого капита-

---

¹ Реакционную сущность фашизма, этого порождения империализма, блестяще раскрыл великий сын болгарского рабочего класса Георгий Димитров в своем докладе на VII конгрессе Коминтерна.

листического развития, как и от конкретного соотношения классовых сил, демократических традиций и культуры народных масс данной страны.

Именно так стоит и проблема «третьего возраста» капитала, касающаяся прежде всего монополистического капитала. Многомиллионная масса немонополизированных капиталистических фирм продолжает жить по законам свободной конкуренции, вырождаясь под воздействием монополистического капитала. «Чистый империализм» — всего лишь научная абстракция. На практике же существует капиталистическая экономика различной степени монополизации. Ее ядром является монополистическая структура, захватившая все узловые, командные позиции в экономике. Все остальное — это неоглядное море мелкой и средней буржуазии, масса товаропроизводителей, испытывающих удары монополистической конкуренции и при каждом более или менее глубоком кризисе сверхпроизводства пополняющих ряды пролетариата. За относительно устойчивыми статистическими данными о делах средних и мелких товаропроизводителей кроется бурный процесс фактической дифференциации. Прежде чем оказаться в рядах армии работающих по найму, все разоряющиеся буржуа, ремесленники и мелкие собственники проходят через эту категорию мелких и средних товаропроизводителей.

Сложные процессы, проходящие в этом секторе современной капиталистической экономики, имеют огромное значение для правильного понимания природы, движущих сил, настоящего и будущего наиболее развитых форм монополизированного сектора. Однако их исследование невозможно без выяснения роли и значения такой абстракции, как «чистый империализм».

Не случайно при обсуждении новой программы на VIII съезде партии В. И. Ленин резко критиковал взгляды Бухарина на так называемый «чистый империализм». Методологически эти взгляды базируются на идеях Гильфердинга и Зомбарта об «организованном капитализме», пытавшихся доказать, что ранее неорганизованный капитализм терял свою гетерогенность в условиях империализма, становясь единым монолитным целым; таким образом, утверждают авторы этой теории, противоречия в рамках национального хозяйства

«затухали», оставались лишь межимпериалистические противоречия между отдельными империалистическими государствами.

Теория «чистого империализма» приводит минимум к двум неверным выводам: во-первых, она широко раскрывает двери перед правооппортунистическими, реформистскими идеями об «организованном капитализме» и о возможности мирного вращивания капитализма в социализм без социалистической революции и диктатуры пролетариата; во-вторых, эта теория сближается с идеей Каутского об «ультраимпериализме», который, понимая природу империалистической стадии лишь как агрессивную, завоевательную политику, в свою очередь также отрицал необходимость социалистической революции и обосновывал тенденцию к созданию «мирового правительства», что, по его мнению, должно привести мировую сверхмонополию (ультраимпериализм) к своему собственному отрицанию.

И в том и в другом случае мы имеем дело с теоретическими суждениями, отрицающими обострение классовой борьбы, ее естественное развитие в направлении к социалистической революции и диктатуре пролетариата. Эти взгляды открывают широкие возможности для ревизионизма, содействуют распространению буржуазно-реформистских идей «классового партнерства» и «классового мира» в эпоху империализма. Отсюда — их реакционная, антимарксистская, антиреволюционная сущность.

В. И. Ленин противопоставил этим взглядам научный анализ империализма, из которого следует, что 1) «империализм... не может перестроить капитализма снизу доверху...», не может устранить обмена, рынка, конкуренций, кризисов и т. д.¹; 2) «чистый империализм без основной базы капитализма никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет»²; «не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами, — вот существеннейшая особенность империализма вообще»³; 4) умозрительный анализ опасен для марксиста и чужд марксизму. Единственно правильный исходный

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 145.

² Там же, т. 38, с. 151.

³ Там же, т. 32, с. 145.

пункт марксистского анализа — абсолютно точно установленные факты. «Только в этом — сила нашей программы, которая через все перипетии революции подтвердилась»¹.

Несостоятельность теории «чистого империализма» очевидна каждому непредубежденному человеку, который видит наличие массы мелких и средних товаропроизводителей, видит крестьянина, ремесленника, мелкого торговца и понимает, что эти труженики будут существовать даже в период перехода от капитализма к социализму.

Известный американский экономист проф. Дж. К. Гэлбрейт в своей последней книге, трилогии «Экономические теории и цели общества», признает и специально исследует проблему существования огромной массы мелких товаропроизводителей в высокоразвитой американской империалистической экономике. Особое внимание он уделяет возможностям «рыночной системы» (т. е. немонополизированной сферы), сравнивая ее с «плановой системой» (т. е. с национальными и транснациональными корпорациями, монополизированной сферой). Более того, Гэлбрейт обновил старую идею об «исключительной жизненной силе» и быстрой приспособляемости малых фирм, основанной на самоэксплуатации мелкого товаропроизводителя, вовлекшего в свой мелкий бизнес всю семью, вынужденную день и ночь трудиться². Не принимая всерьез архистарой теории о «жизненности мелкого производства», раскрытиковой еще К. Марксом в третьем томе «Капитала», признаем, что буржуазный идеолог Гэлбрейт видит сегодня капиталистическую действительность в США яснее и отчетливее, нежели старые и современные теоретики «чистого империализма».

Правильно оценить «третий возраст» капитала можно лишь с позиций «абсолютно точных фактов», которые свидетельствуют о том, что параллельно с «империалистической надстройкой» (В. И. Ленин) существует и функционирует старая капиталистическая основа. Разумеется, относительная доля немонополизированной

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 48.

² Дж. К. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества. М., 1976.

сферы невелика и продолжает уменьшаться. Но есть ряд отраслей (особенно в сфере услуг), где мелкий бизнес процветает. Существенную роль в этом процессе играют такие факторы, как быстрая приспособляемость, личные предпочтения клиента и пр. Абсолютно точным является тот факт, что лишь 100 корпораций обеспечивают 50% общего объема производства в США. А 500 монополизированных фирм контролируют свыше 80% всех ресурсов и всего производства¹. При этом следует иметь в виду, что официальные данные всегда скрывают действительную власть монополистического капитала. Учитывая существующую систему участия и наличие многомиллионной массы мелких акционеров, создающих видимость «демократизации собственности», нелегко точно установить размер пакета акций, с помощью которого крупные дельцы контролируют деятельность той или иной фирмы. Во всяком случае, если во времена В. И. Ленина для этой цели было достаточно 40—42% всех акций, то сегодня доля «контрольного пакета» не превышает 8—10%. Вот уж поистине «демократизация капитала»!

Сожительство империалистической «надстройки» со старыми капиталистическими формами вносит много своеобразных моментов в функционирование капиталистической экономики как целого. Она уже не «чисто империалистическая», но и не «чисто либеральная», «чисто рыночная» в традиционно-классическом смысле слова. «Третий возраст» капитала, наступивший прежде всего для развитых империалистических форм, знаменует собой старение всего капиталистического хозяйства. Везде и во всем и в немонополизированной сфере ощущается власть монополий. Ведущие тенденции развития производительных сил, природа и направление процесса обобществления, структура и особенности функционального механизма капиталистического хозяйства органически связаны с *непреодолимой тенденцией к дальнейшей монополизации*.

Изучение этой определяющей тенденции свидетельствует о том, что: 1) монополистический капитализм

¹ См.: Дж. К. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. М., 1969; его же. Экономические теории и цели общества.

быстро приспособливается к ускорению, определяемому внутренней логикой развития производительных сил; 2) само развитие производительных сил стимулирует монополизацию как по вертикали, так и по горизонтали; 3) в непреодолимой тенденции к монополизации заложены факторы, усиливающие неустойчивость системы капитала как целого.

В своем «третьем возрасте» капитал функционирует под одновременным воздействием двух противоречивых тенденций: а) тенденции к модернизации, усовершенствованию и приспособлению системы к быстро изменяющимся условиям и б) тенденции к «полной плановости», неизбежно связанной с развитием производительных сил. Первая тенденция — строго эндогенная сила. Она отражает внутреннюю логику системы и лежит в основе монополизации как специфичной формы обобществления. Вторая тенденция выходит за рамки процесса приспособления капитала. Она находится в непримиримом противоречии с частнособственнической основой монополистического капитала и частично реализуется лишь в тех «элементах плановости» (Ф. Энгельс), которые допускаются и утверждаются самой монополизацией. Носителем этой тенденции является реальный социализм. В ней находит свое яркое выражение тот факт, что система капитала существует и функционирует в новой исторической эпохе — эпохе перехода к социализму во всемирно-историческом масштабе.

Противоречивые и, казалось бы, взаимно исключающие друг друга, эти тенденции органически связаны между собой. Различными путями и в различных формах в них находит свою реализацию диалектическое отрицание системы капитала. Интенсивность этого процесса и его конкретный ритм во времени зависят от множества факторов, решающую роль в числе которых приобретают изменения в составе производительных сил, соотношение классовых сил в национальном и интернациональном плане, зрелость и эффективность монополистических форм в каждом конкретном случае.

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, этот процесс только набирал силу. Мощный толчок он получил благодаря опустошительному взрыву империалистических противоречий в годы самой войны, когда

кризис капиталистической системы стал явным. Дискуссия о судьбах капиталистической системы вступила в новую фазу. Она сопровождала и сопровождает до сегодняшнего дня общий кризис капитализма, о котором говорят не только марксисты. За множеством существующих сейчас теорий модернизации, усовершенствования и стабилизации системы кроется тревога их авторов — виднейших буржуазных теоретиков.

Интенсивность этой дискуссии (как, впрочем, и пессимистический или оптимистический ее характер) регулируется состоянием капиталистической экономики. При каждом очередном усилении кризисных явлений преобладает тревога, верх берут пессимистические настроения. В условиях же «чистой стабилизации» (например, в 20-е годы) оптимизм полностью вытеснил пошатнувшуюся веру в капитал. «Отчет комиссии по новейшим изменениям в экономике США», «Доклад на президентской конференции по безработице», специальные доклады особых сотрудников (Special staff) Национального бюро экономических исследований, опубликованные в двух внушительных томах¹ непосредственно перед началом «великой депрессии» 1929 г., — отличные доказательства такого сознательно культивируемого, но не имеющего под собой реальной почвы оптимизма.

Объективный ход исторического процесса также подтвердил необоснованность этого оптимизма. Критические исследования системы с позиций буржуазии получили широкий размах. Значительно расширились состав и охват исследуемых показателей. По примеру Национального бюро экономических исследований во всем капиталистическом мире, как грибы после дождя, появлялись щедро финансируемые институты по изучению конъюнктуры. «Великая депрессия» 1929—1933 гг. до основания потрясла всю капиталистическую систему. Она дала мощный толчок процессу приспособления и фактически подтолкнула буржуазию к теории и практике государственно-монополистического регулирования. Экономическая политика президента Руз-

---

¹ См.: Recent economic changes in the United States. — Report of the Committee of Recent economic changes, of the President's Conference on Unemployment, vol. I, II, Washington, 1929.

вельта, известная под названием «новый курс», и все, что делалось в этот период буржуазными правительствами для ослабления устрашающих приступов кризиса, было решительным отказом от либеральной теории. Идеи регулятивизма уже носились в воздухе. И они нашли свою первую систематизацию в «Общей теории занятости, процента и денег» (1936 г.) Джона М. Кейнса — патриарха новейшей буржуазной политической экономии.

Кейнс открыто признал банкротство свободной конкуренции и занялся поисками выхода из кризиса капитализма через государственно-монополистическое регулирование. «Общая теория» Кейнса была типичным для буржуазной теории отражением приспособления. Восторженно встреченная перепуганной монополистической буржуазией, эта книга очень скоро стала по-длинным руководством по оказанию «скорой медицинской помощи» системе, заболевшей социальным раком. Но как раз этот-то факт не могут понять и гласно признать буржуазные теоретики, хотя многие из них смутно ощущают его значение и в разных формах даже обсуждают его¹.

Социальный рак, которым страдает современный капиталистический мир,— это его общий кризис (экономический, политический и идеологический). Основным признаком этого кризиса стало все углубляющееся разделение мира на две противоположные общественные системы — разделение, непосредственно ограничивающее сферу господства капитала и его возможности.

На первом этапе общего кризиса капитализма все еще оставалось место для иллюзий. Ослепленная антикоммунизмом, монополистическая буржуазия обманывала себя, считая социалистическую революцию «специфически русским явлением». Возникновение социализма представлялось ей какой-то «ошибкой истории», и она усердно принялась за ее исправление.

Ошибочная в своей сути, эта стратегия определяла действия монополистической буржуазии в течение всего периода между двумя войнами. Именно ею руководствовался капитал в годы интервенции против молодой Советской республики. Различные экономические

---

¹ См.: D. Bell, Jr. Kristal. Capitalism Today N. Y. 1971.

блокады и диверсии также были ее прямым выражением. Эта стратегия привела монополистическую буржуазию к позорной капитуляции перед сумасшедшими идеями Гитлера на Мюнхенской встрече в сентябре 1938 г. Это она помешала буржуазным политикам понять значение советских предложений о коллективной безопасности, сделав вторую мировую войну фактически неизбежной.

На втором этапе общего кризиса капитализма иллюзии уменьшились, но полностью так и не исчезли. «Атомная» дипломатия и «холодная война» были типичными продуктами буржуазного сознания, которое было не в состоянии понять закономерный характер социализма. Эскалация «холодной войны», политика «с позиции силы» и тактика «на грани войны» стимулировали развитие метастаз военно-промышленного комплекса, этой злокачественной опухоли в недрах капиталистической системы. Формула «процветания через милитаризацию» принесла немало прибылей монополистическому капиталу. Но в то же время она усилила в капиталистическом хозяйстве хроническую инфляцию, имеющую весьма опасные последствия. Военные авантюры в Корее и Вьетнаме, бешеная гонка вооружений, постоянная угроза катастрофического термоядерного конфликта и бесповоротное превращение американского монополистического капитала в жестокого международного жандарма империализма — таковы проявления основанного на иллюзиях поведения монополистического капитала.

Практические результаты этой стратегии весьма печальны для империализма. Она не смогла остановить поступательное развитие социализма уже в рамках мощной мировой социалистической системы. Империализм проиграл и был вынужден с позором уйти с Индокитайского полуострова.

Историческая инициатива выскользнула из рук монополистической буржуазии. Наступил новый, третий этап общего кризиса (даже в условиях отсутствия мирового военного конфликта). Соотношение сил менялось и продолжает меняться в пользу социализма. С триумфом победила социалистическая революция на Кубе. Обострились противоречия и в самой капиталистической системе. Оформилось три конкурирующих

между собой центра империализма — США, Европейское экономическое сообщество и Япония. С крахом «холодной войны» начали испаряться и иллюзии, питающие эту политику. Империализм вынужден был признать мирное сосуществование и пойти по пути разрядки.

Освободится ли монополистическая буржуазия от опасных иллюзий? Это зависит от способности ее правящей политической верхушки правильно оценивать подлинное соотношение сил в мире. Решающим в данном случае является правильное представление о значении двух взаимно связанных факторов: научно-технической революции и человека — самой главной производительной силы.

3. Научно-техническая революция, капитал и человек

Общий кризис капитализма стал выражением изменения буржуазного строя в условиях мирового революционного процесса. В нем находят отражение все изменения в позициях труда и капитала в национальном и интернациональном масштабе. В свою очередь позиции труда и капитала специфическим образом отражают структуру и динамику общественных производительных сил и их потребности. Именно в этом пункте мировой революционный процесс оказывается непосредственно связанным с возникновением и бурным развитием научно-технической революции.

Научно-техническая революция — продукт индустриального развития общества. Исторически и генетически ее корни кроются в непрерывном обмене между наукой и техникой. Как и всякий революционный процесс, научно-техническая революция многогранна и многопланова. Она включает в себя буржуазное развитие науки, техники и технологии и приводит к глубоким изменениям, касающимся места, роли и значения человека как производительной силы. Эти изменения ярко окрашены характерными чертами и особенностями господствующей общественно-экономической формации. Исходным пунктом научно-технической революции является система «наука — техника», из которой возникли два взаимно предполагающих друг

друга и тесно взаимодействующих явления: материально-техническая база современного промышленного производства и превращение науки в непосредственную производительную силу.

Материально-техническая база современного промышленного производства есть материализация достижений науки, «овеществленное знание», продукт деятельности мозга, превращенного в «орган практики». Достижения науки немыслимы без материально-технической базы современного промышленного производства. Они являются научным ответом на вопросы, которые ставит перед наукой само индустриальное производство. Но, разумеется, каждая из этих сфер человеческой деятельности имеет свою относительную самостоятельность и развивается по своим особым законам. Специфической особенностью науки в условиях научно-технической революции является ее опережающее развитие. Сегодня наука не только отвечает на поставленные производством задачи. Ее главное предназначение — опережать развитие производства, намечать контуры его будущих измерений, технологические параметры и возможности.

Наука — двигатель технического прогресса, первоисточник новых идей и решений, определяющих более эффективную организацию материально-производственного прогресса. Она не стоит ни над производством, ни вне его, она сама превращается в особую «индустрию знаний», располагая своей собственной материально-технической базой, интенсифицируется и испытывает властное воздействие ускорения, носителем которого является научно-техническая революция. Подлинная мощь научно-технической революции, однако, раскрывается там, где возникает и получает полный простор для своего развития система «наука — техника — человек».

В рамках современной системы «наука — техника» человек все еще является «сознательным придатком» машины, носителем сознательного начала, субъектом логических функций в производственном процессе как самостоятельной системе с обратной связью. Становясь же компонентом системы «наука — техника — человек», рабочий — уже не «сознательный придаток» машины. Практически он уходит из сферы непосред-

ственного производства и передает свои управленческие функции логической машине. Логическая машина по своей сути — это сложное кибернетическое устройство. Научно-техническая революция начинается там, где возникает и получает практическое применение логическая машина, точно так же, как промышленная революция начиналась с появления рабочей машины.

Появление логической машины и ее включение в систему производительных сил свидетельствует о начале нового этапа в их развитии. В ней и через нее материализуется и распространяется на все прочие элементы производительных сил и на все клетки и ячейки общества мощное воздействие науки как непосредственной производительной силы.

Логическая машина — новое, четвертое по счету звено в системе функционирующих средств производства. Ее включение в систему индустриального производства вносит глубокие революционные изменения в структуру производительных сил. Она придает новые измерения всей технической системе общественного производства. В ней реализуется очередная передача рабочих функций — от человека к техническим средствам. На практике это означает освобождение человека от непосредственного участия в материально-производственном процессе и решительное повышение его роли как неотделимой части, творца и хозяина современных производительных сил. Но понятие «хозяин» в данном случае не значит «собственник». При капитализме непосредственный производитель является хозяином, повелителем и пр., но не собственником самих средств производства, в контакте с которыми проходит активная часть его жизни. В процессе производства рабочий сливается с техническими средствами и фактически доминирует над ними. Сколь мощными ни были бы они сами по себе, эти средства функционируют как продолжение и усиление конечностей человека и его ощущений.

Научно-техническая революция разрывает и сильно видоизменяет сложившуюся веками связь между человеком и техническими средствами. Производительные силы получают новую структуру и новую функциональную характеристику. Технические средства обособляются в целостную автоматизированную систему

с обратной связью. Они самостоятельно осуществляют все (или большинство) производственные операции в соответствии с заданной человеком программой, но при новой технологии, уже свободной от ограничений в производственном процессе, связанных с непосредственным участием человека. Быстрота оборотов станка, сила и диапазон шумов, температура, радиоактивные излучения и ядовитые газы — все, что еще вчера было за пределами человеческих возможностей, сегодня, в условиях научно-технической революции, не имеет значения для нормального функционирования автономных, технически гомогенных *автоматизированных систем*.

Так выглядит научно-техническая революция, рассматриваемая в чисто технологическом аспекте, без учета серьезной перегруппировки, изменения структуры и обновления, которые решительно изменяют внутреннюю организацию и динамику производительных сил в процессе расширения НТР. Такой подход лежит в основе взглядов, согласно которым автоматизация в условиях научно-технической революции определяется как «простое продолжение старого» или «управляемая механизация... независимо от формы управления — механической или электронной»¹. Очень часто результаты научно-технической революции сводятся к зарождению и развитию «непрерывного и целостного в рамках рациональной производственной системы процесса»².

Какая же производственная система является рациональной? Можно ли оценивать характер данной производственной системы только с точки зрения технологии? Существует ли вообще какое-то абстрактное, внеисторическое, независимое от общественной формы производства определение рациональности?

Проблемы рациональной организации производства строго определены конкретно-историческими обстоятельствами. При этом критерий рациональности, присущий, например, капитализму, значительно отличается от того же критерия при социализме.

¹ Hearing before the Subcommittee on Economic Stabilization of the Point Committee on the Economic Report, Congress of the U. S., Washington, 1955, p. 543.

² Ibid., p. 32.

Рациональность при капитализме отражает движение капитала по формуле $D-T-D'$, т. е. деньги — товар — больше денег. Это означает, что рациональность в данном случае предполагает эксплуатацию труда капиталом, рационализацию форм и методов присвоения большей прибавочной стоимости при наличии минимального капитала. Практически эта рациональность направлена против непосредственного производителя: она таким образом повышает производительность его труда, что резко ограничивает условия и возможности его собственного человеческого развития.

Именно этот тип рациональности оказался проявлением чистой иррациональности, потогонной системы, унижающей человека и уничтожающей в нем все человеческое. Однако сразу заметим — рациональная организация производства обладает чисто технологическими и технико-экономическими параметрами, которые могут быть едиными для любого общества, использующего данную технологическую систему. В этом аспекте проблемы материально-технического снабжения, складов, подачи сырья, технологического размещения функционирующих технических средств, всей технологической организации производства как чисто технологического процесса, проблемы оптимального режима работы машин и механизмов, технические параметры оборудования и т. п. являются общими, и их решение однозначно или может быть однозначным, как и технологический критерий рациональности. Эта общность объясняется сходством производительных сил, их технологической структурой и преемственностью. Ведь социализм наследует производительные силы капитализма. И во многих отношениях новое, социалистическое общество видит прообраз своих будущих производительных сил в технических средствах и их технологической организации, возникших еще в рамках наиболее развитых капиталистических форм.

Техническое средство как вещь, как предмет может функционировать и как капитал, т. е. как средство эксплуатации, и как орудие, способствующее освобождению и счастливому существованию человека. Все зависит от способа его использования — т. е. от общественной формы производственного процесса.

Эта истина в наши дни приобретает новое значе-

ние, поскольку: 1) научно-техническая революция требует универсальной трансформации всех производительных сил и 2) сама по себе эта универсальная трансформация неизменно носит признаки данной социальной структуры, делающие ее, в частности, различной в социалистическом и капиталистическом обществе.

Проблема усложняется, когда мы перейдем к исследованию научно-технической революции как к осуществляемому на практике научно-техническому процессу. Абстрактно-логические определения, раскрывающие сущность процесса в целом, теряются в богатом многообразии текущей практики. Все это многообразие не только скрывает сущность. Оно навязывает исследователю новые особенности и качества, понимание которых имеет огромное практическое значение. Так, например, общераспространенные определения научно-технической революции теряют свой практический смысл, когда нам предстоит решить вопрос об импорте комплектного оборудования или комплексной технологии по лицензии из той или иной капиталистической фирмы. В данном случае на первый план в качестве решающих выступают такие категории, как: а) технологический уровень системы, на которую мы ориентируемся, с учетом тенденций, определяющих развитие научно-технической революции (т. е. перспективна или морально устарела или устаревает данная техника и технология); б) возможность включения этой техники в структуру нашего народного хозяйства и связанные с этим перемены в нем; в) наличие или отсутствие наилучших условий для человека с нашей, социалистической, точки зрения.

Вернемся, однако, к вопросу о специфике научно-технической революции, ее измерениях и последствиях ее внедрения при капитализме. Научно-техническая революция породила логическую машину и привела к коренным изменениям в структуре и функционировании производительных сил. Конечный результат этого процесса является результатом предвидения К. Маркса, писавшего, что «вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним»¹. «Развитие основного капитала, — пишет

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, с. 213

К. Маркс, — является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в *непосредственную производительную силу*, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса»¹.

Как можно видеть, К. Маркс связывает процесс превращения науки в непосредственную производительную силу (этот самый существенный момент в научно-технической революции) с двумя основными условиями: а) таким возрастанием роли науки, при котором она становится *главным агентом производства*, а знания принимают форму функционирующих непосредственных органов общественной практики — органов реального жизненного процесса, и б) способностью людей взять свой собственный жизненный процесс под контроль всеобщего интеллекта, который *не только подчиняет* своей власти общественную действительность, но и преобразует ее соответствующим образом.

Позже, при работе над третьим томом «Капитала», К. Маркс уточняет определение направлений и природы указанного преобразования, предполагающего адекватное потребностям человека развитие производительных сил и заключающегося в том, что «коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила»². В данном случае К. Маркс обращает наше внимание на социальные границы процесса. Для него развитие науки и техники предполагает соответственно и развитие институций, поскольку рациональное регулирование обмена веществ между человеком и природой может осуществляться не разьединенными частной собственностью товаропроизводителями, а ассоциированными

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, с. 215.

² Там же, т. 25, ч. II, с. 387.

производителями. В свою очередь ассоциированные производители в состоянии взять под свой сознательный контроль обмен веществ лишь в том случае, когда они уже в какой-то степени обогатились и, таким образом, приобщились к «всеобщему интеллекту» и когда они уже в состоянии осознать свои коренные интересы и отстаивать их на практике, в реальном жизненном процессе.

Во всех остальных случаях контроль над общественной практикой оказывается привилегией связанного с капиталом меньшинства, являясь контролем во имя и в интересах капитала. Причем этот контроль не учитывает фактических затрат сил и средств — для капитала интерес представляют те силы и средства, которые определяют *величину оплаченных производственных затрат*. Все остальное для него — «дар природы».

Капитал не интересуется также и тем, являются ли условия, при которых осуществляется его господство и контроль, наиболее достойными человеческой природы и адекватных ей условий. Раз реализуется идея «минимум авансируемого капитала — максимум прибыли», все в порядке, поскольку в природе капитала заложена именно линейная зависимость, которая лежит в основе движения капитала по формуле $D - T - D'$. Ведь капиталистический производственный процесс обладает параметрами самой простой минимальной задачи — самонаращивания авансируемой стоимости. Эта цель оправдывает все средства. Она доминирует в сознании «свободных буржуазных судей» и мешает им правильно оценивать такие «обычные проявления бизнеса», как сводничество и публичные дома, торговля умами и совестью людей, обман и подкуп, торговля рабами и детьми, — и не только на заре развития капитала, но и в пору его «третьего возраста».

Капиталистическое производство основывается на таком разделении труда, которое предполагает полное отделение духовных потенций от непосредственного производителя. В этом отношении капитализм продолжает традицию старых классовых обществ, в целом оставаясь им верным.

Появление машинного производства окончательно превратило производственный процесс в сферу широ-

кого применения науки, сохранив и еще более развив при этом противоречие между умственным и физическим трудом. Наука органически соединяется с техникой. Но человек, непосредственный производитель, по-прежнему остается рабом узкой специализации вопреки бурному развитию системы «наука — техника».

«Восемнадцатый век, — пишет Ф. Энгельс, — собрал воедино результаты прошлой истории, которые до того выступали лишь разрозненно и в форме случайности, и показал их необходимость и внутреннее сцепление. Бесчисленные хаотичные данные познания были упорядочены, выделены и приведены в причинную связь; знание стало наукой, и науки приблизились к своему завершению, т. е. сомкнулись, с одной стороны, с философией, с другой — с практикой»¹.

Приближающаяся к «своей законченности», наука, однако, все еще является лишь одним из агентов производства. Главным его агентом по-прежнему остается специализированный рабочий. Понадобилось множество достижений, накоплений и открытий на пути эволюции в условиях интенсивного обмена между наукой и производством, прежде чем удалось прийти к революции в науке, открывшей путь для *революции науки*. Научно-техническая революция — специфический поворотный момент в развитии науки, техники и человека. Она дает начало процессу глубокой инверсии во взаимоотношениях между наукой и техникой, которая во все возрастающей степени касается места человека в общественном производстве и вызывает его собственное ускоренное развитие.

Веками черпавшая темы, проблемы, опыт, эмпирические данные, проверенные практикой знания и собственные цели в производстве, наука наконец достигла такой степени завершенности, при которой порядок вещей изменился — она сама становится главным агентом производства. Вместе с этим меняется и вся технико-экономическая характеристика производства. Изменяются модель и показатели роста. Производственный процесс приобретает новые измерения, новый ритм и новую динамику. Воспроизводственный процесс также получает новые черты. Буквально у нас на гла-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 599.

зах вырисовывается одна закономерность, связанная с научно-технической революцией: в той же мере, в какой наука превращается в непосредственную производительную силу, интенсивный тип воспроизводства становится господствующей формой. И наоборот: экстенсивная модель роста остается типичной для низкой степени проникновения науки в производство. Практические формы проявления этой закономерности характеризуются специфическими особенностями данной общественно-экономической формации. Но за ними неизменно вырисовывается ее сущность — как непреложный закон самой научно-технической революции в производстве.

В силу тех же обстоятельств и под действием тех же сил, которые лежат в основе закона интенсификации, наступает подлинный *переворот в отношениях между человеком и машиной*. Новая структура функционирующих технических средств не нуждается в рабочем старого типа, этом «сознательном придатке машины». Автоматизированная техническая система отличается гомогенностью и автономностью. Она исключает прямое участие человека в рамках непосредственного производства. Параметры этой автономности ограничены заложенной в ней программой, которая, как и сама эта автономная техническая система, является созданием человека. Но все производственные операции автономной техники протекают нормально без участия рабочего. Поэтому производительность автоматизированной системы является показателем уже не производительности живого труда, а эффективности заложенного в ней запаса овеществленных знаний, превращенных в органы практики.

Появление и широкое распространение автоматизированных систем — великое завоевание всеобщего интеллекта, подготовленный всем предшествующим развитием человека, науки и техники величественный пьедестал, с высоты которого непосредственный производитель *может* быть освобожден от всех функций в производственном процессе, превращавших его в сознательный придаток машины. Человек, выступающий в качестве агента, уже не нужен непосредственному производственному процессу, что вовсе не значит, что общество больше не нуждается в его труде или что

труд перестал быть вечным, естественным, необходимым условием существования и дальнейшего развития человека. Меняются лишь характер, направление и сфера, меняются позиции человека в его вековом обмене веществ с природой.

Эта тенденция — длительная. Она вырастает в самой научно-технической революции и отражает путь науки как непосредственной производительной силы. Однако ее реализация сопряжена с ограничениями и появлением модификаций, связанных с характером господствующих социальных форм. Поэтому нет и не может быть никакой предварительно данной прямой функциональной зависимости между этой тенденцией и действительным состоянием науки. Причин подобной асимметрии много. Но все они заложены в системе господствующих производственных отношений. Огромную роль играют здесь и внутренние противоречия, порождаемые меняющейся структурой новых производительных сил, — противоречия между элементами системы: в пределах технических средств, организованных по-новому, а также между этими техническими средствами и человеком.

То обстоятельство, что наука становится главным агентом производства, отражает фактическую силу всеобщего интеллекта. Но это сложный процесс, и его результативность зависит от возможности общества мобилизовать все наличные человеческие силы, способности и таланты для обеспечения дальнейшего опережающего развития науки. Лишь при наличии этих обстоятельств она может быть действительно движущей силой производства и решающим фактором в процессе его обновления и повышения его эффективности. Однако именно здесь противоречия, характеризующие развитие производительных сил, своеобразно переплетаются с антагонистическими противоречиями капитализма, противостоя самой системе капитала и подрывая его устой.

Капитал поощряет интеллектуальную элиту и всеми средствами стремится монополизировать науку как какой-то особый «божий дар». Его интерес к человеку — функция самонаращивания капитала. Вне этого движения капитал не знает и не признает человека, не считаясь с его специфическими потребностями. Капитал

уважает интеллект, но лишь в пределах собственных эгоистических интересов — интеллект изобретателя, менеджера, рационализатора (т. е. интеллект, который его обслуживает). Когда же этот интеллект пойдет по пути своего собственного естественного развития и начнет задавать «опасные» вопросы: «Кто я? Для чего существую? Кому служу? Почему происходит мое отчуждение от других людей и от меня?» — тогда капитал становится злым, мстительным, необузданным в своем ожесточении. Он мобилизует всю свою власть для борьбы против тех, кто подозревает его в антигуманности и отказывается ему служить. Все атрибуты этой власти направляются против человека, усомнившегося в «священном праве капитала» пользоваться плодами неоплаченного труда человека. Деньги, государственная власть, церковь, мощная идеологическая машина — используется все, что в состоянии заглушить голос сомнения. Если же и это не поможет, вступает в действие испытанное временем иезуитское правило: «Ты познал истину, доступную только Богу, и поэтому должен умереть!»

Во всяком случае, перед системой капитала в условиях научно-технической революции встало множество новых и необычайно сложных вопросов. В великих достижениях науки капитал увидел могучего союзника и попытался его использовать. Но он пришел к неожиданным результатам. Ускорение экономического роста не избавило экономику капитала от потрясений. Щедрое финансирование науки и широкое использование ее достижений не смогло сплотить общество вокруг крупного капитала. Наоборот, дезинтеграция стала еще более сильной. Студенты, эта самая молодая и непосредственно связанная с наукой общественная сила, в бурных формах выражали свою неудовлетворенность царством капитала, начав поиски решения социальных проблем в левом экстремизме и радикализме. Рабочий класс также усилил свой натиск на капитал. Во всей идейной, политической и экономической жизни современного капиталистического общества стало властно ощущаться присутствие социализма как теории и реальности. Дискуссия о природе, историческом месте и будущем капитализма вышла за рамки университетской среды. Сегодня она красной нитью проходит через

всю сознательную жизнь человека капиталистического мира, хотя не всегда и далеко не во всех случаях участники этой дискуссии обладают оформившимся политическим сознанием и занимают ясные классовые позиции.

Все развитие современного общества, всемирно-исторические сражения между трудом и капиталом, успешное развитие мирового социализма, распад колониальной системы, частые приступы циклических кризисов, хроническая инфляция, развитие научно-технической революции и противоречивые результаты использования ее достижений в мире капитала, контраст между уверенностью в завтрашнем дне при социализме и неясной, тревожной судьбой простых людей современного капиталистического общества — эти и многие другие факторы оказывают огромное воздействие на умы и сердца людей.

Унижаемый, угнетаемый капиталистической эксплуатацией человек сегодня, более чем когда-либо, вынужден задумываться. Его прадед, если он был преданным и способным рабочим, мог бы рассказать о «благородстве доброго капиталиста» — собственнике семейной фирмы. Но сегодня такие семейные фирмы не в моде. Капитал деперсонифицировался. Формально во главе большой корпорации стоит менеджер. Он часто любит поговорить об «общности» его интересов с интересами рабочего, исходя из того факта, что его доходы также идут под видом заработной платы. Но он никогда ничего не говорит о размере этой зарплаты, о многочисленных премиях и особых источниках доходов, о которых рабочий и представления не имеет.

Не удивительно поэтому, что усилия социологов, экономистов и менеджеров создать в условиях современного капиталистического производства систему человеческих отношений свелись к одному-единственному и бесспорному результату — громогласному подтверждению нечеловеческого характера существующих отношений. Но банкротство доктрины о «человеческих отношениях» не обескуражило идеологических защитников капитала. И сегодня они с энтузиазмом ищут новые пути, средства и модели улучшения «качества жизни»,

Циклы, через которые проходит в своем развитии буржуазное сознание, представляют собой вращение в заколдованном круге. Этот круг неизбежно замыкается, и движение начинается сначала, чтобы прийти к тому же исходному пункту — ограниченности буржуазного сознания. А практика требует решения, которое бы помогло выбраться за эти исторически фиксированные рамки. И лишь единицы, лишь редкие дерзновенные умы в состоянии выйти за эти фатальные рамки буржуазной ограниченности и увидеть мир таким, каков он есть на самом деле, став активными и сознательными строителями новой жизни. Всем прочим остается только продолжать участвовать в этой изнурительной гонке по заколдованному кругу, сокрушаясь над неразрешенными и неразрешимыми проблемами капиталистического мира. И никакого значения не имеет то, что большинство из них — честные люди и их усилия — вполне искренни, а их субъективное отношение к человеку может быть положительным: все равно они остаются слугами капитала, его духовными рабами.

В основе этой лихорадочной «переоценки ценностей», о необходимости которой вот уже несколько десятилетий говорят в капиталистических странах, лежит смутное ощущение необходимости глубоких перемен. Духовные пленники капитала все более определенно понимают, что научно-техническая революция не элиминирует и не может элиминировать ни человека, ни его проблемы. Более того, значение чисто человеческих проблем все более возрастает, наводя страх на капиталистический мир. И он вынужден приспосабливаться к изменениям действительности, занимаясь поисками подходящих для него решений именно этих, человеческих проблем.

Итак, капитал вынужден приспосабливаться. Такова судьба любого властелина, утратившего свою силу и способность к проявлению исторической инициативы. Но «новые горизонты» в программах современных спасателей обреченного строя все же остаются не чем иным, как пронизанной демагогией иллюзией, — опасной иллюзией, назначение которой скрыть мучительный процесс приспособления системы капитала к революционному духу времени, отрицающему эту систему.

ДИАЛЕКТИКА ПРОЦЕССА ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Несколько веков назад капитал был новатором. В ожесточенных сражениях с феодальной ограниченностью он проявлял дерзость. С ним были связаны все самые решительные шаги в развитии общества.

Сейчас картина коренным образом изменилась. Развитие капиталистических форм продолжается. Не ослабевает и интенсивность перемен. Капитал, опирающийся на революционную по своей природе материально-техническую базу, не в силах остановить исторический поток. Но вместо того чтобы предложить новые горизонты ничем не ограниченному полету дерзновенной мечты человека, он вынужден приспосабливаться к производительным силам, обгоняющим его развитие. Приспособление вытеснило дерзновение и стало постоянной судьбой капитала. Глубоко противоречивый, этот процесс приспособления не опровергает, а лишь в обновленных формах подтверждает и воспроизводит неспособность капитала быть абсолютным способом производства. Более того, процесс приспособления — это специфически капиталистическая форма диалектического самоотрицания капитала. За ним стоят материальные и духовные предпосылки набирающей силы

социальной революции. Общим фоном этого процесса, его материальной основой является обобществление производства и труда. Главным направлением — непреодолимое удаление капитала как исторически определенной организации общественных отношений от того классического механизма, на базе которого созрели и стали господствующими капиталистические формы.

Эрозия классического рыночного механизма и растущая по горизонтали и вертикали власть монополии — вот неизбежные продукты приспособления, анализу которых и посвящена данная глава.

1. Банкротство стихийного рыночного автоматизма

Огромная власть капитала лишь иное выражение силы, дающей в руки частного собственника материальное богатство. Все дерзкие, смелые дела, как и вся мерзость капиталистического класса, — функция богатства, сосредоточенного в его руках. Человек очень рано сталкивается с властью богатства. Веками накапливается его ненависть и неприязнь к обладателям этого богатства, так как во всех классовых обществах оно было привилегией меньшинства, всегда оставаясь условием для эксплуатации тех, кто своим трудом его создает и умножает.

Богатство в эксплуататорском обществе есть символ экономического неравенства. Оно возникает одновременно с частной собственностью на средства производства там, где непосредственный производитель оказывается способным произвести больше, чем ему это нужно для обеспечения своего существования. Сколько парадоксален на первый взгляд этот факт, он верно отражает исторический путь человека, представляя собой прогрессивное явление даже с точки зрения того военнопленного, который, вместо того чтобы быть убитым (поскольку не может стать равноправным членом племенной общности), продолжит свою жизнь уже в качестве раба.

Раз возникнув, имущественное неравенство набирает силы. Обладатель богатства все более поднимается над простолюдином. Углубляется классовое разделение общества, меняются формы богатства. Рабовладелец

уступает свое место феодалу. Феодала же грубо вытеснит капиталист. Но эксплуатация человека человеком остается. И преклонение перед последней формой богатства привилегированного меньшинства достигает чудовищных размеров.

Развитие товарно-денежных отношений создало такую обстановку, при которой только что появившаяся буржуазия быстро смогла сосредоточить в своих руках огромное богатство. Рынок стал той ареной, на которой историческая энергия освободившегося от предрассудков прошлого буржуа нашла свое выражение. Ничто не могло смутить новых претендентов на власть. Смелое предпринимательство, рискованные путешествия, откровенный разбой — все было поставлено на службу необузданному стремлению буржуазии проникнуть в блестящее аристократическое общество богатой наследственной знати. Этому стремлению она подчинила свой союз с остальными представителями третьего сословия в бурные годы буржуазно-демократических революций. И очень скоро, верная лишь своим эгоистическим устремлениям, во имя которых она вышла на историческую сцену, буржуазия забыла своих бывших союзников и воскресила преклонение перед аристократическими званиями и привилегиями.

Законы господства и власти обладают своей внутренней логикой. Именно они являются источником разраза привилегий. И никакая сила классового общества не может устоять перед этим соблазном. Политическая организация общества и поработочающая власть институций в свою очередь узаконивают ее и яростно защищают от посягательств недовольных. Деловые предки современных финансовых магнатов отлично понимали, что будущее — в руках тех, кто сумеет накопить большее богатство. Поэтому они практически освободили себя от каких бы то ни было угрызений совести и решительно встали под обгащенный человеческой кровью и потом лозунг: «Богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида...»¹.

Законы рынка стали законами капиталистического производства. Все в мире капитала было подчинено

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 176.

этому стремлению к прибыли. Рациональная организация производства все более отрывалась от внутренней присущей ему цели — потребления. Ведь капитал производит только то, что приносит прибыль. Его не интересуют полезные качества производимых продуктов. Для него важным представляются поиски рынков сбыта. Раз какой-то товар пользуется спросом, значит, он полезен для капитала. В его производстве и реализуется формула $D-T-D'$, в результате действия которой денег становится больше. И что из того, что производятся ненужные или даже общественно вредные товары? Верховным судьей человеческих действий в этом случае становится не разум, не чувство справедливости или любовь к человеку — над всем преобладает власть рыночной стихии, господствует закон стоимости.

Через посредство механизма спроса и предложения закон стоимости действует как слепая стихийная сила. Он регулирует распределение материальных и трудовых ресурсов в строгих пропорциях по отраслям (с множеством отклонений от необходимого и разумного). Все зависит от слепой игры случая. Если удастся попасть в группу счастливых, нащупавших благоприятную конъюнктуру и производящих товары, пользующиеся наибольшим спросом, судьба будет к тебе благосклонна. Если нет — будь готов к любым неожиданностям. И ничто не в силах тебя спасти: ни высокое качество производимой продукции, ни любовь, вложенная в каждый ее экземпляр. Раз предложение значительно превышает спрос, разоряющая цена неизбежна и твое поражение в рыночной стихии — естественно. Уцелеют лишь самые выносливые. И самые находчивые — те, кто сумеет воспользоваться конъюнктурой и быстро приспособиться к ней. Для всех прочих открыт рынок труда. Они пополняют ряды пролетариата.

Дерзкий предприниматель XVIII и XIX вв. так срастается с рыночной стихией, что видит в ней «естественный закон жизни». И поет хвалебные гимны свободному предпринимательству, частной инициативе и ничем не ограниченной конкуренции. От государства он требует только политических гарантий неограниченности свободы деятельности, приносящей ему доходы. Пусть государство будет хорошим «ночным сторожем»!

Все остальное решит счастливый случай. Время — деньги! Не упускай момент! Не теряй понапрасну времени, человек! Копи богатство! Собирай капитал! Не думай! Нельзя терять ни минуты! Если упустишь момент, конкуренты обойдут тебя. И тогда уж не ищи виновных...

Логика капиталистического накопления — суровая, железная логика. Вся деятельность при капитализме подчинена закону джунглей. Жизнь — это «война всех против всех» (Жорж Санд). Каждый пусть думает о себе! Только Бог — обо всех! Да здравствует индивидуализм! Да здравствует свобода личности! Да здравствует священная и неприкосновенная частная собственность! Долой сентиментальность и мягкотелость! Жизнь принадлежит сильным, жестоким людям, достойным того, чтобы отстаивать эгоистические принципы всемогущего капитала!..

Такова атмосфера, в которой властвует капитал. Именно такими были XVII и XVIII вв., когда буржуазия делала первые попытки теоретически осмыслить капиталистическую действительность. Классики буржуазной политической экономии были настоящими мужами науки и вполне достойными гражданами своей эпохи. Они теоретически обосновали право капиталиста копить богатство во все возрастающих размерах и объявили капитал высшим благом. Сама капиталистическая организация в их глазах выглядела как «естественное состояние человеческого общества», «наиболее полно соответствующее человеческой природе». Адам Смит считал, например, что истинной целью капиталистического производства является удовлетворение потребностей человека. По его мнению, это положение настолько очевидно, что было бы нелепо и пытаться доказывать его истинность. Столь же «нелепым» казалось и сомнение в «добрых намерениях» и «благородной функции» капиталиста в молодом буржуазном обществе. На стороне этого истинного героя эпохи была государственная администрация и законодательная власть. Над всем и во всем доминировали интересы нового божества — его величества Капитала.

Однако очень скоро положение начало меняться. Широкое развитие фабричного производства и быстро возрастающая масса товаров вступили в острое проти-

воречие с ограниченными возможностями рынка. Одновременно со зрелостью капиталистических отношений вызревали и заложенные в капитале антагонистические противоречия. Еще не высохли чернила на страницах рукописей последнего классика буржуазной политической экономии Давида Рикардо, доказывавшего «невозможность экономических кризисов», как с неожиданной силой разразился первый циклический кризис капиталистического производства.

Это был 1820 год. Многочисленная челядь капитализма была смущена. Но этот первый кризис быстро забылся. Жизнь снова вошла в русло предпринимательской лихорадки. Новое десятилетие принесло новый кризис, новые волнения и новый подъем. Буржуазия привыкла к периодическим перепадам в экономике и даже начала воспринимать их как нечто вполне естественное. Статистическое описание циклических кризисов, приводимое в трудах Кл. Жюглара, давало хорошее представление о кризисе как реальности. А исследования Джевонса были первой попыткой объяснить недуги капиталистической системы наличием «солнечных пятен»...

Опьянение «неограниченными возможностями» капитала не проходило. Несмотря на кризисы и все более частые приступы безработицы, его восходящее развитие продолжалось. Рабочая машина соединила в себе бывшие ручные инструменты таким образом, что практически открыла широкие возможности для комплексной механизации производственного процесса.

В середине XIX в. капитал одерживает новую победу — осуществляется постепенный переход к *машинному производству машин*. Это был решающий шаг к созданию адекватной капиталу материально-технической базы — динамичной, гомогенной, независимой от ограничений цеха ремесленников. Революционная по своей природе, новая материально-техническая база внесла глубокие изменения в структуру и внутреннюю динамику капиталистического производства. Она породила новые формы концентрации и централизации капитала и расчистила дорогу зарождающейся монополии.

Непосредственным результатом этого бурного процесса стало появление тяжелой промышленности — металлургии, машиностроения, а также резкий подъем

угледобычи. Бессемеровская печь для выплавки стали (1856 г.) в несколько раз увеличила производство стали при сравнительно низких производственных затратах. В 1867 г. вошла в строй мартеновская печь, на долю которой вплоть до наших дней падает 80% мирового производства стали. В результате этих открытий, явившихся ответом на нужды развития самих производительных сил, в производстве стали было отмечено самое большое увеличение продукции — с 0,5 млн. т в 1870 г. до 28 млн. т в 1900 г. В то же время и производство каменного угля возросло со 189 до 769 млн. т.

За эти три десятилетия производительные силы стали разнообразнее: появились двигатели внутреннего сгорания, динамомашины (электромоторы), паровые турбины и пр. Была изобретена электрическая лампочка. Словом, стало ясно, что наступает эпоха «ее величества электрической искры» (К. Маркс). Потребности производительных сил уже выходили за рамки механики Ньютона и динамики. Новые приборы в лабораториях непрерывно расширяли горизонты науки. Традиционные представления в естествознании уже вступали в противоречие с новыми открытиями. Натурфилософия, позитивизм и эмпириокритицизм возникли на гребне новых производительных сил и отчетливо обозначили глубину методологического кризиса естественных наук. Одновременно с этим набирали силу для новых великих открытий математика и теоретическая физика. А теория относительности Эйнштейна дала новый философско-теоретический толчок этому дерзновению. Создавались теоретические и практические предпосылки для торжества радиоэлектроники и кибернетики.

Одновременно с бурным подъемом производительных сил зрели и совершенствовались капиталистические производственные отношения. Семейная фирма становилась все более тесной для новых производительных сил, испытывая удары акционерных обществ. Все более частыми и устойчивыми становились монополистические соглашения. Картели, ринги и корнеры подготавливали почву для синдикатов, трестов и концернов. Свободная конкуренция неудержимо перерастала в свою противоположность — монополию. Это происходило в силу тех же законов, на той же экономической

основе, во имя все той же определяющей цели — законов и движущих целей капиталистического накопления.

Капитал, освоивший революционную материально-техническую базу, уже не мог оставаться в рамках свободной конкуренции. Освященные практикой либеральные принципы, нашедшие свое синтезированное выражение в призыве «Laissez faire»¹, быстро отступали перед натиском новых форм и принципов — вначале в границах национального хозяйства и при активной помощи государства. Не случайно параллельно с капиталистическим развитием производительных сил и созреванием капиталистических производственных отношений формировалась и политическая организация буржуазии — национальное государство.

Процесс национального обособления власти капитала в свою очередь ускорял его эволюцию. Несколько последних десятилетий XIX в. были насыщены столь важными политическими событиями, как национально-освободительная война в Италии (1859 г.) и объединение страны, гражданская война в США (1861—1864 гг.), отмена крепостного права в России (1861 г.), буржуазная революция в Японии и борьба за захват богатых земель Азии, Африки и Латинской Америки развитыми и преуспевающими капиталистическими странами.

Международная экспансия капитала усиливала национальную консолидацию и приводила к обострению внутренних противоречий системы. Участились экономические кризисы. Схватки с пролетариатом становились все более острыми, а положение трудящихся — все тяжелее. В этой обстановке парижские коммунары первыми «штурмовали небо» (К. Маркс), показав всему миру высокое революционное сознание французского пролетариата.

Парижская Коммуна была первым опытом установления диктатуры пролетариата, первой попыткой ликвидировать власть капитала. Революционный подвиг парижских коммунаров, их революция, потопленная в крови объединенными усилиями западноевропейской буржуазии и особенно силами прусской армии, стал

¹ Выражение преклонения перед свободной, ничем не ограниченной торговлей, смысл которого: дайте нам свободу действий, не вмешивайтесь в наши дела!

светлой страницей в истории рабочего движения. Опыт коммунаров, их организаторская, законодательная и управленческая деятельность являются примером революционного творчества, примером верного служения классу, трудовому народу.

С присущей эксплуататору жестокостью буржуазия уничтожила Парижскую Коммуну. Но ей не удалось уничтожить в сознании народов память о величественном подвиге тех, кто заслужил бессмертие и вечную признательность поколений. Каждый, кому приходилось стоять перед исторической стеной на кладбище «Пер ля шез», прочувствовал силу этого вывода. Цветы на могилах коммунаров не увядают. Они были живыми и в трудные годы гитлеровской оккупации...

Анализ «абсолютно точных фактов» трех последних десятилетий прошлого века убедительно подтверждает правоту вывода В. И. Ленина о том, что это была «эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу»¹.

Научно-технические открытия, эволюция капиталистических форм, обострение классовых сражений и усилившаяся капиталистическая экспансия на международном рынке по-разному осознавались людьми. Но в социально-экономической литературе на рубеже веков эти глубокие изменения все более настойчиво выкристаллизовывались в понятие империализм.

Изменения в структуре капиталистического производства были замечены и Ф. Энгельсом. После смерти К. Маркса он 12 лет своей жизни посвятил работе над рукописями второго и третьего томов «Капитала», обогатив энциклопедический труд К. Маркса множеством замечаний, дополнений и уточнений, в которых блестяще обобщил новые процессы и явления. Особенно характерно в этом плане его дополнение к гл. 27 третьего тома «Капитала», где Ф. Энгельс пишет: «С тех пор, как Маркс написал эти строки, развились, как известно, новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества. Ежедневно возрастающей быстроте, с какой во всех отраслях крупной промышленности

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.

может быть увеличено производство, противостоит постоянно возрастающая медленность расширения рынка для увеличивающегося количества продуктов. То, что промышленность производит в несколько месяцев, то рынок едва может потребить в несколько лет... Издавна прославленная свобода конкуренции находится при последнем своем издыхании и должна сама признаться в своем явном скандальном банкротстве. Это банкротство выражается именно в том, что в каждой стране крупные промышленники определенной отрасли объединяются в картель для регулирования производства... В отдельных случаях возникали время от времени даже международные картели, так, например, картели, объединяющие предприятия английской и германской черной металлургии. Но и этой формы обобществления производства оказалось мало. Противоположность интересов отдельных фирм слишком часто взрывала их союз и снова восстанавливала конкуренцию. Тогда пришли к тому, что в отдельных отраслях, где это позволяла данная ступень развития производства, стали концентрировать все производство этой отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество под единым руководством... Конкуренция заменена монополией и самым обнадеживающим образом подготавливается будущая экспроприация всем обществом, нацией»¹.

Таким образом, Ф. Энгельс с точностью опытного естествоиспытателя выделил определяющие тенденции. Он четко очерчивает противоречивую природу наступающих структурных изменений, видит в монополизации особую форму обобществления и характеризует заложенную в ней историческую тенденцию — экспроприацию монополистического капитала нацией. Но Ф. Энгельс не дожил до эпохи империализма, неизбежное наступление которого ясно представлял себе.

Всесторонний марксистский анализ природы империализма был сделан В. И. Лениным. Его труды «Социализм и война», «О лозунге Соединенных Штатов Европы», замечательные «Тетради по империализму» и, разумеется, «Империализм, как высшая стадия капитализма», вершина его исследования монополистиче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 480—481.

ского капитала, — есть подлинное продолжение усилий К. Маркса и Ф. Энгельса в сфере экономического анализа капиталистического общества.

Последовательно научно В. И. Ленин охарактеризовал природу новой эпохи — эпохи империализма, войн и революций. Он глубоко проник в сущность империализма и доказал, что речь идет о новой стадии в развитии капиталистического общества, в основе которой — господство монополии. Монополистический капитализм отличается: 1) концентрацией производства, достигшего столь высокой степени развития, что были созданы монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слиянием банковского капитала с промышленным и созданием на этой базе «финансового капитала», широким распространением власти финансовой олигархии; 3) экспортом капитала в отличие от экспорта товаров; 4) образованием международных монополистических союзов; 5) завершением территориального раздела мира между крупнейшими капиталистическими государствами, в связи с чем каждый новый претендент на новые рынки сбыта, источники сырья и колонии должен вести войну ради их перераспределения.

Таким образом, выделенные основные черты империализма как явления содержат исчерпывающую характеристику его природы и подготавливают базу для анализа последующих тенденций в развитии капитала: неизбежного усиления власти монополистических форм, углубления монополизации как господствующего в процессе обобществления направления, превращения войны в иное измерение — в нераздельную часть империализма; все более решительного вовлечения государства в частные дела монополистической буржуазии, заинтересованной в агрессивных войнах, соблюдении государственных границ при экспорте капитала и широкой экспансии в рамках национального хозяйства и на мировом рынке.

Свободная конкуренция процветала и стала движущей силой капиталистического хозяйства преимущественно в рамках национального рынка. Империализм и монополистическая конкуренция нуждаются в мировом капиталистическом хозяйстве и мировом рынке. И в том и в другом случае капитал неизменно поль-

зуется услугами политической власти. Но, как уже отмечалось, государство в эпоху либерализма выполняет функции лишь «ночного сторожа» и жандарма, обеспечивающего политические условия для эксплуатации рабочего класса. А в условиях империализма оно все активнее участвует в частнохозяйственных делах монополии сначала как гарант, а впоследствии как «комитет, управляющий общими делами монополистической буржуазии». В первом случае государство служит интересам класса как целого, а во втором оно уже становится орудием империалистической верхушки, главным образом той части монополистической буржуазии, которой удастся завладеть государственной властью и подчинить ее своим целям.

Империализм способствует развитию новой роли государства — он вовлекает его в непосредственную экономическую жизнь и все более определенно видит в нем «идеального совокупного капиталиста». Ф. Энгельс отлично понимал и неоднократно подчеркивал неизбежность *тенденции к огосударствлению* хозяйственной деятельности и целых секторов капиталистического хозяйства под воздействием углубляющегося обобществления производства. Он пишет: «...Государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство указанными средствами производства и сообщения. Эта необходимость превращения в государственную собственность наступает прежде всего для крупных средств сообщения: почты, телеграфа и железных дорог»¹. И далее поясняет: «Я говорю *«вынуждено»*, так как лишь в том случае, когда средства производства или сообщения *действительно* перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет *экономически* неизбежным, только тогда — даже если его совершит современное государство — оно будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы»², т. е. экономический прогресс с точки зрения будущего социалистического общества.

Именно эта тенденция к огосударствлению в нарастающей степени характеризует дальнейшее развитие

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 289.

² Там же.

капиталистических форм. Внутренне противоречивая, как и сам капиталистический процесс воспроизводства, она намечает исторические границы, в рамках которых на капиталистической основе разрешается противоречие между новой материально-технической базой и господствующими экономическими формами. Но это не движение от старых производственных отношений к качественно новым. В данном случае речь идет о движении к новой степени зрелости самих капиталистических форм, которое не отрицает, а углубляет капиталистический характер производительных сил.

Если собственное движение капитализма все еще способно порождать новые капиталистические формы, раскрывать новые горизонты, значит, процесса приспособления еще не существует. Только исчерпав эти возможности, капитал вынужден приспособливаться. Однако само по себе это движение предполагает, во-первых, высокую степень зрелости (и «перезрелости») капиталистических форм не столько даже в рамках данной страны, сколько во всемирно-историческом масштабе, и, во-вторых, наличие социализма уже не просто как политического движения или теории, а как живой экономической, научно-технической, военной и идейно-политической реальности. Приспособление капитала — продукт одновременного существования двух мировых систем и соревнования между ними. Это противоречивый процесс с безусловно контрреволюционным зарядом. Его базой являются материальные и духовные предпосылки социализма, возникшие в процессе самого капиталистического развития. Его сущность сводится к усилиям сверху остановить революцию. При этом исторически необходимые изменения на какое-то время (пока это возможно) осуществляются монополистической буржуазией.

В этом смысле процесс приспособления является продуктом общего кризиса капитализма. Он не тождествен эволюции и развитию капиталистических форм. Однако в некоторых отношениях сам процесс приспособления продолжает и углубляет развитие существующих переходных форм, возникших под давлением обстоятельств, объективно направленных против данной системы и даже отрицающих ее.

Возникновение и господство монополистических форм — продукт капиталистической эволюции, как и огосударствление и широкое развитие государственно-монополистического капитализма. Но именно в факте существования и развития государственно-монополистических форм содержится в зародыше возможность и необходимость развития уже под знаком приспособления. Эти формы являются специфическими продуктами кризиса капиталистической системы. Они порождены крахом свободной конкуренции и связанного с нею стихийного рыночного механизма, за которыми стоит объективная тенденция к плановости, вырастающая из самих производительных сил. В рамках монополистической фирмы эта тенденция выступает в форме программы регулирования производства, в границах же глобального процесса огосударствления — как измерения государственно-монополистического регулирования вообще. И в том, и в другом случае мы имеем дело с «перезревшим капитализмом», все более втягиваемым в орбиту движения, практически отдаляющего его от классических функциональных форм и механизмов. При этом важно отметить, что если регулирование производства, осуществляемое монополистическими фирмами, затрагивает интересы немонополизированных семейных предприятий через посредство рынка и модифицирует таким образом жизненный цикл капитала, то в условиях государственно-монополистического регулирования власть монополистического капитала прямо и непосредственно распространяется на все общество с помощью новых путей и механизмов. Однако эти особенности современного капиталистического хозяйства можно правильно понять лишь после изучения сущности господствующих сейчас форм — корпорации и государственно-монополистического капитализма.

2. Современные измерения обобществления (монополизация)

Большинство иллюзий, касающихся природы современного капитализма, порождены новыми явлениями в капиталистической экономике. Они являются отражением движения капитала от семейной фирмы к корпо-

рациям, а от них — к государственно-монополистическим формам. Благоприятную почву для появления этих иллюзий создает и быстрое развитие процесса приспособления. Типичным в этом отношении примером может служить возникновение и господство акционерной формы капиталистического предприятия. Акционерное общество — продукт концентрации и централизации капитала, стало адекватной монополистическому капиталу формой. Однако на первый взгляд оно оставляет впечатление «демократизации» капитала, эта иллюзия эксплуатируется апологетами капитала до сих пор.

Монополистические фирмы, как правило, являются акционерными обществами. Это коллективные капиталистические предприятия или корпорации. На них опираются и с них начинают все монополистические формации — тресты, концерны, конгломераты, финансовые группы и прочие временные или постоянные монополистические объединения и соглашения. Широко распространенное и удобное своей краткостью, понятие «корпорация» не должно мешать нам при анализе множества разнообразных монополистических форм. Во всяком случае, если его использовать без каких-либо уточнений, оно означает просто коллективное капиталистическое предприятие, капитал которого формируется за счет объединения различных капиталов и делится на равные доли, так называемые акции, т. е. в широком смысле слово «корпорация» означает «акционерное общество».

В глазах современных буржуазных идеологов корпорация стала объектом всевозможных идеализаций. Обычно в ней видят идеальную форму для организации будущего общества, его основную клетку. Особенно активна теория о корпорации как формации будущего, как рычага «трансформации» капиталистического общества, его демократизации и гуманизации. Основы этой теории были изложены в коллективной работе Г. Минза и А. Берли «Современная корпорация и частная собственность». Взгляды Минза весьма оригинальны. Химик, бизнесмен, выпускник юридической школы при Колумбийском университете, он работал в ряде государственных учреждений — комиссии по национальным ресурсам, Бюджетном бюро США и др. Минз является видным представителем экономистов,

связанных с «новым курсом» президента Рузвельта, и его труды оказали стимулирующее воздействие на развитие американской экономической мысли.

Теоретическим ядром всех научных усилий Минза является его идея «корпоративной революции». Эта «революция», по его мнению, требует нового подхода и связана с новым пониманием собственности на капитал, новым подходом к частной собственности вообще. Минз ратует за «новую политическую экономию», соответствующую «новой модели экономики», в которой господствует корпорация. В отличие от частнопредпринимательской структуры, связанной с фабричной системой, в современной системе, основанной на корпорации, по Минзу, господствует «коллективный капитализм»¹.

Однако «коллективный капитализм» совсем не означает, что корпорация служит обществу. По мнению Минза, природу этого нового типа предприятия можно понять, если учесть, что: а) это коллективное предприятие, в котором собственность отделена от контроля за его деятельностью, и б) фактически этот контроль сосредоточен в руках небольшой группы управляющих, которая может увековечить свою власть с помощью олигархических методов. Что касается таких вопросов, как: можем ли мы объяснить поведение и действия управляющих корпорацией стремлением к прибыли? Верно ли, что они заинтересованы в максимизации прибыли? Подчиняются ли корпорации закону спроса и предложения? — то на них Минз отвечает отрицательно. Он полагает, что природа корпорации и характер капиталистической экономики можно понять лишь с позиций новой экономической теории, которую он проповедует и которую американский исследователь институционализма Аллан Грачи очень удачно назвал «административной экономией»², имея, очевидно, в виду все рассуждения Минза об «экономическом равновесии» и планировании хозяйства, о природе и регулировании так называемых «административных цен», т. е. цен на товары корпораций. Дело в том, что цены эти совсем «негибкие» и создают множество сложных

¹ G. Means. Collective Capitalism and Economic Theory.—*Science*, August 15, 1957, p. 287.

² A. Gruchy. Modern Economic Thought. The American Contribution. N. Y., p. 473, ch. 7.

проблем, существуя параллельно с «гибкими» ценами семейных предприятий, еще не охваченных корпорацией. Минз считает, что «административные негибкие цены» нарушают желанное равновесие. Именно поэтому он и мечтает о рациональном «вмешательстве администрации в использование и распределение ресурсов». Только так, по его мнению, будет создана «новая теория распределения ресурсов, в которой место невидимой руки, по Адаму Смиту¹, займет невидимая рука корпоративной бюрократии»².

Более поздние идеи Минза о корпорации и «корпоративной революции» родились под влиянием взглядов его друга и соавтора Л. Берли, рассматривавшего социальные функции корпорации в духе апологетической теории «народного капитализма», с которой связано имя Берли. Но как раз эти моменты не являются определяющими в «административной экономике» Минза, влияние которого на ведущих американских экономистов второй половины XX в. бесспорно. «Административная экономика» Минза и все его усилия в области регулирования и планирования корпорации представляют собой попытку теоретически объяснить новые явления в капиталистической экономике с позиций буржуазии и в границах буржуазного образа мысли. И все же следует признать, что во многих отношениях Минз был оригинальным мыслителем. Он высказывал такие соображения, которые и по сей день являются исходным теоретическим пунктом для многих спекулятивных утверждений.

При анализе корпорации Минз сумел нащупать наиболее важные стороны явления. Он разглядел процесс отделения собственности от контроля, понял смысл их обособления и занялся выяснением социальных последствий этого явления. Разумеется, его рассуждения более касаются «корпоративной революции» и «революции менеджеров», нежели представляют собой подлинный политико-экономический анализ корпорации. Минз не знает (или сознательно не упоминает) о том,

¹ Адам Смит в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» представляет стихийное действие закона стоимости как «невидимую руку», регулирующую экономическую жизнь.

² G. M e a n s, Op. cit., p. 291.

что в третьем томе «Капитала» проблемы, касающиеся природы и движущих сил акционерного капитала (души корпорации), уже получили глубокое научное решение. Именно К. Маркс предвидел и сумел теоретически объяснить факт *отделения капитала как собственности от капитала как функции*. Возможности для такого отделения заложены в природе банковского капитала. Предоставленный в распоряжение предпринимателя, ссудный капитал функционирует по известной схеме и обеспечивает получение прибыли, которая делится на предпринимательский доход и процент. В данном случае капитал как собственность выступает как ссудный капитал, функционирующий вне собственника и независимо от него, а также как функционирующий заемный капитал, используемый предпринимателем — непосредственным организатором производственного процесса. Именно эта сторона капиталистической действительности приобретает исключительное значение с появлением и развитием акционерных обществ.

Как отмечает К. Маркс, благодаря образованию акционерных обществ происходит «1) Колоссальное расширение масштабов производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала. Вместе с тем такие предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными. 2) Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства. 3) Превращение действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, и собственников капитала — в чистых собственников, чистых денежных капиталистов...»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 479.

Для К. Маркса акционерные общества — это «переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства... просто в функции ассоциированных производителей»¹, т. е. просто переходный пункт к новой форме производства².

Отмеченное К. Марксом упразднение капитала как частной собственности и «упразднение капиталистического способа производства»³ — крайне противоречивый процесс, не предлагающий никакого автоматического освобождения капитала от заложенного в нем антагонизма. Меняется лишь форма его движения, обогащается палитра действующих противоречий, расширяются возможности функционирующего капиталиста: с этого момента он становится более смелым и предприимчивым, поскольку рискует не своим собственным, а общественным капиталом.

Новая форма капитала освобождает функционирующего капиталиста от «фаустовского конфликта» прошлого. Сейчас моральные проповеди об абсолютной необходимости «копить» и «экономить» приобретают для него новое значение: пусть копят другие, а мы будем распоряжаться их накоплениями в этом наилучшем из миров!..

Генезис акционерного предприятия — в кредитной системе капиталистического общества. Возможность использовать чужой денежный капитал превратилась в обычную практику предпринимателя, открыв широкую дорогу для централизации — как добровольной, так и принудительной. Старые представления утратили свой смысл. Практичный буржуа быстро понял, что «удача и неудача равно ведут здесь к централизации капиталов, а потому и к экспроприации в самом колоссальном масштабе. Экспроприация распространяется здесь с непосредственного производителя на самых мелких и средних капиталистов. Экспроприация — исходный пункт капиталистического способа производства... Но эта экспроприация в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собствен-

¹ Там же, с. 480.

² См.: Там же, с. 481.

³ Там же.

ности немногими; а кредит все больше придает этим немногим характер чистых рыцарей наживы»¹. К. Маркс отмечает, что кредит стимулирует и появление кооперативных рабочих фабрик, на которых экспроприация превращает рабочих (ассоциированных производителей) в капиталистов по отношению к самим себе. Но в условиях господства капиталистических отношений эти фабрики остаются переходной формой, в рамках которой уничтожена противоположность между трудом и капиталом; рабочие становятся собственниками, эксплуатирующими свой собственный труд. Нет ничего удивительного поэтому, что кооперативные предприятия при капитализме влечат жалкое существование и с трудом выдерживают конкуренцию корпорации — средоточия огромных частных капиталов.

Итак, корпорация — это типичный продукт противоречивого развития производительных сил и экономических отношений на капиталистической основе. Она несет в себе элементы будущей организации общественного производства, чем и объясняется ее жизненность. Но, оставаясь типично капиталистическим предприятием, корпорация не устраняет присущий капиталу антагонизм и не может ослабить враждебность капитала по отношению к человеку. Развязывая руки предпринимателю, занимающемуся всевозможными махинациями и биржевыми спекуляциями, она не ликвидирует связь между собственностью и управлением бизнесом. Эта связь лишь модифицируется, приобретая характер монополистического контроля через «контрольный пакет акций», с одной стороны, и через подставных лиц (высших администраторов) — с другой. В книге известного американского экономиста Виктора Перло «Империя финансовых магнатов», как и в более поздних исследованиях, опирающихся на богатую и достоверную информацию, анализируются сложные связи между этими управляющими и фактическими хозяевами. Достаточно ознакомиться с трудами В. Перло, объемистым исследованием Ф. Ландберга «Богачи и сверхбогачи», с широкоизвестной монографией покойного американского социолога Райт-Милса «Властвующая элита» и с интересной моногра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 483.

фией И. И. Беглова «США — собственность и власть», чтобы убедиться в фальшивости и апологетизме сказок о «корпоративной революции», «бескровной революции» или так называемом «внегосударственном коллективизме», в основе которых лежит сознательная или бессознательная апология капитала. Все подобные теории связаны с неспособностью (или нежеланием) буржуазных ученых вникнуть в природу корпорации и понять общее направление изменений, которые вносит в жизнь развитие капиталистической системы. Существенную роль в распространении таких взглядов играют труды институционалистов — Хобса, Веблена, Гэлбрейта и Мюрдаля.

Кардинальным вопросом, в ответе на который эти исследователи отходят от истины, является вопрос о том, кто же фактически владеет корпорациями — управляющие (менеджеры) или монополистический капитал, обладатель «контрольного пакета акций». Минз, Берли и их последователи в один голос утверждают, что власть от собственника переходит к менеджеру. Гэлбрейт прямо пишет: «За последние три десятилетия скопилось немало доказательств в пользу того, что в современных крупных корпорациях власть от собственников переходит к управляющим... Последние, хотя и обладают незначительным количеством акций, крепко держат в своих руках предприятие. По всем видимым признакам власть принадлежит именно им»¹. В этом высказывании Гэлбрейта бесспорно верным является лишь словосочетание «по всем видимым признакам». А по невидимым? Разве не они как раз и являются первопричиной существования науки?

Действительно, на первый взгляд кажется, что менеджеры действуют как собственники. Но видимость явления, как правило, обманчива. На самом деле менеджеры, если они не являются представителями фипансовой олигархии, всего лишь подставные лица. Они — хорошо подобранные слуги, все свои способности, опыт и знания отдающие на службу монополистическому капиталу — разумеется, не даром. С помощью существующей системы оплаты, разнообразных

---

¹ См.: Дж. К. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество.

премий и подарков они часто превращаются в собственников. Даже когда речь идет о безусловно талантливых людях из рабочих семей, наделенных исключительными качествами, они неизбежно в итоге попадают в этот узкий круг привилегированного капиталистического меньшинства, внося свежую струю в этот довольно замкнутый круг финансовой олигархии. Обычно эти люди в конце концов устанавливают кровные связи в мире финансовых магнатов и верно служат ему или же становятся его жертвой.

Буржуазные исследователи корпорации рассматривают явление изолированно, в отрыве от контекста глубоких изменений, которые вносит в капиталистическую структуру и функциональные механизмы капитала переход к монополистическому капиталу. Они недооценивают или попросту не замечают тот факт, что «...преобладание финансового капитала... означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии...»¹.

Понимание этого факта открыло В. И. Ленину путь к выяснению природы монополистического капитала. При существующей системе централизация капитала путем самого широкого участия мелких и средних вкладчиков лишь прикрывает власть крупных и сверхкрупных магнатов. Более того, существует устойчивая зависимость между «демократизацией собственности» через вовлечение максимального числа мелких акционеров и величиной «контрольного пакета», необходимого финансовому капиталу для осуществления абсолютного контроля над деятельностью корпорации.

Господствующая позиция финансовой олигархии означает, что к традиционным источникам власти банковский капитал добавляет новые накопления акционеров (рабочих, служащих, мелких и средних бизнесменов), поддавшихся на искусную пропаганду крупного бизнеса. К этой власти следует присовокупить и «силу голоса» рантье (обычно старых джентльменов), передающих свои акции в распоряжение наиболее солидных банков.

Здесь, однако, следует внести одно уточнение. Когда мы говорим о контроле, осуществляемом над

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 357.

промышленными корпорациями банками, не следует забывать о том, что сами эти банки также являются акционерными обществами и, таким образом, становятся объектом контроля. Вот этот-то контроль над контролирующей институцией и осуществляется масонским братством богатейших семей, связанных между собой множеством родственных и деловых связей. Союз богачей — вот что представляет собой монополистическая верхушка, олицетворяющая высшую власть капитала. Эта верхушка осуществляет *личную унию* фактических собственников — сверхбогатых банкиров и промышленников, которые в большинстве случаев совмещают эти две функции. Они же являются и главными фигурами на бирже ценных бумаг. Из этой олигархической верхушки формируются советы мощных финансовых групп и центры экономической и политической власти¹.

Когда речь заходит о финансовых группах, многие буржуазные исследователи склонны признать их связь с политической властью. Часто они даже предупреждают общество о скрытой здесь опасности. Так, У. Адамс и Г. Грей отмечают, что «финансовые группы являются политизированными единицами», отстаивающими свои интересы через посредство правительственных органов². Некоторые буржуазные исследователи видят, как «центры экономической власти» тесно сплетаются с «центрами политической власти», и даже пытаются обосновать своеобразную закономерность: превращение «массы» богатства в соответствующую «энергию» политической власти (эту идею отстаивают, в частности, У. Адамс и Г. Грей). Но вопреки этим трезвым мыслям и идеям господствующей тенденцией остается идеализация корпорации, стремление буржуазных ученых представить ее как форму преодоления власти капитала и плутократии.

Борьба против подобной идеализации возможна лишь с позиций «абсолютно точных фактов» (В. И. Ле-

¹ Интересные сведения по этому вопросу даются в книге советского ученого А. Г. Куликова «Генеральные штабы монополий», М., 1969.

² W. Adams, H. Gray. Monopoly in America. N. Y., 1955, p. 21.

нин). Именно такие точные, типичные, массовые, а не произвольно подбираемые на поверхности явлений факты и составляют реальную базу подлинно научного анализа. Произвольные факты и фактики нужны тем, у кого есть основания бояться правды и кто делает все возможное, чтобы скрыть ее. А истина о чудовищной власти капитала в современном царстве монополий скрывается за блеском сознательно украшаемого демократического фасада. Но она все же существует и нередко становится явной — при малейшем посягательстве на власть финансовой олигархии. И тогда легенда о «новом классе менеджеров» как реальном агенте власти и контроля получает свою истинную цену. Подобно всем мифам, теория о «новом классе» и его «независимости» от собственности на капитал имеет определенную связь с действительностью.

Администрирование не есть обладание. Оно не устраняет собственника, не лишает его реальных прав на контроль за своей собственностью. Эта истина хорошо известна еще со времен феодализма, когда богатые помещики, графы, бароны и князья большую часть своего времени проводили вдали от своих имений. И управляющий этим имением никогда не считал себя его владельцем. Да и теоретики не позволяли себе такой вольности — приписывать ему подобные качества.

На чем же в таком случае основываются теории о «корпоративной революции»? Каковы аргументы в пользу «управленческой революции» и «нового господствующего класса»? Власть капитала сегодня хорошо могут понять лишь те, кому удастся заглянуть по ту сторону фасада, за рекламные плакаты присущего капитализму эгалитаризма (тенденции к равенству, признания равных прав для всех). Особенно силен эгалитаристский этикет капиталистических отношений в самой развитой капиталистической стране — США. Именно в этой обширной и богатой стране, прошедшей все ступени капиталистического развития в кратчайшие сроки, эгалитаризм особенно навязчив. В университетских кампусах¹, на спортивных площадках, на

---

¹ Кампус — университетский городок, в котором расположены учебные корпуса и студенческие общежития.

улице — словом, везде, даже в тоне диктора телевидения, вы заметите проявления этого эгалитаризма. И ведь здесь, в США, нет наследных баронов, графов и князей! Самые богатые семьи знают свое родословное дерево, корни которого теряются всего лишь где-то в прошлом веке. Но все эти дюпоны, морганы, рокфеллеры и форды позаботились о том, чтобы найти себе способных биографов, которые бы разукрасили биографии их «трудолюбивых и рачительных» предков.

В «стране неограниченных возможностей» широкой популярностью пользуются сказки о счастливом случае и не без оснований отдается дань способностям человека независимо от того, идет ли речь об умственных способностях или об умении быстро и точно стрелять, свалить противника с ног одним ударом. Для всех тех, кто не страдает простодушной доверчивостью и может видеть глубже поверхностного слоя видимых и широко распространяемых фактов, корень этих мифов вполне ясен. Это хорошо показано, в частности, в книге социолога Венса Паккарда «В погоне за общественным положением». В отличие от сторонников теории о «корпоративной революции» Паккард пишет: «Линия на сохранение классовых различий во многих аспектах нашей жизни, как видно, становится более твердой»¹. Говоря о том, что даже дети уже с раннего возраста хорошо понимают значение «классового этикета» и ориентируются в «границах, в которые замкнуто наше повседневное существование», Паккард объясняет распространенность мифа о «равных возможностях» «желанием пожилых американцев, особенно предпринимателей, культивировать американскую мечту о равенстве. Великий экономический кризис 30-х годов вселил страх в души богатых. Они научились быть более осторожными и более сдержанными в своих проявлениях. Богатые убедились, что в современной Америке можно пользоваться властью, лишь отрицая, что обладаете ею...»².

Да, богатые убедились в том, что при новых условиях можно обладать и пользоваться богатством тем

¹ V. Packard. The Status Seekers, N. Y., 1959, p. 5.

² V. Packard. Op. cit., p. 24.

успешнее, чем меньше демонстрируешь власть, получаемую благодаря этому богатству. В первую очередь следует показывать человеческое у капиталиста, его способность трудиться не покладая рук и, следовательно, преуспевать! Вот тогда-то и возникла потребность в теории типа легенды о «корпоративной революции». Она обосновала «исчезновение власти, идущей от обладания собственностью», и «раскрыла» власть «нового господствующего класса» — управляющих, менеджеров. Выглядит все очень просто: власть у того, кто ею пользуется; главное — это контроль над богатством, а не собственность; главное — это управление корпорацией, а не количество акций. Талант администратора, его знания и опыт — вот что делает его фактическим хозяином функционирующего капитала. Отсюда его реальная власть, власть руководителя капиталистического предприятия, осуществляющего высший контроль над капиталом. Собственник же — пассивная, незначительная фигура, просто рантье!

Примерно в таком стиле было выдержано обстоятельное изложение Нельсона Рокфеллера специальной комиссии сената, разбиравшей личное дело кооптированного, но еще не получившего официальное назначение вице-президента США. Упоминая об овладевшем им «чувстве смирения» и об «осознании им исторического значения» этого события, Нельсон Рокфеллер последовательно анализирует всю родословную своей богатой семьи по отцовской и материнской линии. В сочинении есть специальный параграф о «филантропии Джона Рокфеллера» — основателя этой нефтяной династии, в котором нарисована умильная картина благотворительных дел этого преуспевающего дельца. Так, в 1901 г. он создает «Рокфеллеровский институт медицинских исследований», в 1903 г. — «Общеобразовательный совет» для налаживания системы образования главным образом на бедном Юге, в 1913 г. — известный «Рокфеллеровский фонд», учрежденный «для улучшения жизни рода человеческого в мире»... И ни слова в этом сочинении не было о гангстерских методах, с помощью которых были захвачены нефтеносные земли в Калифорнии, об источнике огромного богатства, о сделках, обеспечивших Рокфеллеру право контроля над «Стандард

ойл оф Нью-Джерси», о колоссальном могуществе семьи...

Нельсон Рокфеллер не забыл упомянуть о том, что все члены семьи регулярно выплачивали свои налоги и действовали в духе самой характерной семейной черты — филантропии. Остается только удивляться, каким образом столь благодетельный и филантропически настроенный человек, как Джон Рокфеллер, сумел оставить своему единственному сыну кругленькую сумму в 465 млн. долл.! Джон Рокфеллер II израсходовал на «филантропические цели» огромную сумму в 552 млн. долл. и выплатил налогов на 317 млн. долл... И тем не менее оставил своим наследникам сотни миллионов долларов.

Из пространного (72 страницы) изложения Н. Рокфеллера видно, что он располагает 218 млн. долл., в число которых входит и «несколько миллионов приданого» его жены. Все сочинение кооптированного вице-президента преследовало одну цель — «развеять миф о семейной империи Рокфеллеров»¹. Целых три месяца американское телевидение, печать и радио «разъясняли» это американцам — во время прямых телевизионных репортажей о встречах с г-ном вице-президентом, его братом — председателем «Чейз Манхэттен бэнк» Дэвидом Рокфеллером — и другими приближенными в хорошо подготовленных статьях и репликах, в интервью. И все это для того, чтобы создать в глазах публики ореол «чистокровного, благовоспитанного и благородного американца, носителя самых добрых американских традиций»!

В этом прекрасно отрежиссированном спектакле были и свои драматические моменты: например, случай, когда члены комиссии конгресса подняли весьма неприятный вопрос о щедрых подарках Н. Рокфеллера видным политическим деятелям и государственным служащим. Если просмотреть страницы «Нью-Йорк таймс» от 24 октября 1974 г., мы увидим внушительный список точных сумм, выплаченных Рокфеллером. Там фигурируют такие имена, как Рассел Кларк, эксперт по банковским делам — 25 тыс. долл.

¹ Все данные взяты нами из *The New York Times*, September, 24, 1974, p. 1, 34, 35.

в подарок при переводе его на другую работу; инженер Гейнер — 107 тыс. долл. при переезде на новую квартиру; Генри Киссинджер — 50 тыс. долл. в подарок при переходе с должности консультанта Рокфеллера на работу к президенту «не только из добрых чувств и в знак высокой оценки неоценимого сотрудничества д-ра Киссинджера, но и в качестве финансовой помощи в связи с бракоразводным процессом...»¹. Только названные в этом списке «реципиенты» получили 840 тыс. долл. денежных подарков! В своем письме к председателю комиссии Н. Рокфеллер подчеркнуто ясно говорит о «своем счастье» в связи с тем, что он всегда действовал в духе лучших традиций его семьи и всей Америки. И эта мысль неоднократно приводилась как аргумент в пользу его назначения вице-президентом.

В ходе одной из многочисленных кампаний, организованных семьей Рокфеллеров для выдвижения кандидатуры Нельсона Рокфеллера на пост президента США, находчивые журналисты задали ему такой вопрос: не намерен ли он продать принадлежащий ему пакет акций в нефтяной промышленности. И Рокки ответил: «Откровенно говоря, этот вопрос угнетает меня». И, осудив закон, требующий от него этого, сказал: «...нельзя ликвидировать эмоции всей моей жизни...»².

Если собственность на акции столь незначительна, как это пытаются представить теоретики «корпоративной революции», почему же такой финансовый магнат, как Н. Рокфеллер, столь чувствителен к ней? Очевидно, потому, что он лучше, чем они, понимает роль собственности на крупный капитал как решающего источника власти в современном капиталистическом обществе. А стремление финансовых магнатов прибрать к рукам и политическую власть в свою очередь способствует усилению борьбы за непрерывное увеличение их экономического богатства. В. И. Ленин проницательно раскрывает эту тенденцию к «личной унии», существующей в финансовой олигархии, к которой добавляется и «личная уния»

¹ *The New York Times*, October, 12, 1974.

² *The New York Times*, December 17, 1959.

между финансовым капиталом и государственной высшей администрацией.

«Личная уния» между финансовой олигархией и государственной властью играет колоссальную роль в конкурентной борьбе между магнатами и аутсайдерами. Она склоняет весы истории в пользу тех группировок или просто семей, которые сумели захватить власть — ведь власть всегда приносит привилегии. Мало того, фактическая сила «экономически сильного» состоит как раз в том, чтобы он мог держать в своих руках политическую власть — без нее он не сумел бы сохранить свое экономическое господство.

Лицо каждого общества определяется характером господствующих в нем отношений собственности. Они — та реальная база, на которой строятся общественные отношения вообще. Именно поэтому все усилия раскрыть природу корпорации и «механизма власти» в современном капиталистическом обществе путем принижения или отрицания значения собственности на капитал не имеют ничего общего с серьезным научным анализом. Такой подход оправдывает лишь грубо идеологические цели и задачи. В сущности, он имел бы определенное реальное значение, если бы 1) все акции, из которых складывается капитал данной корпорации, были бы поровну распределены между акционерами, 2) общие собрания акционерного общества стали подлинными управляющими органами с одинаковой степенью участия всех акционеров и 3) управляющие органы — совет директоров, президенты и администраторы — избирались всеми акционерами демократическим путем.

Но ни одно из названных условий не существует в действительности. Структура собственности в корпорации при всех обстоятельствах характеризуется наличием двух основных компонентов: собственности фактических хозяев корпорации (представителей финансовой олигархии) и собственности «толпы» (мелких и средних акционеров — пенсионеров, старых джентльменов-рантье, чьи акции переданы в банки для оперативного использования и др.).

«Контрольный пакет» акций является объектом сложной закулисной борьбы представителей финансовой олигархии. Интересы его обладателей обслужи-

вают специализированные институты. Их агенты регулярно следят за биржевыми операциями, своевременно узнают о грозящей опасности, о перемене курса, любой «подозрительной активности» в лагере конкурентов. Цель всех усилий — поддерживать уровень «контрольного пакета» в таком состоянии, чтобы во всех случаях решающий голос оставался за контролирующей финансовой верхушкой. Но если это условие реализуется, корпорация, в сущности, перестает быть коллективным предприятием. Она функционирует и воспринимается собственниками «контрольного пакета» как их семейное предприятие. Все кардинальные производственные, торговые, кадровые и прочие вопросы решаются *советом директоров*, ничем существенным не отличающимся от семейного совета олигархических фамилий.

В исследованиях Ф. Ландберга («60 семейств США»), трудах В. Перло, монографии И. Беглова, ежегодных публикациях в американском журнале «Форчун» о ста наиболее могущественных корпорациях, материалах в газетах «Уолл-Стрит джорнэл» и «Файнэншл таймс» приводятся списки членов господствующих семей. Существует даже общее согласие по поводу основных цифр. Последние 50 лет под влиянием трудов А. Берли, Р. Милза в американской экономической и социологической литературе считается доказанным, что 40% директоров являются «независимыми администраторами», носителями «организованных знаний» (Гэлбрейт). Отсюда обычно делается вывод в пользу идеи о «решающей роли» профессиональных управляющих, рассматриваемых как «новый класс».

Никто, однако, не спорит с тем, что остальные директорские места сосредоточены в руках самой финансовой олигархии или ее доверенных и близких лиц. Никто не отрицает также и того, что на представителей 1981 семейства, входящего по официальным (и, разумеется, совсем неполным) сведениям в список обладателей капитала свыше 10 млн. долл. в акциях, приходится 6275 директорских мест. В некоторых корпорациях представители финансовой олигархии занимают по четыре, пять, семь и более директорских постов. Например, в «Э. И. Дюпон компани» семье Дю-

понов принадлежит 13 директорских мест, а в совете директоров многонациональной корпорации «Интернэшнл бизнес мэшин» заседают миллионерша Уотсон, два ее сына (Томас и Артур) и зять А. Бакнер.

Нет ни одной корпорации, где бы обладатели «контрольного пакета» акций не были представлены (прямо или косвенно) в совете директоров. А в этих советах, как и на общих собраниях акционеров, решающий голос принадлежит собственнику, т. е. его «сила голоса» зависит от количества принадлежащих ему акций. В экономической и социологической литературе существует немало интересных исследований, касающихся этого парадоксального положения, имеющего место на общих собраниях в корпорациях. Формально эти собрания являются решающим органом власти в корпорации, но фактически их посещают только пенсионеры и рантье, передавшие «силу голоса» своих акций в руки банков. И голосование за какое-либо решение не является основной заботой организаторов этих собраний. Все их неприятности связаны с организацией развлечений господ акционеров. Даже если несколько тысяч участников объединятся и проголосуют против предложений администрации, ничего не изменится. «Сила голоса» принадлежащих им акций, обычно не превышает 0,5—1% всех акций, тогда как финансовая олигархия в любом случае имеет 15, а иногда и 40% акционерного капитала. К тому же крупных собственников объединяет общность интересов. Они — спутники на орбите вокруг одной и той же силы — принадлежащего им богатства. И именно эта гравитационная сила поддерживает их единство, диктуя поведение, общность действий вне зависимости от личных симпатий и антипатий. Здесь господствуют оголенные интересы капитала. Все остальное — несущественно и второстепенно. Личное, человеческое уходит на второй план, поскольку «эмоции» капиталиста, о которых говорит Пельсон Рокфеллер, это всего лишь «эмоции капитала». Они представляют собой персонификацию его интересов и потребностей. Он — господствующая сила. Власть капиталиста, финансового магната, все его личные качества получают измерения, относительную силу и вес лишь благодаря капиталу. Вне этой особой силы

капиталист имел бы весьма жалкий вид, но, обладая ею, он становится и властелином и рабом.

Горизонтальный срез современного буржуазного общества позволяет выделить три группы капиталистов:

а) *финансовая олигархия*, или верхушка, в которую входят финансовые магнаты, контролирующие ключевые позиции капиталистической экономики;

б) *крупная буржуазия*, богатство которой сосредоточено в отдельных, порой весьма крупных промышленных, строительных, транспортных или финансовых корпорациях. Представители этой группы обычно не входят в число потомственных миллионеров, не принадлежат к клану финансовой олигархии, к ее кругу. Именно поэтому их называют «аутсайдерами». Их состояние является неустойчивым и переходным. Если их позиции прочны и будущее обеспечено, перед ними может возникнуть перспектива войти в орбиту финансовых магнатов. Однако чаще они становятся жертвой финансового капитала;

в) *средняя буржуазия* — предприниматели, богатые фермеры, фермеры-предприниматели, богатые представители свободных профессий, входящие в самые разнообразные объединения и союзы, высокооплачиваемые менеджеры. Эта наиболее разнородная и пестрая по своему составу группа является и самой многочисленной. Именно здесь распространяются антимонополистические настроения. Часто эта группа становится носителем буржуазно-радикалистских идей, но по своему общественному положению, судьбам и интересам она все же представляет собой органическую часть класса капиталистов, политически тяготея к последнему. Ее участие в антимонополистической борьбе крайне ограничено, так как члены этой группы весьма подвержены колебаниям. Они живут надеждами на то, что сумеют продвинуться по общественной лестнице вверх, к более высшим группам.

Мелкая буржуазия родственна в душе классу капиталистов. Но обычно она сама себя эксплуатирует¹, испытывая удары капиталистической конкуренции и оставаясь на поверхности лишь благодаря жесточай-

---

¹ Эту истину, открытую К. Марксом, сегодня признают даже такие буржуазные экономисты, как Гэлбрейт.

шей эксплуатации труда всей семьи. Именно поэтому нельзя рассматривать мелкую буржуазию как типичную составную часть класса капиталистов. Если в ряде случаев она является опорой и союзником капиталиста, то в других случаях и при других обстоятельствах может быть и союзником рабочего класса. Вообще мелкий буржуа — человек с двумя душами, каждая из которых претендует на первенство. Отсюда и его неустойчивая, стихийная и порой экстремистская природа. Мелкий буржуа — человек крайностей, измученный собственной беспомощностью и двойственностью.

Проблемы экономического господства, власти, общественного производства и труда в рамках корпорации практически имеют одно значение — перевоплощения современных конкретных форм, в которых реализуется колоссальная власть капитала. Сосредоточенная в корпорациях, эта власть пронизывает все клетки капиталистического общества, но уже не как власть финансовой олигархии, а деперсонифицированная сила «коллективного капитализма» — этой фальшивой этикетки корпорации.

Корпорация значительно расширяет сферу действия капитала и умножает его власть над человеком. Она, как отмечалось, обеспечивает такую степень централизации индивидуальных капиталов и личных сбережений, без которой практически невозможны масштабы современной капиталистической деятельности. В этом смысле корпорация знаменует собой крупный экономический прогресс, обеспечивая несравнимо более благоприятные возможности для бурного развития производительных сил, для диверсификации производства и повышения производительности труда. Но корпорация не уменьшает зависимости человека от капитала, она не приводит и к ослаблению отрицательного воздействия эгоистического начала, алчности и индивидуализма, присущих капиталу и постоянно влияющих на человека.

В рамках корпорации не исчезает и противоречие между высоким уровнем развития производительных сил и фактическим отставанием человека как личности. Отчуждение человека от его собственной сущности, отчуждение во взаимоотношениях людей и само-

отчуждение как конечный продукт капиталистического отчуждения получают новые импульсы на базе корпорации. И это дегуманизирующее воздействие капитала затрагивает не только непосредственного производителя и касается вообще наемного труда. Оно не щадит и класс капиталистов, его человеческие качества, эмоции и желания. В рамках корпорации и в процессе каждодневных сражений за существование, ведущихся между корпорациями данного лагеря, между корпорациями и опосредованным контролем банков, между национальными и многонациональными корпорациями, идет жесточайшая конкурентная борьба по законам джунглей. И в этой борьбе все права всегда на стороне сильного, что исторически зафиксировано в буржуазном законодательстве. Однако юридическое воплощение господства капитала бледнеет перед той практической силой, которую капитал демонстрирует в сфере повседневных человеческих взаимоотношений.

Право всегда является юридическим выражением определенных экономических отношений. Оно узаконивает господствующее положение данного класса или стоящей у власти группы и силой своего государственного аппарата охраняет его привилегии. Эти фразы не просто прикрытие или украшение закона, освящающего неравенство и привилегии. Они являются своеобразной попыткой законодателя признать наличие каких-то вечных правил и критериев, связанных с абстрактной человеческой сущностью, попыткой как-то воздействовать на человеческую совесть, отягощенную сомнениями в условиях все усиливающегося отчуждения. И может быть, именно поэтому правовое выражение экономических отношений кажется более человечным и куда более возвышенным по сравнению с уродливостью и нечеловеческой жестокостью жизни.

Привилегия капиталиста при всех условиях есть отрицание равноправия. Она ставит как бы над законом определенные интересы, но охраняет их со строгостью закона, направленного против интересов большинства. Привилегия — это противопоставление интересов, при котором закон откровенно пристрастен, защищая особые интересы меньшинства в противовес общим интересам всех остальных членов общества. Вне этого положения привилегия теряет свою практиче-

скую ценность. Поскольку с момента, когда особые интересы привилегированного меньшинства станут достоянием всех, эти интересы перестают быть особыми, а привилегия — привилегией.

Привилегия существует лишь как противопоставление. И в этом ее привлекательность для власти имущих. Пристрастность буржуазного права хорошо известна. Но она имеет силу только в рамках буржуазных взглядов на свободу, равенство и братство. Вот почему буржуазии приходится заниматься поисками способов и средств для прикрытия своей пристрастности к капиталу абстрактными фразами о равенстве всех перед законом, о равных правах и равных возможностях для всех членов общества.

Обладатель капитала пользуется магической формулой: «Сезам, откройся!» В обществе бизнеса бизнесом становится все. Деньги могут превращаться в большее количество денег не только в сфере материального производства, не только в торговле и кредите. Перед изобретательными и наглыми открыты все двери: церковь, религиозные убеждения, любовь, брак, рождение и воспитание детей — все, превращаясь в бизнес, теряет свое очарование, свою чистоту и святость, приобретенные в веках.

Нравственным, почтенным и достойным уважения является все, что способствует ничем не смущаемому движению капитала по пути, начертанному формулой $D-T-D'$ ... И именно в этом движении заложены корни основных привилегий капиталиста, вполне достаточных для того, чтобы отделить его от представителей наемного труда и поставить над ними. Таким образом закон, не фиксирующий никакие привилегии, фактически предполагает и защищает их, разумеется, с позиций фальсифицированных интересов. В этом и состоит лицемерная премудрость буржуазного права, признающего равные права для всех, но узаконивающего, охраняющего и защищающего лишь особые интересы капиталиста против бесправного эксплуатируемого большинства. Прав тот, кто больше платит.

Как в фокус вобравшие в себя человеческую силу, деньги передают ее в распоряжение своего владельца. За них он может купить все: ум, честь, совесть, об-

щественное положение и даже правосудие. Разумеется, если это правосудие затрагивает особые интересы капитала как такового или особые интересы всей системы, тогда оно может быть направлено (и нередко направляется) против интересов отдельного обладателя капитала, но всегда — во имя возведенного в степень особого интереса совокупности капитала. Вряд ли есть более типичный пример такого направленного против интересов отдельного капиталиста правосудия, чем судебное разбирательство и судебное решение, вынесенное по делу об убийстве президента Кеннеди. Когда возникает реальная угроза интересам капитала, индивидуальная сила отдельного капиталиста теряет свое практическое значение. Она изменяет личному интересу в угоду особым интересам совокупного капиталиста.

Понятие *совокупный капиталист* имеет большое значение для анализа взаимоотношений в современном капиталистическом обществе. В эпоху монополистического капитала логика вещей была иной. Общий интерес в условиях свободной конкуренции реализуется путем ничем не ограничиваемого переливания капитала из одной отрасли в другую, в результате чего в отрасли формируются критерии рентабельности и исходные позиции капиталистов. Межотраслевая конкуренция подвергает стихийной проверке рыночную стоимость и рыночную цену продукта таким образом, что порождает интенсивное движение капиталов в наиболее доходные отрасли. Так, под влиянием стремления к большей прибыли капиталист идет по пути стихийного движения капиталов и ресурсов, в конце концов добиваясь удовлетворяющей его средней нормы прибыли. Экономический и моральный эффект от этого результата полностью синхронны. Экономически средняя норма прибыли обеспечивает равные возможности для воспроизводства капитала и вполне удовлетворяет капиталиста, который осознает себя членом могучей общности, каждый член которой получает причитающуюся ему часть от общей массы прибавочной стоимости пропорционально величине капитала — вне зависимости от того, куда он вложен и каковы конкретные условия его участия в общественном производственном процессе. Здесь стихийно, с помощью «невидимой руки» (А. Смит) рыночного авто-

матризма реализуются принципы масонского братства всех капиталистов. И капиталист доволен «этой высшей справедливостью», при которой каждый имеет возможность зачерпнуть из общего котла прибавочной стоимости столько, сколько войдет в его черпак, а потому он борется за возможно более вместительный черпак. Его не интересует другая сторона этого процесса — то, что закон средней нормы прибыли противопоставляет это масонское братство капиталистов как совокупного эксплуататора трудовому народу, развеивая как дым иллюзии о добрых и плохих капиталистах. Каждый капиталист — эксплуататор, который участвует в эксплуатации каждого рабочего через механизм, обеспечивающий среднюю норму прибыли.

В условиях монополистического капитализма, где корпорация становится доминирующей формой предприятия, совокупный капиталист уже не может отождествлять себя с общей массой капиталистов. Механизм, обеспечивающий среднюю норму прибыли, здесь вытеснен монополией. Монопольная прибыль предполагает такое распределение и перераспределение общей массы прибавочной стоимости, при котором монополистическая буржуазия реализует в одностороннем порядке выгоду только для себя, тем самым противопоставляя себя интересам немонополизированной сферы.

Монополия обеспечивает исключительные возможности диктовать условия на рынке сбыта, разумеется, не вообще, а с учетом реальных видов на такую максимальную прибыль, которая бы не подрывала устойчивость процесса воспроизводства капитала. Она создает благоприятные условия для развития производительных сил путем научно-технического прогресса, в то же время ограничивая условия для воспроизводства рабочей силы в минимальных границах своей заинтересованности в последней. Заложенные в научно-технической революции возможности для решения проблем человека не интересуют монополистический капитал. Его интерес к этим аспектам научно-технического прогресса имеет двойственный характер: это интерес к переменам, которые научно-технический прогресс вносит в структуру потребления, а также интерес к изменениям в стоимости рабочей силы, связанным с новой структурой общественных производительных сил.

В первом случае интерес к человеку — это, скорее, интерес к рынку и ожидаемым структурным переменам в нем. Во втором — интерес к изменениям в позициях непосредственного производителя и их вероятному отражению на эффективности капитала. Человек как таковой существует для капитала лишь в рамках эгоистических интересов финансовой олигархии.

Корпорация еще больше углубляет это присущее капиталу отношение к человеку. В границах семейной фирмы эпохи свободной конкуренции все еще налицо непосредственные человеческие связи между собственником и рабочим, на которые влияет множество факторов личностного характера. В период господства корпораций все это растворяется и исчезает в мутном потоке бюрократической организации управления, навязанной производству и труду.

Подлинный собственник корпорации вынужден скрываться от общественности. Его решения принимают «демократическую форму» решений совета управляющих или совета директоров. Они ложатся в основу детально разработанной программы действий администрации. Между собственником и наемным рабочим воздвигается целая пирамида иерархически расположенных бюрократических структур, каждая из которых носит печать «коллективного капитализма» в свойственных ему «демократических» формах. В то же время широкое использование «организованных знаний» для практического решения проблем производства по изучению конъюнктуры или разработке краткосрочных, среднесрочных или долгосрочных планов окончательно закрепляет иллюзию об автономности решений и действий администрации.

Все эти моменты занимают центральное место в анализе *техноструктуры*, проведенном Джоном Гэлбрейтом. В понятие «техноструктура» он включает членов бюрократической иерархии из администрации, ученых, экспертов, инженеров и специалистов, осуществляющих практическое руководство корпорацией по законам разделения труда. Гэлбрейт прав, утверждая, что каждый из членов техноструктуры пользуется автономией при подготовке коллективного решения. Но это — *автономия лаборанта*, занимающегося лишь одной какой-то частичкой дела, отвечающего лишь

за одну операцию большого эксперимента, замысел, значение и характер которого известны только его идеологу и общему руководителю. Специалист получает точно определенные параметры и ясную постановку задачи, решение которой — вопрос техники, не зависящей от автономии непосредственного исполнителя.

Что касается *стратегии*, то она формально определяется советом директоров. Но фактически в этом случае решающим является мнение собственника или хорошо известных ему доверенных лиц в совете. Именно они — законодатели любого стратегического решения, тогда как вся ответственность за его успешное осуществление ложится на техноструктуру. Но у Гэлбрейта дело обстоит как раз наоборот. По его мнению, «ведущим умом, мозгом предприятия» является вся «многочисленная группа — от высокопоставленных служащих до рабочих в белых и синих воротничках, функции которых более или менее механически зависят от распоряжений и существующего порядка». Одним словом от всех тех, «кто обладает специальными знаниями, талантом и опытом принятия коллективных решений»¹.

Гэлбрейт постоянно противоречит сам себе. Прежде чем дать определение решающей позиции техноструктуры как специализированной группы для принятия решений, он пишет: «Руководство корпорации определяет состав группы, принимающей решения, формирует и реорганизует эту группу в соответствии с изменяющимися условиями. Это — самая значительная функция руководства. Но в экономике, где организованный ум является решающим фактором производства, это неважно. Наоборот, из этого не следует, что руководство может подменить или хотя-бы дополнить этот организованный ум в существенно важных решениях»².

Но разве руководство корпорации нуждается в том, чтобы подменять или дополнять работу группы, назначенной им же для сбора, обработки и превращения в конкретные решения необходимой информации? И разве специализированное или частичное решение, над

¹ См.: Д. Ж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество.

² Там же.

которым работает отдельный член техноструктуры, может изменить генеральную линию деятельности предприятия? Ведь совершенно ясно, что после выработки основных направлений стратегическая линия деятельности корпорации, вся ее дальнейшая работа над планом сводится к простой технической операции.

Сбор, обработка и использование информации для подготовки командных решений на производстве — процесс многоступенчатый, на каждом этапе которого действуют высококвалифицированные специалисты. Последние располагают отличной материально-технической базой, состоящей из электронно-вычислительных машин, компьютеров и анализаторов, запоминающих устройств и т. п. Но, оставаясь специализированными членами техноструктуры, они принимают лишь частные решения, касающиеся конкретной сферы деятельности корпорации — производства, торговли, инвестиций и пр., не имея возможности и права определять или изменять генеральную линию. И в этом смысле можно сказать, что специалисты пользуются автономией при использовании всех своих знаний, умения и талантов, поставленных на службу неведомой им стратегии, исполнителями которой они являются. Чем больше отдельные члены техноструктуры идентифицируют себя с ее целями и организацией, тем больше шансов на их выдвижение, поскольку тем добросовестнее они служат интересам корпорации. Но всей своей деятельностью специалист лишь предоставляет свои знания, ум и талант в распоряжение капитала.

Гэлбрейт вынужден признать, что «современные экономические верования можно понять лишь в качестве идей, обслуживающих общество, на содержании которого они находятся». И далеко не последнее место отводится в данной ситуации задаче воспитания молодежи. Гэлбрейт рекомендует «старательно избегать при этом рассуждений о том, как большие экономические организации приспособливают к своим целям общественное мнение»¹.

Нельзя не согласиться с Гэлбрейтом в том, что цена, которую капитал платит за услуги буржуазной экономической науки, действительно высока. Очевидно, истин-

¹ См.: Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество.

ное предназначение «экономических верований» (а не научных знаний) в деятельности корпораций сводится к приспособлению общественного мнения к ее целям.

Действительно, существует противоречие между эгоистическими целями собственника (финансовой олигархии) и личными интересами членов технотрутуры. И Гэлбрейт прав, говоря о «парадоксе экономической мотивации» решений в пользу максимизации прибыли, когда специалист «технотрутуры» должен принимать решения в интересах незнакомого и далекого акционера. Но это вовсе не значит, что он может изменить ориентацию корпорации. Единственное, что в его силах, это всячески содействовать росту корпорации, и это также признает Гэлбрейт. Бурный экономический рост означает расширение корпорации, ее охвата, организации и самой технотрутуры. В этом смысле рост отвечает личным интересам членов технотрутуры, означая, с их точки зрения, надежную работу и возможность появления новых рабочих мест. Но эта сторона вопроса не имеет ничего общего с подлинными целями, к которым стремятся собственники капитала, стимулирующие такой рост.

Следовательно, наличие многочисленной привилегированной бюрократической группы, которая обрабатывает информацию и подготавливает или принимает оперативные решения в процессе повседневной деятельности корпорации, никоим образом не затрагивает господствующие позиции капитала. Эта группа действует как поднятая на более высокую ступень воля собственника. Она лишь умножает и расширяет его возможности, формы контроля за все новыми массами капитала. «Коллективизм» и «демократизация», о которых так много говорят теоретики «корпоративной революции», — иллюзорны. Это всего лишь внешне привлекательные формы, с помощью которых осуществляется процесс производства и воспроизводства капитала. Они являются орудием капиталистического господства. Что же касается особого интереса индивида в рамках бюрократической организации, называемой технотрутурой, то он всего лишь функция корпоративной организации и свидетельство абсолютной зависимости индивида от бюрократической структуры.

Природа самой корпоративной организации и вся технология процесса управления в данном случае диктуются интересами капитала, а не особым интересом отдельного индивида — представителя «техноструктуры». Человеческие качества этого индивида: его ум, общая интеллигентность, быстрота реакции, фантазия, комбинативные опоспособности и т. д. — имеют специфическую стоимость единственно в рамках бюрократической организации. Они лишь обслуживают и проводят в жизнь интересы капитала.

Бюрократическая организация всегда приспособливается к себе и модифицирует общий интерес, которому она же и служит. Однако ей никогда еще не удавалось дать определение (дефиницию) этому интересу. Бюрократ по своей природе — конформист, зависящий от высшей воли других. За пределами защитной брони конформизма он беспомощен и жалок. Облеченный же доверием вышестоящей инстанции, этот бюрократ становится дерзким и даже агрессивным, как и любая марионетка, разумеется, в границах прерогатив, которые ему отпущены бюрократической структурой.

Очень важные, на наш взгляд, вопросы о природе бюрократической организации, без которой не может существовать корпорация, и о социальных целях корпорации будут рассмотрены нами в связи с анализом места человека в системе капитала. А сейчас ограничимся лишь замечанием о всевозрастающей роли иллюзий, порождаемых бюрократическими структурами.

Господствующие корпорации находятся в руках финансовой олигархии. Таков закон. Но нередко случаи, когда крупные корпорации попадают в руки новоиспеченных богачей — аутсайдеров. Анализ деятельности, позиций и места подобных корпораций в системе современного капиталистического хозяйства показывает, что и они не являются исключением из правила. В различных формах и разных вариантах они также подвергаются мощному воздействию финансового капитала и даже сами стремятся к союзу с ним, добиваются его поддержки и опоры примерно так же, как новоиспеченный буржуа-парвеню на заре капитализма стремился найти пути и средства для проникновения в блестящую аристократическую среду. Подобно своим предшественникам, и аутсайдер вынужден тер-

петь насмешки и обиды, лишь бы попасть в узкий круг финансовых магнатов, в их клубы, в их масонские организации. И это не случайно. Принадлежность к финансовой олигархии зачастую имеет гораздо большее значение, чем даже обладание определенной массой капитала. У аутсайдера могут быть огромные капиталы. Но он очень легко их лишится, если подвергнется организованному наступлению финансовой олигархии. Поэтому ему приходится держаться респектабельно и терпеливо ожидать благосклонности патрициев капитала, в то время как наследственный член патрицианской масонской ложи сохраняет свое особое привилегированное положение и остается объектом благосклонности даже в том случае, когда его дела (как бизнесмена) нельзя назвать процветающими.

Итак, власть в корпорации есть функция собственности на капитал, обеспечивающая возможность и право на интеграцию и использование всего акционерного капитала. Но эта власть не дает автоматически и соответствующую власть в обществе; властью в обществе она становится не прямо и непосредственно, а лишь после того, как получит признание со стороны финансовой олигархии и сможет реализовать себя как ее характерная сила. Следовательно, эту власть нельзя считать величиной, прямо пропорциональной объему принадлежащего данному лицу капитала. Она соответствующим образом редуцируется и институционализируется в общей структуре финансовой олигархии. Аутсайдеры отлично понимают подлинную цену этой институционализации капитала и страстно к ней стремятся.

Реальная власть финансовой олигархии вообще и в той или иной корпорации в частности — функция двух взаимно дополняющих друг друга факторов: собственности на капитал и места собственника в капиталистическом обществе. Собственность — решающий источник власти, хотя и не единственный. Существенное отличие между наследственным финансовым магнатом и богачом-аутсайдером в том-то и состоит, что первый находится внутри этого узкого круга наследственных патрициев, тогда как второй, несмотря на свое колоссальное богатство, вынужден ждать проявления благосклонности со стороны

монополистической верхушки. Наглый и дерзкий, как и любой предприниматель, только что добившийся успеха, этот капиталист-выскочка должен держаться чинно, заискивая перед наследственными магнатами.

Что же касается рабочего, то его положение и в рамках корпорации не меняется сколько-нибудь существенно. Перемена вывески предприятия касается в основном позиций капитала, ставших более устойчивыми, более безличными и даже более «демократичными». Между рабочим и собственником встает бюрократическая организация менеджеров. Все получает новые измерения и новое звучание. Общим фоном этих изменений становится дальнейшее обобществление производства. Однако само по себе это обобществление никак не касается собственности на капитал. Оно лишь узаконивает фактическое господство капитала, придавая ему более благовидные формы.

Непосредственным результатом обобществления через посредство корпорации становится процесс дифференциации в среде капиталистов. Одна их часть входит в привилегированную группу финансовой олигархии, другая ожидает признания (которого порой и добывается где-нибудь во втором поколении), а третья под давлением обстоятельств вынуждена перейти в многочисленную среду рантье и удовлетвориться доходами с ценных бумаг. Немало и таких, кто, разоряясь, теряет свои капиталистические позиции. Однако идет и противоположный процесс — корпорация создает определенные возможности для проникновения некоторых находчивых предпринимателей в группу аутсайдеров, а оттуда — в финансовую олигархию. И все же первый процесс более интенсивен. Он ведет к дальнейшему упрощению структуры и характера противоречий в капиталистическом обществе.

Для финансовой олигархии корпоративная форма означает максимизацию прибылей еще и за счет более доходного вложения собственного капитала, помноженного на силу всего акционерного капитала. Таким образом, через посредство корпорации финансовая олигархия получает право на использование капиталов бывших собственников семейных предприятий, теперь лишь номинальных владельцев акций без права решающего голоса, а также на сбережения многоты-

сячной и многомиллионной массы увлеченных пропагандой рабочих и служащих. Налицо наиболее благоприятная для капитала форма централизации, раскрывающая неограниченные возможности для умножения капитала путем интенсивной концентрации производства и капитала.

3. Фиктивный капитал

Корпорация способствует рождению особого типа спекулятивной деятельности. Она предполагает двойное существование капитала: 1) реального функционирующего производственного, торгового или банковского капитала и 2) фиктивного капитала со своим самостоятельным и очень специфичным оборотом.

Фиктивный капитал — это тень действительного капитала. Прежде всего сюда входят акции, которые являются не только свидетельством обладания определенной идеальной частью совокупного акционерного капитала корпорации, но имеют на бирже и свою самостоятельную жизнь, независимую от жизненного цикла действительного функционирующего капитала.

Фиктивный капитал отражает оборот действительного и в конечном итоге зависит от него. Но лишь в конечном итоге, поскольку в каждом конкретном случае оборот фиктивного капитала зависит от конъюнктуры, складывающейся на бирже. Здесь самым сложным образом переплетаются противоречивые интересы конкурентов, оценки опытных игроков, рискованные действия авантюристов и спекулянтов. Определяющей силой становится норма прибыли, получаемой функционирующим действительным капиталом. Но так как сделки с ценными бумагами обычно заключаются перед объявлением действительных результатов деятельности корпорации, значение оценки ожидаемой прибыли и вероятных дивидендов каждой акции поистине огромно. Отсюда и та эмоционально напряженная атмосфера, столь присущая спекулятивному бизнесу вообще.

Сама по себе акция не имеет своей стоимости. Как кусочек бумаги, пусть и высшего качества, она не заслуживает особого внимания. Но как свидетельство собственности на определенную идеальную часть

функционирующего капитала корпорации она получает большую привлекательную силу, а также и самостоятельную цену — *курс*.

Курс акции представляет собой капитализированный дивиденд, т. е. такую сумму денег, которая, будь она вложена в банк при обычном для данного дня проценте, принесла бы сумму, равную величине дивиденда (прибыли, получаемой акцией). Следовательно, курс акции зависит от двух переменных величин: ожидаемого дивиденда и уровня процента. Каждое изменение этих величин приводит к изменению курса акций. Если уровень процента — категория довольно известная и сравнительно устойчивая на данном отрезке времени, то ожидаемый дивиденд существует в процессе купли и продажи акций как вероятная, ожидаемая, предполагаемая, но никому не известная величина.

Момент неизвестности становится и моментом риска. В отличие от обычного бизнеса, где также существует элемент риска (хотя существует и много опорных точек для точного анализа реальной обстановки), на бирже ценных бумаг преобладают неизвестные величины и риск является доминирующим фактором. Именно поэтому вероятность разориться столь же велика, как и возможность выиграть одним махом целое состояние. Это своеобразная азартная игра, где человек доверяет карте все и дерзко провоцирует судьбу... Так все это выглядит на поверхности.

Было бы большой ошибкой, однако, абсолютизировать азартный характер сделок с ценными бумагами, так как неизвестные величины в задаче, которую должен решить биржевой игрок, неодинаковы для всех. Самое сложное положение у аутсайдеров и смельчаков-одиночек, увлеченных спекулятивной лихорадкой. У представителей финансовой олигархии — привилегированные позиции. Финансовые магнаты ведут спекулятивную игру на высоком уровне, хорошо обдумывая стратегию своего собственного обогащения и разорения противников-конкурентов.

Монополистическая верхушка из круга магнатов приходит играть на биржу, имея на руках информацию, недоступную другим. Она владеет мощным пропагандистским аппаратом регулирования психологиче-

ского климата на бирже. Наконец, она сама — тот решающий фактор, который определит действительный уровень дивидендов. Таким образом, все преимущества в этой азартной игре — в руках финансовых магнатов. Обычно они играют очень смело и почти не рискуют. Более того, их операции на фондовой бирже заранее планируются. В соответствии с обстановкой магнаты регулируют пульс спекулятивного бизнеса, через подставных лиц распускают ложные слухи, создают панику, мутят воду, чтобы ловить в ней легкомысленную рыбешку, или же преднамеренно понижают курс данных акций, чтобы поставить на колени непокорных аутсайдеров или «нелояльных» конкурентов.

Большие возможности для спекулятивного обогащения через игру на фондовой бирже заложены в самой природе фиктивного капитала. Цена, или курс акции, — категория очень динамичная, легко изменяющаяся. Здесь вступает в действие целый ряд чисто психологических факторов. В зависимости от поведения финансовых магнатов или их преднамеренных действий вследствие субъективных оценок того или иного биржевого игрока, а также в результате резких перемен конъюнктуры (например, вспышки энергетического кризиса) на фондовой бирже очень часто складывается нездоровая обстановка, возникает лихорадочная психологическая атмосфера, в которой рождаются новые аутсайдеры и будущие магнаты, терпят крах и даже погибают многие злополучные игроки. Вся эта азартная игра, в которой часть партнеров знает карты своих противников, ведется по формуле

$$\text{курс акции} = \frac{\text{дивиденд}}{\text{уровень процента}} \times 100.$$

Если принять, что дивиденд, который по всей вероятности принесет одна акция с номинальной стоимостью в 50 долл., равен 8 долл., а уровень процента в данный момент составляет 5%, то курс этой акции будет равняться 160 долл., т. е. примерно в 3 раза больше, так как

$$K = \frac{8 \cdot 100}{5} = 160.$$

Спекулятивная лихорадка и психологическая атмосфера играют колоссальную роль в подобных опера-

циях. Особенно широко используются на фондовой бирже возможности для спекулятивного обогащения при учреждении новых корпораций. На практике это осуществляется примерно так: сначала организуется инициативный комитет. Он осуществляет всю подготовительную работу, на свои средства печатает, пропагандирует и распространяет новые акции среди заинтересованных лиц.

Успех всей сделки зависит от эффективности предварительной пропаганды. Реализовать свои замыслы сможет только такой инициативный комитет, которому удастся завоевать интерес и симпатии общественного мнения. Очень важно в данном случае вовлечь в процесс приобретения новых акций финансовую олигархию (как правило, она входит в число учредителей новой корпорации). Вот почему инициативный комитет заранее зондирует мнение магнатов, действуя потом при их поддержке, разумеется тайной. Однако именно эта секретность создает для аутсайдеров и стопроцентных мошенников реальную возможность ввести в заблуждение общественное мнение и даже порой удивить финансовую олигархию тем или иным успешным ходом. И все же более типична при учреждении корпорации такая ситуация, при которой вся игра ведется монополистической буржуазией.

Успех учредительной акции зависит не только от рекламной кампании. Очень важным условием является известность учредителей — бизнесменов, технократов, ученых и изобретателей. Обычно новая корпорация возникает на базе уже существующих и довольно известных предприятий. Не менее важны сфера деятельности и цель, ради которой и создается корпорация. Объект деятельности, вероятность риска и ожидаемые прибыли — эти факторы имеют колоссальное значение, поскольку с их помощью формируется общественное мнение, искусственно создается вокруг будущей корпорации атмосфера психоза.

Однако создание такого благоприятного для учредителей психоза — вещь дорогостоящая. Для всех, кто знаком с современной капиталистической действительностью, очевидно, что благоприятный психологический климат, гарантирующий успех всей операции, может

создать только монополистический капитал, так как в его руках сосредоточены все наиболее значительные средства массовой информации: печать, радио, телевидение. А это значит, что монополистический капитал в любом случае будет причастен к процессу рождения новой корпорации. Он только выиграет от рекламы и благодаря своей прекрасной осведомленности не упустит возможности проникнуть в зарождающуюся корпорацию, за исключением тех случаев, конечно, когда риск слишком велик. Но для магнатов никогда не будет поздно наверстать упущенное.

Итак, уже в процессе рождения новой корпорации вспыхивает острая борьба за право контроля над будущим действительным капиталом. Ее жизненный путь начинается (и это очень важно) с жестокой борьбы за присвоение выгод, которые приносит фиктивный капитал уже при своем возникновении. Речь идет о присвоении *учредительской прибыли*.

Учредительская прибыль спекулятивна по своей природе. Она присваивается учредителями в соответствии с предварительно подписанным договором. Сама по себе эта операция довольно проста. Предположим, например, что создается корпорация с основным капиталом в 10 млрд. долл. Половина этой суммы обеспечивается объемом функционирующего основного капитала предприятия, на базе которого возникла новая корпорация. Остальные 5 млрд. долл. должны быть покрыты за счет продажи акций широкой публике. Именно широкой публике! Потому что в случае, если эти акции попадут в руки конкурентов через подставных лиц, положение учредителей будет весьма сложным. Следовательно, уже с этого момента начинается борьба за контроль над корпорацией.

Если интерес к вновь создающейся корпорации велик, акции разойдутся очень быстро. Обычно широкой публике эти акции продаются по номинальной стоимости, т. е. не дороже 10 долл.

Но учредители не спешат с распродажей акций. Сначала новые акции распределяются в рамках функционирующих предприятий, входящих в систему новой корпорации. Специфические черты в этом случае получает психологическая обработка будущих держателей акций — рабочих и служащих данных предприятий.

Самые опытные в таких делах служащие многократно выступают перед «своими» рабочими с различными разъяснениями и успокоительными заверениями в том, что ничего плохого с ними не случится, но что именно они, рабочие, как наиболее заинтересованные лица должны помочь «своему» предприятию выбраться из трудного положения и выйти на широкую дорогу большого бизнеса, помочь руководству выиграть сражение с конкурентами. Предприятие, говорят они, нуждается в обновлении, и его включение в новую структуру корпорации раскроет перед ним новые возможности для процветания. Появятся рабочие места, предприятие будет расширено, прибыль и зарплата будут расти, рабочие получают свою долю прибыли, купив в этот «решительный» для «своего» предприятия час как можно больше акций (по возможности, конечно)... Обычно рабочим обещают «привилегии» в приобретении новых акций за счет премиальных вознаграждений, которые перед этим были сознательно завышены администрацией предприятия. Этот трюк с премиальными, как и намеки на то, что предприятие может попасть в руки конкурентов, всегда производят большое впечатление на рабочих и служащих. Очень часто при этом бизнесмены (особенно в США) пользуются услугами профсоюзов.

В такой атмосфере — благоприятной для инициаторов и угнетающей для рабочих — начинается распродажа акций. Подписка открывается лишь тогда, когда барометр покажет наступление наиболее благоприятного момента. Курс акций быстро растет — желающих приобрести их оказывается очень много. Никого уже не интересует номинальная стоимость. Средний уровень курса для всех проданных акций (с номинальной общей стоимостью в 5 млрд. долл.) на 5 долл. превышает номинал одной акции, т. е. равняется уже не 10, а 15 долл.

Вот так, одним ударом без каких-либо особых расходов, в кассу инициаторов поступает 7,5 млрд. долл. против запланированных 5 млрд. долл. фиктивного капитала в виде 10%-ных акций. Разница между номинальной стоимостью проданных акций и действительно полученной суммой и составляет учредительскую прибыль. По закону она принадлежит инициаторам. Они

возбуждены: всего за несколько дней — 2,5 млрд. долл. чистой прибыли! Невероятно! Чудесно! Пока... вдруг какой-то самый предприимчивый из инициаторов не предложит: а почему бы нам не увеличить основной капитал еще на 2,5 млрд. долл.?

И возбужденная публика соглашается с дополнительной эмиссией столь желанных для нее акций, а учредители вносят на свои личные счета еще 1,25 млрд. долл. ...

Учредители пользуются немалыми привилегиями. И дело не только в соблазнительной учредительской прибыли. Более важно для них, что 1) основной капитал старых предприятий остается в руках их бывших собственников — теперешних акционеров-учредителей, 2) работа на предприятии не прекращалась, и прибыль от него поступает регулярно, 3) в их руках солидный пакет акций (а с ним когда-нибудь, бог даст, можно прибрать к рукам и весь новый капитал корпорации — до чего же заманчивая перспектива!), 4) каждый учредитель получает возможности для новой инвестиционной экспансии с этим воистину «божьим даром» — учредительской прибылью...

Оборот новорожденного фиктивного капитала начался. Семейные фирмы переросли в «народное», «демократическое» и т. д. предприятие. А собственность остается у бывших капиталистов, разумеется, временно. Ведь предстоит борьба за контроль над новым предприятием не только между инициаторами, но и с теми финансовыми магнатами «со стороны», которые еще не смогли обеспечить себе прочные позиции в деле.

Мы рассмотрели в данном случае два взаимно дополняющих друг друга процесса: получение учредительской прибыли и разводнение акционерного капитала, целью которого является получение дополнительной учредительской прибыли. Разводнение — это дополнительная эмиссия акций для второго, третьего и т. д. присвоения учредительской прибыли. Оба этих процесса сопровождают рождение новой корпорации или простое переустройство гигантских семейных фирм в корпорации. Подобный путь проделали такие могикане семейных фирм, как западноевропейская фирма Круппа или американская «Форд мотор»,

превратившиеся в корпорации в последнее двадцатилетие и, разумеется, оставшиеся в руках своих бывших владельцев.

Рождение новой корпорации обычно приносит гибель ряду бизнесменов, а «счастливый шанс» — лишь немногим. Явлений подобного рода немало в капиталистической практике. Таков, в частности, случай с Ж. П. Гетти. Этот калифорнийский миллиардер начал свою предпринимательскую деятельность со значительного наследственного капитала. Но миллиардное состояние, которым распоряжался этот магнат (вместе с пятью своими сыновьями от пяти жен), было получено им путем финансовых операций и спекуляций лишь за последние 30 лет. Сейчас только рыночная стоимость акций, принадлежащих семейству Гетти (в «Гетти ойл»), превышает 600 млн. долл. (по ценам до энергетического кризиса).

Аналогична и судьба другого преуспевающего предпринимателя — изобретателя в области фототехники Эдвина Ленда. С помощью Д. Уорбурга и А. Гарримана в 1937 г. он основывает компанию «Полароид». Поворотным моментом в его деятельности стал конец 50-х годов, когда, вовлеченные в вихрь спекулятивных операций, акции «Полароида» привлекли внимание спекулятивного капитала. И уже в 1966 г. (т. е. за одно лишь десятилетие) их рыночная стоимость превысила 2,5 млрд. долл., тогда как основной капитал компании по-прежнему составляет всего 125 млн. долл. Начав дело с собственным капиталом в несколько десятков тысяч долларов, Ленд в 1965 г. продает лишь часть принадлежащих ему акций за 19 млн. долл. А в руках членов его семьи к августу 1966 г. оставалось акций на 450 млн. долл.

Такова же история и братьев Бакалар, основавших в 1953 г. небольшую компанию «Транзитрон электрик», предугадав будущее значение электроники. Вложив в дело несколько сот тысяч собственных долларов, они уже в 1959 г. получили втрое большую рыночную стоимость своих акций — 46 долл. за каждую акцию с номиналом в 15 долл.! К тому же до этого времени они не платили никаких дивидендов. Опытные игроки, они быстро сумели разводить свой капитал. И уже в 1959—1960 гг. продают еще 2,5 млн. акций за 86 млн.

долл. Однако скоро курс акций упал до 6 долл. Начался судебный процесс, от которого ловкие бизнесмены сумели отвертеться, согласившись «без суда» оплатить акционерам своей компании неустойку в 7 млн. долл. И уже к середине 60-х годов курс акций снова достигает 20 долл. К этому времени братья Бакалар являются обладателями капитала в 85 млн. долл. в акциях (по текущему курсу), не считая тех 79 млн. долл., которые они получили еще в прошлую распродажу акций.

Типичным организатором успешных спекулятивных операций на фондовой бирже является Г. Хьюз. Наследственный миллионер, получивший от отца 16 млн. долл., за последние два десятилетия он сумел увеличить свои капиталы до 1,5 млрд. долл., т. е. примерно в 100 раз. У Г. Хьюза очень сильные позиции в авиатранспорте, аэрокосмической промышленности и в производстве машин для нефтедобычи.

Список мультимиллионеров, появившихся за последние 30 лет, т. е. уже в послевоенный период, достаточно велик. И во всех случаях в начале пути каждого из них — по крайней мере одна решающая спекулятивная сделка на базе фиктивного капитала.

А что же предлагают корпорации рабочим?

Вместо реальных доходов — фиктивный капитал. Вместо реальных сбережений — «рабочие акции», рыночная стоимость которых все время меняется и может быть реализована только путем продажи. А для этой цели у рабочего нет ни свободного времени, ни связей, ни доступа на фондовую биржу. В случае необходимости он за бесценок продает свои акции, выплачивая при этом чрезмерно высокие комиссионные опытным в этих делах посредникам. И рабочий заранее знает, что все так и будет. Но ему слишком трудно противостоять психологическому натиску. К тому же хочется сохранить доброе имя перед руководством «своего предприятия».

Особый оборот фиктивного капитала открывает широкое поле для спекулятивной деятельности по передаче контроля из одних рук в другие. Для этой цели были основаны и уже существуют много лет холдинговые компании, специальные инвестиционные тресты и даже благотворительные фонды.

Холдинговые компании в известной мере являются организационными предшественниками финансовых групп. Это компании, созданные специально для операций с ценными бумагами, для обеспечения контроля за действующими корпорациями. По мнению буржуазных специалистов, холдинговая компания обладает рядом преимуществ: а) она обеспечивает (очень простым способом) контроль за действующими корпорациями, б) объединяет в одних руках контроль за многими корпорациями, в) пользуется авторитетом и связями контролируемых ею действующих корпораций, г) располагает большими возможностями для легализации контроля за корпорациями, избегая при этом ударов со стороны закона о борьбе с монополиями.

Холдинговые компании бывают *чистыми* (когда они занимаются не производственными инвестициями, а лишь контролем за движением контрольных пакетов акций) и *смешанными* (помимо контроля за скупкой ценных бумаг они осуществляют и непосредственную инвестиционную деятельность в производстве, торговле, транспорте, строительстве и т. д.). Примерами таких смешанных холдинговых компаний сейчас могут служить гигантские корпорации типа «Дженерал моторс», «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» и др. Варианты «чистых холдингов» можно встретить в мире нефтяного бизнеса. Очень часто за официально зарегистрированными «легальными» холдинговыми компаниями скрываются финансовые магнаты, представленные в холдинге через своих доверенных лиц.

Инвестиционные тресты (или инвестиционные компании) — это капиталистические организации, объединяющие капиталы множества лиц для целевого инвестирования в различных областях. Первой компанией такого рода была организованная в Лондоне еще в 1869 г. «Фореин энд колониал траст». Формально в задачи инвестиционных трестов входит «создание для мелких инвесторов известных преимуществ, доступных только крупному капиталу». Однако на практике эти организации занимаются главным образом тем, что привлекают капиталы мелких инвесторов, предоставляя их в распоряжение крупного капитала, согласно договору об ограниченной ответственности.

В условиях сильно развитого фиктивного капитала важную роль играют траст-отделы банков, в которых аккумулируется огромное количество акций, используемых для проведения соответствующей хозяйственной деятельности. С их помощью банки бесплатно получают «силу голоса», необходимую им для осуществления контроля и спекулятивной деятельности в поистине огромных масштабах.

Итак, фиктивный капитал есть специфический продукт монополистической стадии капитализма, связанный с деятельностью корпораций; наиболее паразитирующая форма капитала, в которой с особой силой раскрывается заложенный в нем социальный антагонизм. По своему характеру сделки с фиктивным капиталом вполне достойны мафии.

Целостное движение капитала от единоличной фирмы к корпорации, а от нее — к государственно-монополистическим формам отражает закат капитализма как общественной силы. Господство корпорации и спекулятивные бури на фондовой бирже являются ярким выражением непреодолимого отделения капитала от его классической общественной базы — отдаление от механизмов, внутренне присущих системе и до сих пор обеспечивавших ее нормальное функционирование по имманентным законам самого капитала.

Связующим звеном системы (от ее зарождения вплоть до быстрого распространения монополистических форм) был рынок. Именно стихийный рыночный механизм был консолидирующим фактором восходящей капиталистической системы, обеспечивающим необходимое равновесие.

Господство корпорации и связанного с ней процесса монополизации производства и рынка несет в себе отрицание классических капиталистических форм. Корпорация на практике демонстрирует идею о *переходности и обреченности* капиталистических отношений, — идею, которая в буржуазном сознании находит свое воплощение в разного рода теориях о спонтанной «трансформации» капитализма.

Корпорация предлагает частичное разрешение острого противоречия между широким общественным характером производства и новыми формами частнокапиталистического интереса. Она толкает капиталистиче-

ское развитие на путь приспособления. Однако коллективная акционерная форма предприятия не влияет на частнобывственнический характер присвоения. Коллективные формы управления посредством бюрократических структур менеджмента лишь временные ширмы, скрывающие подлинный характер частнобывственнических отношений и власть современных рыцарей капитала — финансовых магнатов.

Как и все переходные формы, этот буржуазный коллективизм и «демократизация» собственности таят в себе неразрешимые противоречия, порождая множество иллюзий. Но они не в силах отменить действие общего закона движения. Наоборот — переходные формы являются своеобразным катализатором назревающих социальных перемен. Заложенные в них возможности развития системы обладают разрушительным зарядом. С их помощью осуществляется приспособление и (одновременно) диалектическое самоотрицание системы в пределах старой мерки. Под действием заложенных в переходных формах разрушительных сил процесс отрицания достигает все более развитых форм. Корпорация порождает развитую систему внутрифирменного программирования и приводит к развитию «элементов плановности», настойчиво требующих целостной перестройки общества на плановой основе. Но, оставаясь специфически капиталистической формой, корпорация использует лишь частичную плановность и стремится к расширению плановности с помощью процесса огосударствления. И тем самым отрицает себя, поскольку в быстроразвивающихся государственно-монополистических структурах она уже утрачивает в значительной степени свое бывшее значение. Из самостоятельной формы частнохозяйственной монополии корпорация превращается в элемент рождающегося государственно-монополистического капитализма. Но не за тем, чтобы подчиниться ему. В условиях все усиливающегося огосударствления она реализует свои частнохозяйственные интересы в рамках государства с помощью средств государства и с позиций государства, действующего уже как «совокупный идеальный капиталист».

ИДЕАЛЬНЫЙ СОВОКУПНЫЙ КАПИТАЛИСТ, ИЛИ ГРАНИЦЫ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Зрелость любой исторически переходной системы становится началом, точкой отсчета ее нисходящего развития. Она приходит с появлением особых переходных форм, которые все в большей степени становятся отрицанием исходных классических структур. Господствующая позиция переходных форм обеспечивается дальнейшим развитием системы, достигшей зрелости. В специфических условиях капитализма такой точкой отсчета стала эпоха господства монополистического капитала.

Монополия и конкретные формы ее господства возникают благодаря тем же факторам, которые обусловили зрелость системы: концентрации производства и капитала. На этой же базе зарождаются и набирают силу переходные формы капитала — корпорация и государственно-монополистический капитал.

Предметом исследования в настоящей главе является вопрос о генезисе, сущности и роли государственно-монополистического капитализма в современном капиталистическом обществе.

1. Генезис тенденции к огосударствлению

Капитал всегда опирался на силу государства и широко пользовался его услугами. Вся история буржуазной демократии — это летопись борьбы буржуазии за установление, развитие и совершенствование политического господства капитала.

Буржуазное государство — своеобразный политический гарант, политическая опора, сердцевина политической системы, обеспечивающая политические условия для производства и воспроизводства капитала. Оно является организованным аппаратом прямого и открытого политического господства класса капиталистов.

Будучи орудием абсолютной диктатуры капитала, буржуазное государство всегда выполняло и выполняет свою политическую функцию. Оно всегда было и остается аппаратом для проведения репрессий по отношению к враждебным капиталу силам. С помощью полицейской дубинки, тюрем и союза с церковью оно создает политические условия для эксплуатации труда капиталом. В качестве репрессивной силы буржуазное государство, этот жандарм народных масс, остается верным стражем «священной» и «неприкосновенной» частной собственности.

Особая функция государства как орудия насилия была основной в эпоху свободной конкуренции. В наши дни уже идет борьба за первенство между этой (насильственной) и *хозяйственно-организаторской функцией* государства. Некоторые исследователи даже предпочитают говорить о *возрастающей экономической роли государства*, а не о его специфической хозяйственно-организаторской функции в системе капитала. Фактически и в том и в другом случае речь идет об одном и том же. Ведь говоря об экономической роли государства, мы предполагаем и включение в это понятие целого ряда необычных, не присущих и не известных государственной власти прошлых эпох организаторских функций в рамках национального, а часто — и мирового капиталистического хозяйства. И это не просто политико-организационная, а именно экономическая функция. Если прибавить к сказанному хорошо известную истину о том, что политическое действие

есть особая форма проявления экономического интереса, станет ясно, что нет ничего неточного в использовании понятия «хозяйственно-организаторская функция» буржуазного государства. Достаточно и одного этого уточнения — «буржуазного государства».

Представление о буржуазном государстве как инертной политической надстройке, не имеющей прямого отношения к экономике, в корне неверно. Оно родилось в эпоху свободной конкуренции, отвечая воззрениям либералов тех лет. Однако за этим поверхностным представлением о государстве стоит конкретная действительность, в рамках которой государство неизменно проявляет себя как серьезная экономическая сила. Организованное насилие, осуществляемое государством в интересах господствующих классов, — не просто продукт и проявление классового антагонизма, а имманентная экономическая сила классового общества. Государство всегда отстаивает, защищает и устанавливает экономическое господство класса, обладающего политической властью.

К. Маркс и Ф. Энгельс затратили немало сил, разоблачая буржуазные идеализации государства как «надклассовой институции» и искореняя из рабочего движения анархистские представления о необходимости «взорвать и уничтожить государственную власть». Классики марксизма завещали нам глубокую научную идею о роли государства вообще и как исключительно важного инструмента в борьбе за революционное преобразование капитализма в частности. В своей работе «Государство и революция» В. И. Ленин развил эту идею применительно к условиям империализма, времени войн и победоносных пролетарских революций.

Всем более или менее развитым капиталистическим странам хорошо известна как политическая, так и экономическая роль государства. И в этом смысле буржуазное государство не принесло ничего качественно нового. Египетские фараоны, могучие китайские династии, афинские рабовладельцы и средневековые феодалы — все господствующие классы использовали организованное насилие для регулирования экономических отношений в своих интересах. Само по себе насилие является концентрированным выражением интересов,

А в обществе, разделенном на классы, основными неизменно были именно экономические интересы.

Государство — не просто большая, но и особенно активная экономическая сила. Именно это имел в виду Ф. Энгельс когда в письме к Конраду Шмидту 27 октября 1890 г. писал: «К чему же мы тогда боремся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (то есть государственная власть) — это тоже экономическая сила!»¹.

Однако государственная экспансия эпохи свободной конкуренции имеет другие масштабы и другой смысл. Она была простым проявлением государственного капитализма вообще. С таким типом капитализма мы встречаемся в той или иной форме «всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще»². Разумеется, содержание этого государственного капитализма отражает степень зрелости и характер существующих капиталистических отношений.

Основной функцией государственного капитализма эпохи свободной конкуренции является *протекционизм*. Государственный капитализм играет важную роль в процессе безвозмездного распределения земельных участков под строительство частных капиталистических предприятий. Он обеспечивает субсидии для частнокапиталистического предпринимательства, активно защищает общие интересы владельцев капиталистических фирм и узаконивает целую систему *налоговых скидок и привилегий* для буржуазии. Проявлением государственного капитализма является также фабричное законодательство и вся система общественныхстроек — остова инфраструктуры капиталистического хозяйства. К. Маркс подчеркивает, что государство охраняет капиталистические интересы не только от рабочего класса, но и от тех необузданных стремлений капитала, которые угрожают нормальному воспроизводству богатства в капиталистической форме.

Государственный капитализм этого типа соответствовал восходящей линии развития капитализма. Вмешательство государства в экономическую жизнь в данном

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 37, с. 420.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 222.

случае не ограничивает, а всячески поощряет свободную конкуренцию, не ограничивает, а способствует свободному предпринимательству. Здесь полностью применима формула, гласящая: «Самым лучшим является такое правительство, которое менее всего вмешивается в экономическую жизнь». В данной формуле отчетливо проявляется преклонение перед спонтанным механизмом рыночного саморегулирования.

В конце прошлого и начале нынешнего столетий положение коренным образом изменилось. Концентрация производства и капитала привела к зарождению монополии. В свою очередь монополизация придала противоречию между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением столь конфликтные формы, что возникла реальная необходимость в самом активном вмешательстве государства в хозяйственную деятельность. Вопреки официальному и сознательно поддерживаемому буржуазией мнению о том, что государство — плохой хозяин, сама капиталистическая практика сделала возможным его функционирование в качестве «идеального совокупного капиталиста» (по меткому выражению Ф. Энгельса). И без прямого и все более расширяющегося участия этого «идеального совокупного капиталиста» уже был невозможен нормальный ход капиталистического процесса воспроизводства.

Исторически государственный капитализм активно обслуживает восходящее капиталистическое общество. С его помощью капиталистическая система достигла своей зрелости и стремительно пошла по пути монополизации. Новые формы обобществления — акционерные общества и монополистические союзы — уже несли в себе элементы отрицания. Они обеспечивали, разумеется, дальнейшее развитие системы, но уже не по восходящей линии, не по пути дальнейшего укрепления и совершенствования имманентных ей функциональных механизмов. С этого момента бурное развитие производительных сил приобретает все более ярко выраженный эффект бумеранга. Развитие системы становится подчеркнуто дисфункциональным: оно не способствует укреплению классических звеньев этой системы, а готовит им замену по всем линиям. Но чем дольше протекает этот процесс в рамках капиталистических

отношений, тем более сложным и конфликтным будет появление и развитие переходных форм капитала. И это неизбежно, так как финансовый магнат — этот фактический хозяин капитала — передал все свои прежние общественные функции наемным служащим. Для него, как пишет Ф. Энгельс, «не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Если раньше капиталистический способ производства вытеснял рабочих, то теперь он вытесняет и капиталистов, правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения»¹.

В этих условиях все углубляющегося в процессе собственного развития отрицания системы роль государства еще более возрастает. Оно вынуждено взять на себя большую часть функций капиталиста и действовать уже как «совокупный капиталист», стремясь к стабилизации и сохранению функциональных возможностей системы. Более того, огосударствление распространяется на огромное количество функционирующих средств производства. И не только в сфере инфраструктуры. Контролируя почту, основные линии сообщения (сеть шоссейных и железных дорог), государство все решительнее проникает в экономическую жизнь как владелец и совладелец важнейших промышленных предприятий (особенно в сфере услуг). Таким образом, капиталистическое общество стремится к выгодному для себя признанию общественной природы современных производительных сил, следя при этом за тем, чтобы система распределения и присвоения доходов в сфере частного капитала оставалась неизменной. «Государственная собственность на производительные силы, — пишет Ф. Энгельс, — не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения»². Революционная практика и само развитие капитализма подтвердили правильность этой идеи. Значение экономической роли современного капиталистического государства столь очевидно, что не нуждается в доказательстве. Более того, теория и прак-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 222.

² Там же, с. 223.

тика государственно-монополистического регулирования уже глубоко проникли в буржуазный образ мышления. Когда читаешь труды таких видных неолибералов, как всеми признанный основатель и руководитель Чикагской школы политической экономии М. Фридман¹, или новейшие публикации широко известного Г. Хаберлера², создается впечатление, что борьба против идеологии регулятивизма носит лишь формальный (скорее даже идеологический) характер. Фактически идеи регулятивизма все активнее влияют на мышление и самых ортодоксальных неолибералов.

Без капиталистического государства была бы невозможна колониальная система империализма, а процесс первоначального накопления капитала продлился бы, вероятно, еще несколько веков. Практика Англии красноречиво свидетельствует о том, что главным деятелем эпохи, вошедшей в летопись истории человечества как эпоха огня и меча, является государство. Оно сломало сопротивление согнанных с земель крестьян, превратив их в наемных рабов капитала. Вопреки лозунгам о свободе, равенстве и братстве буржуазное государство узаконило новое рабство, позволив новоиспеченным рабовладельцам не словом, а раскаленным железом заклеить непокорных печатью капитала. В историческом музее позорных орудий рабства появились новые экспонаты — атрибуты капиталистической наглости и грубого насилия эпохи первоначального накопления капитала, используемые при активном содействии «надклассового» государства.

Полностью решить конфликт между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения можно лишь тогда, когда общество возьмет средства производства в свои руки без каких-либо компромиссов. Прямое обобществление в данном случае означает, что средства производства и капиталы полностью изымаются из рук капиталистов. Средства производства и капиталы, вернувшись к своим настоящим хозяевам, создающим их, становятся общественным достоянием. Вместе с тем они утрачивают свой

¹ См.: M. Friedman. Capitalism and Freedom. Twelfth Impression. Chicago — London, 1972.

² См.: G. Haberler. Economic Growth and Stability, An Analysis of Economic Change and Policies, Los Angeles, 1974.

капиталистический характер, обслуживая общество в целом. В этом смысле огосударствление средств производства действительно «содержит в себе формальное средство» для решения конфликта. Но фактическое его решение требует замены капиталистического государства властью трудящихся, уничтожения в рамках общего революционного процесса классовых различий и классовых противоречий — процесса, естественно и закономерно приводящего к постепенному отмиранию самого государства.

Однако в специфических условиях монополистического капитализма государство существует и действует как «комитет, управляющий общими делами буржуазии». Независимо от того, кем является государственный аппарат (простым «ночным сторожем», совладельцем или полновластным хозяином средств производства), он остается орудием капитала, проводником и защитником его власти.

Тенденция к огосударствлению средств производства и расширению хозяйственно-организаторских функций «плохого хозяина» — государства — имеет вполне объективную основу, отражающую ответ капитализма на потребность поставить под сознательный контроль производителей все общественное производство.

Необходимость в сознательном контроле над общественными производительными силами острее всего ощущает крупное промышленное производство. Материально-техническая база этого производства динамична и революционна по своей природе. Она нуждается в такой прочной взаимной зависимости между отраслями, при которой нормальное течение процесса воспроизводства зависит от строгой согласованности всех его звеньев. Постоянный массовый поток товаров из сферы производства к рынку и от рынка — в сферу потребления требует определенной пропорциональности. Этот полноводный поток товаров получит соответствующую реализацию лишь в том случае, если в него входят такие виды товаров, которые отвечают спросу. Любое нарушение необходимой пропорциональности приводит к опасным задержкам в общем ходе процесса воспроизводства и придает разрушительный характер кризисам перепроизводства.

Присущие капиталистическому способу производ-

ства временные взрывы — циклические кризисы — должны восстановить эту пропорциональность, нарушенную насильственным путем. В условиях свободной конкуренции ее поддерживает стихийный рыночный механизм спроса и предложения. Но с ограничением власти этого механизма со стороны монополии увеличивается необходимость в сознательном контроле над производством. Начинается великий спор между планомерностью, порождаемой самими производительными силами, и присущей капитализму стихийностью.

Планомерность, или сознательный контроль над производством, в свою очередь предполагает право общества свободно распоряжаться материальными и трудовыми ресурсами, совместно владеть средствами производства, поставив их на службу интересам общества. Но к такой полной планомерности капитализм никогда не сможет прийти — ведь она является его отрицанием.

Экономическую основу государственно-монополистического регулирования производства, распределения, рыночных отношений, цен и заработной платы, а отсюда — и потребления составляет государственно-монополистическая собственность на средства производства, т. е. государственная монополия. Однако ее эффективность нельзя связывать единственно с относительным уровнем прямого огосударствления по линии государственно-монополистической собственности на средства производства. Здесь мы имеем дело со сложным соединением и переплетением структурных особенностей капиталистической экономики в данной стране, позиций государства в экономике, совокупной силы государства и финансового капитала. Поэтому будет неверным судить о государственно-монополистическом развитии экономики только по степени огосударствления или, вернее, по относительной доле государственной собственности на средства производства. Относительно высокая доля государственно-монополистической собственности на средства производства в Австрии, например, совсем не означает, что она является страной самого развитого государственно-монополистического капитализма. Столь же неверно утверждать, что государственно-монополистический капитализм в США развит весьма слабо, поскольку относительная доля государственной собственности там сравнительно невелика.

Не менее важной является и вторая линия огосударствления — государственно-монополистическое регулирование экономической жизни. Степень огосударствления имеет свое, специфическое конкретно-историческое содержание. Элементы государственного капитализма здесь сложно переплетены с элементами развитого государственно-монополистического капитализма. Именно поэтому при определении критерия зрелости государственно-монополистического капитализма в той или иной стране необходимо учитывать следующие моменты: степень прямого и косвенного огосударствления хозяйственного процесса, относительную долю государственной собственности и природу последней, конкретные позиции государства в структуре экономики как целого, формы, методы и средства государственно-монополистического регулирования. Все эти показатели по-разному проявляются в различных странах. И их сочетание дает широкий регистр особенностей, нюансов и специфических черт, зависящих от истории данного народа.

Генетические корни этого процесса заложены в общественном характере производительных сил. На его динамику, формы и широту охвата одновременно оказывают влияние структура и динамика производительных сил, структура экономики, конкретное соотношение классовых сил в стране и за ее пределами, зрелость или «перезрелость» капиталистических отношений, политические традиции, мечты и иллюзии народа, его психология.

2. Противоречивая природа государственно-монополистического капитализма

Государственно-монополистический капитализм определяют три обстоятельства: а) характер производительных сил, вырастающих из крупного индустриального производства и требующих планомерной организации всего общественного производства; б) высокая концентрация капиталистического производства и связанная с ней непреодолимая тенденция к монополизации всего процесса капиталистического воспроизводства; в) стремление монополистической буржуазии использовать государственно-монополистические формы, для

того чтобы компенсировать банкротство стихийного рыночного механизма и усилить свой собственный контроль над производством и присвоением богатства. Взаимно связанные, эти три обстоятельства сложным образом воздействуют друг на друга. Они все в большей степени обуславливают поведение монополистической буржуазии, ее усилия повысить функциональные возможности системы за счет регулируемого ею вмешательства государства в экономическую жизнь.

Государственно-монополистический капитализм является продуктом тех же факторов и движущихся сил, которые привели к появлению и господству империализма. Это продукт развивающихся капиталистических противоречий, все усиливающейся неустойчивости капиталистической системы. Поскольку там, где капитал осуществляет процесс своего воспроизводства на базе стихийного рыночного автоматизма, нельзя еще говорить о появлении государственно-монополистического капитализма, там он просто не нужен буржуазии. И наоборот, когда крах этого механизма очевиден и опасность победоносной революции эксплуатируемого большинства реальна, государственно-монополистический капитализм становится абсолютно необходимым условием сохранения и дальнейшего развития капиталистического господства. Следовательно, государственно-монополистический капитализм — продукт эпохи империализма, войн и революций, т. е. эпохи нисходящего развития капитализма. Его появление и развитие свидетельствуют о возникновении в нем элементов отрицания самой системы. Как и акционерная форма, государственно-монополистический капитализм внушает чувство переходности, обреченности капитала, волей обстоятельств вынужденного скрывать свою силу и власть, прикрываясь общегосударственными и общенациональными интересами. Эта рискованная мимикрия неизбежно заставляет монополистическую буржуазию избрать такую линию поведения, которая при определенных условиях неизбежно обернется против ее интересов. Ведь политическая власть — всегда функция определенного соотношения сил, концентрированное выражение экономических интересов. Но не только интересов господствующих классов и групп. Чем в большей степени реальное соотношение классовых сил

меняется в пользу угнетенных, отверженных и практически лишенных власти, тем чаще экономическое могущество утрачивает свое значение в качестве единственного источника власти в обществе. И тем неизбежнее социальная демагогия становится атрибутом власти, ее неизменным оружием.

Однако сама по себе социальная демагогия имеет свою железную логику. Она получает эффект и достигает своей цели в определенных границах и на определенное время. В истории есть немало примеров тому, как социальная демагогия неизбежно обращается в конце концов против своих носителей. Социальная демагогия внутренне противоречива, она содержит в себе признание определенных прав народа, что заставляет ее позаботиться о каком-то реальном обеспечении этих прав, признаваемых ради рекламы.

Социальная демагогия, столь широко используемая монополистической буржуазией, сегодня претендует не только на определенные уступки, крохи с богатого стола, она требует принятия реальных обязательств и реальных выгод. В этом смысле она выгодна (хотя бы временно) власть имущим, объективно угрожая при этом их будущим интересам — ведь в ней содержится обещание и признание прав, которые рано или поздно придется дать... Именно поэтому демагогия представляет собой временное оружие для достижения временных целей с неизбежным эффектом бумеранга.

История фашизма наглядно продемонстрировала, что нельзя бесконечно и безнаказанно обманывать народы. Ни одна оторвавшаяся от народа организация, преследующая корыстные классовые или групповые цели, не может рассчитывать на продолжительный успех. Даже самые драконовские меры не в состоянии превратить весь народ в беззубое, пугливое стадо.

У социальной демагогии в современном капиталистическом обществе есть свои экономические, политические и нравственные опоры. Монополистическая буржуазия надеется на опустошающее воздействие капиталистического образа жизни на человека. Она знает, что в условиях капитализма с необычной силой расцветают эгоизм, озлобление, зависть и жадность — столь же старые проявления отрицательных черт человека, как низость и предательство, и рассчиты-

вает на них, пуская в ход оружие социальной демагогии.

Государственно-монополистический капитализм вместе с тем верит и в реальную власть денег и пользуется ею для достижения своих целей. Если нельзя обмануть и купить весь народ, то его отдельных представителей можно при определенных условиях подкупить, используя их затем в целях социальной демагогии, для подавления гнева недовольных и приглушения классового конфликта. Что из того, что народ рано или поздно узнает об этом, наградив презрением подкупленных слуг? Найдутся другие. Подлецы и изменники найдутся всегда!

Одним из самых наглядных примеров подлинной силы социальной демагогии и успеха монополистической буржуазии, подкупающей деятелей рабочего движения, может служить американская действительность. Американская профсоюзная бюрократия в буквальном смысле слова является частью буржуазной структуры: она подчиняется ее законам, кормится за ее счет и обслуживает ее с добросовестностью хорошо оплачиваемой прислуги. Нечего удивляться поэтому, что несколько десятилетий Джордж Мини, находясь в первых рядах ярых антисоветчиков и антикоммунистов, был бессменным председателем АФТ — КПП.

И все же противоречия, порожденные социальной демагогией, не принадлежат к числу основных в государственно-монополистическом капиталистическом обществе. Они лишь внешнее проявление его глубоко противоречивой природы, связанной с дальнейшим углублением процесса приспособления, главным предназначением которого становится разрешение на капиталистической основе противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Государственно-монополистический капитализм должен скрывать частнокапиталистическое основание этого присвоения, тем самым вдохнув в него новую жизнь. Именно поэтому финансовая олигархия сознательно выводит на первый план государство, всячески преувеличивая значение его представительного характера и выдавая его за единственный выразителя интересов общества.

Развитие государственно-монополистического капи-

тализма наглядно свидетельствует об уровне монополизации экономической жизни, которая в общенациональных рамках сливается с деятельностью государства, превращаясь в фактор, существенно влияющий на место, роль и функции государства в капиталистическом обществе.

Государственно-монополистический капитализм — порождение империализма. Он возникает и развивается в тех же условиях. Но в отличие от «чистого» империализма, появляющегося на базе частнохозяйственной монополии, государственно-монополистический капитализм свидетельствует о такой степени развития империализма, при которой воспроизводство капитала требует *соединения* гигантской мощи финансового капитала с организованной силой государства в единый механизм общественного контроля над производством и распределением прибавочной стоимости в интересах господствующей монополистической верхушки. В этом смысле можно говорить о том, что государственно-монополистический капитализм представляет собой новую степень обострения и движения присущих империализму противоречий: внутренних и внешних, национальных и интернациональных.

Государственно-монополистический капитализм пришел на смену обанкротившемуся стихийному рыночному механизму. Но вместо сознательного контроля от имени и в интересах общества в целом он предлагает сознательный контроль над производством и распределением благ от имени и в интересах монополистического капитала — разумеется, тайно, под прикрытием высокопарных фраз о «национальных и общенациональных интересах», о «благоденствии нации», «благополучии народа» и т. д. Не случайно А. Пигу — наследник А. Маршалла, получивший после него кафедру политической экономии в Кембридже, — связал свое имя с так называемой политической экономией благосостояния (welfare economics). В двух своих книгах — «Богатство и благосостояние» (1912 г.) и «Политэкономия благосостояния» (1919 г.) — А. Пигу попытался представить проблемы благосостояния как проблемы государственной политики в условиях быстро развивающегося государственно-монополистического капитализма. Его теория «добровольной безработицы» стала

объектом язвительной критики в таком известном труде, как «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса, что, впрочем, никак не умаляло значения проведенной А. Пигу работы в этой области. Во многих отношениях на шумевшая теория «качества жизни» является фактическим продолжением исследований А. Пигу, так как она развивает основные положения старой теории благосостояния¹. Корни этой старой теории можно найти в экономических трудах Дж. Ст. Милля, который первым попытался приспособить учение Д. Рикардо к целостной теории благосостояния.

Теория благосостояния была нужна буржуазии для социальной мимикрии, а также для выработки наиболее приемлемой позиции по этим проблемам в условиях, когда государство все активнее вмешивается в экономическую жизнь и все настойчивее вынуждено говорить и действовать под флагом «народного благоденствия» и «общенациональных интересов».

Дж. М. Кейнс выбирает в качестве объекта своей критики не теорию благосостояния А. Пигу, а его ортодоксальные разглагольствования о якобы добровольной безработице в условиях, когда вопрос о «полной занятости» стал проблемой номер один для системы капитала. Он не отбрасывал главных положений экономики благосостояния, а, наоборот, развил ряд основных положений теории благосостояния и «государства благосостояния» в своей теории регулируемого капитализма. Еще за четыре года до Кейнса Артур Пигу проникательно писал: «...социальный энтузиазм, встающий против отталкивающей нищеты грязных улиц и безрадостного существования лишенных собственности людей, является началом экономической науки»². А три года спустя после публикации «Общей теории занятости, процента и денег», дав волю своему пессимизму, он саркастически заметил: «Но разве государственные деятели во всем мире интересуются тем, что говорят экономисты?...»³.

¹ Этот факт признается сейчас рядом исследователей теории «качества жизни». — См.: *The American Journal of Economic and Sociology*. January 1975, v. 34, N 1, p. 1.

² A. Pigou. *Economics of Welfare*, London, 1932, p. 5.

³ См.: T. Hutchinson. *Survey of Economics Doctrines 1870—1929*. Oxford, 1953, p. 5.

Не трудно обнаружить влияние А. Пигу на идею Дж. М. Кейнса об обеспечении «эффективного спроса» через перераспределение богатства в пользу людей труда, тратящих на потребление почти весь свой доход. Но нас в данном случае более интересует тот факт, что глава англосаксонской политической экономии, подобно Кейнсу и всем проникательным буржуазным мыслителям, вовремя увидел и правильно оценил все возрастающую роль и значение проблем народного благосостояния для устойчивости системы в условиях империализма и быстрого развития государственно-монополистического капитализма. Эти дальновидные представители господствующей монополистической буржуазии поняли необходимость специального внимания к проблемам человека.

Без особого труда можно проследить ту же линию не только в политической экономии, но и в области социологии и философии. Научные труды Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Зомбарта, И. Шумпетера, написанные в начале века, широкое распространение философии экзистенциализма и прагматизма Дьюи, активность франкфуртской школы до и после прихода к власти Гитлера, бурный процесс развития буржуазного обществоведения до и спустя два десятилетия после первой мировой войны пронизаны тревогой за человека, его судьбу, его место в мире, его настоящее и будущее в капиталистическом обществе.

Проблематика человека в буржуазном обществоведении этого периода неизменно связывается с судьбой капиталистической системы, ее функциональными возможностями, ее оценкой. Тревога о судьбах капиталистического общества действительно стала одной из серьезных проблем. Она ощущалась и в приливах оптимизма, и в приступах мрачного отчаяния, которыми столь богат период между двумя мировыми войнами. Ей подчинено подчеркнутое стремление к повышению точности и эффективности буржуазного обществоведения, используемого в практических целях управления (начиная с послевоенного периода и вплоть до наших дней).

Этим целям подчинено усилие Э. Дюркгейма претворить в жизнь идеи Огюста Конта о «точной общественной науке» путем системного изучения общественных фактов и глубокого проникновения в специфику

индивидуального сознания. Те же цели вдохновляли и Макса Вебера, изучавшего роль организации в обществе и законы бюрократии. «Критическое переосмысление марксизма», предпринятое им, заставило его метаться между религиозной критичностью и ползучим эмпиризмом, неизменно оставаясь на позициях интеллекта, занятого поисками генетических корней капиталистического общества и его движущих сил не столько в области фактов, сколько в сфере протестантской этики. И всегда — во имя абстрактной идеализированной тенденции к рациональности, которую Вебер считал доминирующей тенденцией в развитии общества.

Еще более ярко эти цели проявляются в политической экономии. В годы первой мировой войны (т. е. одновременно с началом подъема государственно-монополистического капитализма) созрели условия для широкого развития прежде всего конъюнктурных исследований.

Разумеется, великий циклический кризис перепроизводства (1929—1933 гг.), разразившийся на базе и в рамках общего кризиса капитализма, не мог не повлиять на буржуазную научную мысль. Он дал, по сути, новый толчок уже наметившейся тенденции к более тесному увязыванию буржуазного обществоведения с практическими проблемами управления экономической, политической и духовной жизнью капиталистического общества. Эта тенденция и определила генеральную линию, смысл и содержание начавшейся «переоценки ценностей».

Соединение государства с частнохозяйственными монополиями в быстро развивающейся системе государственно-монополистического капитализма наложило отпечаток на всю социальную структуру капитала. Вначале эта тенденция нашла свое выражение в интенсивном развитии государственно-монополистического капитализма с ярко выраженными чертами военного времени. В годы первой мировой войны государство активно регулировало объем и виды производства, распределение сырьевых ресурсов по отраслям и фирмам, уровень цен и зарплат. Для этих целей в государственном аппарате были созданы специализированные звенья. Соединение государства с мощной частно-

монополистической организацией не только приводило к появлению у государства новых функций, оно все более определенно воплощалось в форму представительных институций, которые отстаивали частнохозяйственные интересы монополистического капитала, прикрываясь именем и авторитетом государства. Частнохозяйственная монополия нашла прочную опору в лице государственной монополии.

Все надежды неисправимых либералов на то, что после войны эти «недопустимые отклонения» от свободного рыночного хозяйства быстро исчезнут, растаяли как дым. Более того, о них очень скоро вообще перестали упоминать в шумных дискуссиях о возможностях «организованного», «дирижируемого» капитализма, начатых еще в первые годы нашего столетия такими представителями правого ревизионизма, как Бернштейн, Каутский и Гильфердинг. Некоторые ревизионисты, Гильфердинг в частности, даже получили реальную возможность на деле показать истинную цель своих разглагольствований уже в качестве министров ряда буржуазных правительств в 20-х годах. И в этом нет ничего неестественного — идейно-теоретическое предательство логично приводит и к фактическому предательству. Очевидно, это понял и Гильфердинг перед своим самоубийством в Париже.

Частичная стабилизация в 20-е годы не ослабила накала споров о природе капитализма, его настоящем и будущем. Она лишь стимулировала необоснованный оптимизм по поводу приближающегося «расцвета», характерный для всех материалов двухтомного труда Комиссии президентской конференции по безработице и новейшим изменениям в экономике, подготовленного под руководством президента Гувера.

Даже и после начала кризиса буржуазные идеологи продолжали восторженно говорить об огромном значении выводов, сделанных в этом документе. Очевидно, это был первый систематизированный опыт по превращению политико-экономических конъюнктурных иллюзий в целостную социальную философию буржуазии, встревоженной приступами кризиса и ободренной бесспорными успехами «частичной стабилизации». Эта философия была типичной философией безоблачного неба, философией процветания: в которой в зародыше

уже существовали идеи о спонтанной «трансформации» капитализма, о «второй промышленной революции», соответствующим образом сдобренные типично американским положением об «исключительности» капитализма США.

Никого не удивило и то, что отчет Гувера был с энтузiazмом принят Каутским и Гильфердингом, а поднимающий голову фашизм пел ему хвалебные песни. Идея о «новом капитализме» получала все большую популярность. Все наперебой старались доказать, что «можно плавно вести не только национальное, но и мировое хозяйство»¹. Газета «Лейпцигер фолксцайтунг» в новогоднем номере поспешила уверить своих читателей в том, что «все эти изменения, вместе взятые (отмеченные в отчете Гувера.— Т. Т.), способствуют созданию новых методов хозяйствования, которые можно назвать «организованным капитализмом», капитализмом, лишившимся (как организация хозяйства) своего важнейшего признака — свободной, ничем не ограничиваемой конкуренции»².

Этот необузданный оптимизм вынудил даже такого авторитетного специалиста по конъюнктурным исследованиям, как Густав Кассель, высказать свое мнение о «программе Гувера». В американском журнале «Джорнэл оф коммерс» он писал: «Вопрос о том, что может сделать государство для смягчения или предотвращения кризисов, обсуждается уже давно. Считалось, что в соответствии с ходом промышленного цикла следует регулировать и общественные мероприятия. Согласно этой точке зрения, правительство должно предпринимать широкую программу общественных мер в момент спада частной предпринимательской деятельности... Программа президента, получившая название «программа по сохранению процветания», предполагает выработку широкого плана мероприятий по предотвращению безработицы... Но абстрагируясь от некоторых психологических соображений, следует оценить программу президента как ошибку первоклассного типа...»³.

Как и всякое экономическое явление, государственно-монополистический капитализм соединяет в себе

¹ *Arbeiter — Zeitung*, 1 Januar, 1930.

² *Ibid.*

³ *Journal of Commerce*, January 8, 1930.

множество объективных и субъективных моментов и предпосылок. Его объективная основа заложена в природе производительных сил, он представляет собой *момент процесса приспособления*, под знаком которого развивается в эпоху империализма капиталистическая система. И в этом смысле он является в то же время переходной формой капитализма и специфическим капиталистическим ответом на новые потребности. В качестве *переходной формы* государственно-монополистический капитализм содержит в себе элементы, отрицающие классическую систему капитала; в то же время он включает в себя такие «элементы нового общества», его материальных и духовных условий, которые возникают при высокой степени обобществления производства и органически присущи функционирующим производительным силам. Этот сложный «диалектический процесс развития», — пишет В. И. Ленин, — действительно всовывает еще в пределах капитализма элементы нового общества, и материальные и духовные элементы его. Но социалисты должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом *целое*, а не кусочек...»¹.

А целое (не только в 1905 г., когда В. И. Ленин высказывал эти мысли, но и сейчас) представлено системой государственно-монополистического капитализма. Это капиталистическое целое оказалось вовлеченным в мощный процесс приспособления. И не всегда «вопреки воле» и желаниям господствующих классов сил, а очень часто с их активной помощью.

В распространении процесса приспособления во времени и пространстве отмечаются различные моменты и степени. Предпосылки этого процесса связаны с концентрацией производства и централизацией капитала как специфическими для капитализма измерениями непреодолимого объективного процесса обобществления производства. Появление таких переходных форм, как акционерные общества и корпорации, свидетельствует о дальнейшем развитии материальных и духовных условий для расширения процесса приспособления. Однако в данном случае мы имеем дело с таким развитием капиталистических форм, которое еще

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 370.

не вызывает сомнений в стабильности капиталистической системы. Акционерные общества (при всей их противоречивости и нетипичности для классического капитализма) являются логическим *доразвитием*, явлением обычного процесса созревания системы. В то же время монополии — эта последняя стадия капиталистического обобществления, — «вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю»¹.

Ленинский вывод о монополии как стадии перехода от капитализма к более высокому общественному строю был сделан еще в годы первой мировой войны. Сейчас обстановка изменилась, развитие ушло вперед. Монополистический капитализм достиг своей наивысшей формы — государственно-монополистической. И этот факт имеет существенное методологическое значение при изучении современного капитализма, поскольку переходные формы — корпорация и государственно-монополистический капитализм — не только способствуют ускорению эрозии капиталистической системы, но и подталкивают вперед процесс приспособления. Вместе с тем они раскрывают и новые формы для маневрирования, новые возможности для борьбы капитала с трудом, новые формы для организации противодействия революционному процессу, вызревающему в недрах капитализма.

Процесс приспособления в данном случае идет в двух направлениях: а) *овладение переходными формами*, использование заложенных в них возможностей развития капиталистического производства путем организованной борьбы за ограничение содержащихся в них разрушительных, антикапиталистических сил; б) *усиление социальной демагогии*, целью которой является борьба за человека, ведущаяся с помощью ряда планомерных, вынужденных уступок, широкой рекламы все новых социальных программ, массированных манипуляций с общественным мнением и воинствующего антикоммунизма, уже давно превратившегося в официальную государственную идеологию.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27. с. 386

В этой борьбе за овладение переходными формами монополистическая буржуазия сталкивается с качественно новыми задачами. Ей приходится создавать функциональные механизмы, новые институты и осуществлять мероприятия, которые практически противостоят традиционному буржуазному мышлению и типичны для будущего общества. Именно поэтому монополистическая буржуазия вынуждена все чаще и все внимательнее присматриваться к социалистическому обществу, исследовать его не только с позиций антикоммунизма, но и в целях практического решения своих собственных проблем. Первое такое открытое признание в этом плане было связано с выводами, которые буржуазное общество сделало после «великой депрессии» и успешного выполнения задач, намеченных первой советской пятилеткой. Эти два факта произвели сильное впечатление на буржуазное сознание. Не на шутку испуганное глубиной, продолжительностью и остротой кризиса 1929—1933 гг., капиталистическое общество впервые столкнулось с фактом подъема экономики в СССР.

Изучение советского опыта стало одним из исходных пунктов «переоценки ценностей», давшей новый толчок развитию теории и практики государственно-монополистического регулирования. Так, буржуазные экономисты не скрывают своей заинтересованности в трудах советского ученого Л. В. Канторовича в области экономико-математических проблем. Нетрудно заметить, что вся система так называемой *comptabilité nationale*¹ строится на марксистско-ленинской методологии агрегатного анализа процесса воспроизводства. А «индикативное планирование» в большинстве развитых капиталистических стран представляет собой своеобразную буржуазную альтернативу социалистическому планированию. Во всей системе «индикативного планирования» чувствуется панический страх перед социализмом, но в то же время и инстинктивное осознание того, что все же следует идти по дороге, ко-

---

¹ Национальная система народнохозяйственной отчетности, разработанная и используемая прежде всего во Франции для целей «индикативного планирования».

торую впервые в истории человеческого общества проложил реальный социализм.

Доказательством стремления буржуазии заимствовать формы, инструментарий и методы руководства народным хозяйством у социализма является, в частности, создание конгрессом США в 1974 г. специальной комиссии для изучения советского опыта в планировании хозяйства¹.

Очевидно, современная монополистическая буржуазия таким путем пытается полностью исключить или разрешить в рамках капитализма основное противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. И именно здесь господствующая империалистическая верхушка вступает на скользкую почву, оказываясь (по меткому выражению Поля Самуэльсона) в положении всадника, оседлавшего тигра, поскольку огосударствление хозяйства — такая форма капиталистического обобществления, которая объективно подрывает устой частнокапиталистической собственности. Оно наглядно демонстрирует устарелость частнокапиталистической основы, ее неспособность обслуживать дальнейшее прогрессивное развитие производительных сил. Чем дальше вперед идет развитие процесса огосударствления, тем шире становится база для конфликта между государственно-монополистическими формами и господством частной собственности. Новые формы, в которые выливается основное противоречие капитализма, не приводят к ослаблению антагонизма, заложенного в самой системе, — меняется лишь форма его движения, тогда как конкретная противоположность классовых интересов, скрывающаяся за этими формами, остается.

Программы, отчетные балансы и вообще вся деятельность огосударственной части национального хозяйства обсуждаются публично, с большим шумом — в духе теорий самопроизвольной «трансформации» капитализма. А в подтексте всей этой шумной

---

¹ Этой проблеме подчинена и вся исследовательская деятельность преподавательского состава в Нью-Йоркской новой школе социальных исследований (New School of Social Research).

пропагандистской кампании всегда ощущается сильное эхо вздыханий по доброму старому времени либерализма. И в этом-то пункте первое направление, по которому развивается процесс приспособления, пересекается со вторым, фактически сливаясь с ним.

3. Идеологизация — орудие приспособления

Монополистическая буржуазия активно использует возможности переходных форм, но, разумеется, в своих интересах. Она осуществляет научный и технический прогресс, развивает материально-техническую базу производства, овладевает новой и высокоэффективной технологией, осуществляет автоматизацию производственных процессов, широко внедряет электронный калькулятор и создает электронно-вычислительные центры, которым передает все функции, связанные с первичной отчетностью корпораций. Но при этом она неизменно держит в своих руках и осуществляет строгий контроль за дальнейшим развитием производительных сил. Все, что затрагивает интересы финансового капитала, своевременно устраняется. Этот процесс успешно обслуживает электронно-вычислительная техника, обеспечивающая подачу своевременной и точной информации о состоянии экономики, тенденциях и новых тревожных явлениях в ней.

Этот бесспорно научный, технический и организационный прогресс практически воспроизводит власть капитала в обновленных формах. Он направлен против коренных интересов человека, так как не сопровождается соответствующими изменениями в его жизненных условиях. Практически это прогресс, усиливающий позиции капитала и ограничивающий возможности простого человека жить лучше, увереннее, без страха перед завтрашним днем и в соответствии с требованием времени.

Развитие капитала, осуществляемое на базе и в рамках государственно-монополистической программы решения социальных проблем и сознательно выдаваемое за прогресс во имя всех, принимает остроконфликтные формы. С одной стороны, оно укрепляет позиции финансовой олигархии и обновляет формы и методы

ее господства. Но с другой — государственно-монополистический капитализм и как теория и как практика предполагает и неизбежно стимулирует *политизацию народных масс*.

Этот процесс политизации в свою очередь протекает достаточно сложно. Сначала политизация имеет форму политической активности, вызванной вмешательством государства в непосредственные экономические интересы наемного рабочего. Неизбежным результатом активного участия рабочего в стачечной борьбе стало глубокое осознание им классовых интересов и активная политическая борьба против господства монополистического капитала, за демократический контроль над производством и распределением благ — борьба за ликвидацию капиталистической системы. И здесь есть определенная последовательность. Вначале наемный рабочий или служащий увлекается демократическими лозунгами и осуждает не государство вообще, не систему, а лишь недемократические методы. Однако борьба за демократию постепенно принимает форму антиимпериалистической борьбы. И чем активнее развивается дискуссия о природе и значении государственной политики, тем более широкие слои населения понимают ее классовый смысл, уходя от этой политики, — ведь капиталистическая действительность ежедневно дает массу доказательств единодействия между государством и монополиями. Но вопреки антимонополистическому и антитрестовскому законодательству, существующему в ряде капиталистических стран, широкие слои народа понимают его неэффективность. В своей повседневной жизни они ощущают все более усиливающуюся власть монополистического капитала, чувствуют это единство интересов государства и монополистической верхушки. Но их оппозиция капиталистической действительности в большинстве случаев — просто внутреннее ощущение, драматичная душевная борьба, на характер которой оказывают влияние объективные и субъективные, новые и старые факторы. Рабочий и служащий (словом, каждый, кто живет на зарплату) переживают сложный душевный конфликт. В их мыслях сталкивается обреченный мир капитала и новый мир социализма. И это — столкновение между знакомым, традиционным, возникающим из прошлого,

из накопленного жизненного опыта, и неизвестным, заманчивым, новым, все еще лишенным конкретности и стабильности пережитого.

Изучение этого сложного психологического процесса имеет огромное значение для проникновения в дебри человеческого поведения. Такой анализ — естественный исходный пункт всех научных усилий по опознанию и овладению факторами, регулируемыми формированием того или иного сознания, того или иного поведения. Характерно, что параллельно с развитием государственно-монополистических форм буржуазные обществоведы и их леворадикалистские спутники придают первостепенное значение исследованиям в этой области. Подъем бихевиоризма после 20-х годов — лишь частный случай этого процесса. В целом усилия буржуазии овладеть законами и механизмами, регулируемыми поведение человека, продиктованы нуждами государственно-монополистического капитализма. Они призваны обслуживать процесс приспособления, содействовать манипуляциям с человеческим сознанием. При этом речь идет не о манипуляции абстрактными формулами, а о совершенно конкретных, целенаправленных и систематических действиях, согласующихся с особенностями экономической, политической и духовной жизни общества.

Цель монополистической буржуазии — приспособиться к объективному процессу усиливающейся политизации народных масс, овладеть им, поставив под свой контроль. Ведь сама по себе политическая активность народа ничем не угрожает господству капитала, если не приводит к формированию классового, пролетарского, революционного, антиимпериалистического сознания. Процесс политизации, согласующийся с духом и буквой буржуазной демократии и канонами буржуазного образа мысли, даже желателен и необходим буржуазии, так как расширяет ее социальную базу. Он приводит к фактической консолидации общества под властью капитала. И это был бы процесс глубокого идеологического проникновения капитала в сознание народных масс — процесс, блокирующий столь опасное для господства капитала классовое самосознание эксплуатируемого большинства.

Стремление к организованному блокированию классового сознания труженика занимает важное место в процессе приспособления. Монополистический капитал в значительной мере подчиняет этому стремлению свою политику в сфере обществоведения. Ему подчинен целостный процесс выработки новых теорий, понятий, моделей настоящего и будущего общества — все, что включается в содержание так называемого *ideation process*, что в переводе на обычный язык означает мощностъ для выработки или проведения в жизнь новых идей. В своем первом значении этот процесс стал решающим критерием оценки работы ученых. Во втором — критерием эффективности идеологической деятельности. Но и в том и в другом случае мы имеем дело с *процессом идеологизации*, обслуживающим монополистический капитал.

Существует прямая связь между динамикой процесса приспособления и интенсивностью идеологизации. Внутреннюю динамику процесса приспособления определяют потребности развивающихся производительных сил и интенсивность классовых сражений, их направленность и характер. В условиях, когда преобладают экономические лозунги и требования, буржуазия легко находит выход: она просто ускоряет процесс приспособления и организует широкую рекламу своим прошлым или будущим уступкам рабочим. Таковы гомогенные движущие силы процесса. Однако он подвергается всевозрастающему (а при некоторых условиях — и определяющему) воздействию соотношения сил на международной арене. Реальный социализм действует на процесс приспособления как гетерогенная движущая сила, противодействие которой, во-первых, есть постоянный фактор внутренней жизни системы, а во-вторых — несет в себе угрозу существованию капиталистической системы.

Оперируя гомогенными движущими силами процесса приспособления, монополистическая буржуазия исходит из параметров капиталистической рационализации, свято соблюдая основной критерий — прибыль. Можно согласиться с выводом американского специалиста по рабочим проблемам Стэнли Арновица о том, что достижения капитализма в XX в. сводятся к

«частичному использованию познания, достаточному для того, чтобы поддержать адекватный критерию прибыли рост экономики и относительно высокий жизненный стандарт»¹.

В данном случае процесс приспособления движется в рамках нормального процесса воспроизводства капитала, а развитие государственно-монополистического капитализма принимает форму социализации, демократизации и т. п.

Но если проблемы приспособления решаются в связи с усилением воздействия реального социализма на капиталистическое общество, тогда на первый план выступают проблемы социальной революции. Все усилия государственно-монополистического капитализма в этом случае направлены на «опровержение» марксистско-ленинской теории о неизбежности социалистической революции и социалистического будущего.

Буржуазный анализ теории К. Маркса о социалистической революции, ее движущих силах и факторах, необходимых для ее победы, занимает сейчас в исследованиях очень большое место. Даже тогда, когда вроде бы мимоходом (как это делает проф. Гэлбрейт) упоминается о том, что «классовые конфликты — всего лишь проявление ностальгии революционеров архаичного (antique) типа», фактически ведется война с марксистской теорией революции. Эти мелкие уколы лишь приправа к «серьезному анализу» факторов, будто бы приводящих к исчезновению необходимости в социалистической революции. Вместе с тем буржуазные обществоведы проводят серьезный анализ поведения рабочего класса, нащупывая ряд существенных факторов, оказывающих влияние на политическую жизнь и характер революционного процесса в капиталистических странах. Именно эти исследования представляют для нас наибольший интерес. Возьмем, например, объяснение, которое дает Вильгельм Райх факторам, приведшим к победе фашизма в Германии. Если исключить вымыслы автора о крахе (failure) революции 30-х годов, погибшей вопреки благоприятным условиям, созданным кризисом, в анализе Райха есть

---

¹ S. Arnowitz. The Shaping American Working Class consciousness, UC Grow-Hill Paperbacks, 1974, p. 53.

немало интересных моментов. Так, причины массового увлечения реформизмом со стороны рабочих, социал-демократических и профсоюзных лидеров он видит в особенностях немецкого авторитарного семейного уклада и в специфике рабочего сознания не только в макроэкономическом и производственном плане, но и в повседневной жизни с ее сложностями и проблемами. По мнению Райха, именно это приспособленное к авантюризму сознание мешало массам бороться против тоталитаризма, так как он пронизывал их быт, их организации, их жизнь. Даже левые партии и профсоюзные организации, полагает Райх, выражали иерархию взаимоотношений в обществе ничуть не меньше, чем корпорации¹. С таких позиций Райх оспаривает вывод о том, что социальной опорой фашизма в Германии были мелкие торговцы и служащие. По его мнению, фашизм сумел пустить глубокие корни и в рабочей среде.

Нетрудно видеть, что в своих усилиях создать «новую теорию об освобождении» Герберт Маркузе продолжает линию, которой следовал Райх. Идея Маркузе об «интеграции рабочего класса в капиталистической системе» отдаляет его от марксизма и заставляет заниматься поисками «современной революционной парадигмы» (т. е. современного образца революции, отличной от Великой Октябрьской социалистической революции) в психоанализе Фрейда. Его интересует существование какой-то «биологической укоренившейся инстинктивной структуры», способной стать «материальным субъектом» в процессе освобождения человечества. Репрессивная сила, порожденная бедностью, ему не нужна. Капиталистическое обобществление принесло материальное благополучие, но именно оно провоцирует и рост конфликта между ищущей себя личностью и обществом»².

Эту линию, сторонники которой ищут выход из противоречий капиталистической системы в морально-этических проблемах, развивают и некоторые критики «индустриального общества» из числа левых радикалов, которые под влиянием фрейдистского психоанализа

¹ См.: W. Reich. The Mass Psychology of Fascism. New York, 1946.

² H. Marcuse. Eros and Civilization, Boston, 1955.

пытаются обосновать необходимость превращения человека в основной элемент и решающий критерий эффективности капиталистической системы. «Необходимо учитывать,— пишет Эрик Фром,— и значение человеческого элемента как основного фактора системы, эффективность которой мы пытаемся исследовать. Дегуманизация во имя эффективности стала слишком распространенным явлением»¹. Однако вместо того, чтобы направить свое недовольство «дегуманизирующей ролью» капиталистической рациональности по точному адресу, эти «человеколюбцы», испытывающие сильное влияние антисоветизма, ищут причины этой дегуманизации в научно-технической революции, в самой индустриальной системе и ее императивах. Этот фактор весьма красноречиво признает А. Тоффлер, автор книги «Шок будущего»: «Несмотря на антитехническую риторику фромов, маркузе и др., именно технически более развитое, супериндустриальное общество открывает путь к большей свободе. У человека будущего будет больше шансов для самореализации»².

Дискуссия о последствиях научно-технической революции, широкое распространение технологического детерминизма при анализе общественных явлений и модное кокетничание с человеческими проблемами — также специфические продукты государственно-монополистического развития и кризиса капиталистического общества, продукты его противоречивой природы. В них отчетливо проявляется переходный характер капитализма, ежедневно решающего гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?»

Монополистические круги с горечью понимают, что одного обладания богатством еще мало, для того чтобы остаться на вершине пирамиды. Нужна поддержка народных масс, еще совсем недавно воспринимаемых ими как «невежественная уличная толпа». Высокомерные магнаты все чаще рядятся в тогу друзей и благодетелей народа. Более того, в жестком сражении за сохранение власти представители монополистической буржуазии ведут между собой настоящую войну. В этом плане очень интересна история президентских кампа-

¹ E. From. The Revolution of Hope. Toronto, 1968. p. 35.

² A. Toffler. Le choc du futur. Denoël, 1974, p. 307.

ний в США. Не секрет, что Джон Кеннеди, например, стал президентом благодаря деньгам, пущенным в ход его отцом. Не является секретом и то, что против избирательной машины Кеннеди действовала столь же щедро оплачиваемая избирательная машина Рокфеллеров. Но когда стало ясно, что, несмотря на все махинации у Рокфеллеров очень мало шансов на победу, так как сами господа магнаты опасаются отдать трон президента в руки Рокфеллеровской империи, Нельсон Рокфеллер лицемерно заявил: «Народ всей страны за меня. Но профессиональные политики и бизнесмены против, поскольку считают меня излишне либеральным»¹. Так рыцарь тайных заговоров и закулисных интриг, «герой» грязной акции захвата иранской нефти могущественной «Стандард ойл» выдает себя за невинную жертву своего собственного либерализма...

Существует прямая связь между процессом перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический, с одной стороны, и размахом социальной демагогии — с другой. Именно в 30-е годы монополистический капитализм начинает интенсивно перерастать в государственно-монополистический. Возникнув еще в годы первой мировой войны, он существовал в те годы, как уже отмечалось, в виде военнo-государственно-монополистического капитализма. Именно эту форму в ее зародыше увидел и исследовал В. И. Ленин.

Широкое же развитие гражданского государственно-монополистического капитализма — продукт уже 30-х годов. Потрясенная небывалым по широте и глубине охвата циклическим кризисом, монополистическая буржуазия была вынуждена решительно потребовать помощи от государства. И уже не только для нужд военного производства (как меру военного времени): она нуждалась в постоянной помощи государства и его опоре. Процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический стимулировался как критическим состоянием самой капиталистической экономики, так и мощным воздействием на мировое капиталистическое хозяйство реального

¹ *New York Times*, December 2, 1959.

социализма в СССР. Успехи советского планирования, устойчивый рост советского производства в годы первых пятилеток и общее экономическое и культурное развитие советского общества произвели сильное впечатление на охваченные кризисом капиталистические страны. Полевение настроений народных масс, наличие 22 млн. безработных только в США — это не на шутку испугало монополистическую буржуазию. И самым ходом вещей она была вынуждена форсировать развитие государственно-монополистического капитализма, искать у него все более широкой поддержки (в макро-социологическом плане). В этом смысле «новый курс» президента Рузвельта был и продуктом монополистической буржуазии, и выражением ее усилий стимулировать государственно-монополистическое развитие в целях стабилизации, т. е. сохранения господства капитала.

Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический сопровождалось обострением противоречий и поляризацией классовых сил, т. е. процессом глубокого смещения пластов, создающим новые условия для классовой борьбы. Буржуазия США сумела направить этот процесс в русло «нового курса». В Германии капитал был вынужден передать власть в руки фашизма. Монополистической буржуазии во Франции нужно было вести борьбу с объединенным народным фронтом. А консервативная Англия одарила буржуазное сознание новой библией — книгой «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса, в которой открыто признавалось банкротство свободной конкуренции и теоретически обосновывалась необходимость государственного регулирования.

Двойственная природа государственно-монополистического развития ярко проявилась уже в 30-е годы. Государственно-монополистический капитализм был вынужден в совершенстве овладеть средствами и методами социальной демагогии, перевооружиться идеологически и начать поиски путей к сознанию рабочего, чтобы обеспечить консолидацию трудовых ресурсов под властью капитала. Ради этой задачи буржуазному обществу пришлось повернуться лицом к настоящей, подлинной жизни — оно отказалось от идеализа-

ции фирмы и утонуло в дебрях макросоциологической проблематики.

И проблемы человека — вечные для любой переломной эпохи — снова выдвигались на первый план, став своеобразным объединяющим звеном в буржуазном мышлении и ареной для новой конфронтации с марксизмом и реальным социализмом. Так, одновременно с созданием функциональных механизмов для контроля и регулирования общественного производства монополистическая буржуазия мобилизовала свои силы для решительного наступления на политическом и идеологическом фронтах. Все развитие капиталистического общества за последние 40 лет красноречиво подтверждает это. Борьба за самосохранение капитала все более превращается в решающую битву за человека по всем направлениям — экономическому, политическому и общекультурному. Такова внутренняя логика самого развития государственно-монополистического капитализма, обусловленная заложенным в нем антагонизмом. Подобно самозаряжающейся от социального напряжения адской машине, этот антагонизм пульсирует в государственно-монополистической структуре, определяя ее тонус. Неустойчивая, раздираемая старыми и новыми противоречиями, эта структура готова взорваться при любом более или менее резком нарушении существующего равновесия классовых сил.

4. Объективно обусловленная контрреволюционность

Тенденция к огосударствлению — очень длительная во времени. Она возникает и развивается на базе тех же материальных предпосылок, которые обусловили процесс перерастания свободной конкуренции в ее противоположность — монополию. В свою очередь частнокапиталистическая монополия возникает и развивается параллельно с государственной монополией. Эти две формы капиталистической монополизации предполагают взаимное существование, диалектически перерастая одна в другую. На практике они неделимы.

Государственно-монополистический капитализм следует рассматривать как органическую часть монополистического капитализма. Он имманентен монополисти-

ческому капитализму и содержится в нем. Именно поэтому генезис, этапы и внутренняя динамика государственно-монополистического капитализма неотделимы от генезиса и развития монополистического капитализма. Это, однако, не означает, что развитие государственно-монополистического капитализма не отличается относительной самостоятельностью и спецификой.

Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический, присущее империализму вообще, осуществляется волнообразно. Наибольшую интенсивность этот процесс получает в периоды высшего напряжения, в моменты, когда подвергается испытанию вся система. Огосударствление почты, телеграфа и путей сообщения сопутствовало появлению и развитию монополии. Нетрудно обнаружить разные формы государственно-монополистического капитализма в экономике всех развитых капиталистических стран еще в начале XX в. Как в Западной Европе, так и в США государственная монополия дополняла и завершала круг империалистического господства частной монополии. Яркие защитники американской либерально-рыночной системы напрасно отказываются вспомнить, что федеральная резервная система была создана уже в 1913 г. В 20-е годы роль некоторых из упоминавшихся форм государственно-монополистического капитализма существенно изменилась. Но в той или иной мере они оставались элементами функционирующей капиталистической структуры, несмотря на возрождение либеральных иллюзий в годы частичной стабилизации капитализма.

Великий кризис капитализма 1929—1933 гг. является свидетельством нового интенсивного развития государственно-монополистических форм вглубь и вширь. Типичными для этого этапа были высокая эффективность самого процесса перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический, а также глубокое проникновение государственно-монополистических форм во всю систему гражданского производства. Именно этим можно объяснить ошибку ряда авторов, считающих 30-е годы фактическим началом государственно-монополистического капитализма.

В отличие от форм военного времени, характерных для периода первой мировой войны, государственно-монополистическая волна 30-х годов прочно связала дальнейшее развитие государственной монополии с попытками глобального регулирования экономической жизни: антикризисным регулированием, развертыванием общественных объектов строительства для борьбы с растущей безработицей, широким использованием финансово-кредитных рычагов для помощи корпорациям, государственным стимулированием инвестиционной деятельности и вообще государственно-монополистическим воздействием на состояние рынка капитала. Этот вид государственно-монополистического капитализма стал основным ядром системы, основным ядром целостного процесса воспроизводства капитала. По состоянию этого ядра, его инструментарию, по его месту в политическом и экономическом процессах можно судить о степени зрелости и общем уровне государственно-монополистического развития. Действительно — 30-е годы были переломными в этом смысле. Но начало процесса, его ранние формы и проявления органически связаны с превращением свободной конкуренции в монополию. Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический сопровождается этим процессом и является особой формой его собственного движения.

В 30-е годы монополизация принимает принудительную форму массового процесса. Ее содержанием стало широкое перерастание господствующего монополистического капитализма в развитую систему государственно-монополистического капитализма, т. е. по логике своего развития империализм достиг своей самой зрелой, самой развитой формы.

Государственно-монополистический капитализм — закономерный этап развития монополистического капитализма. По всем основным направлениям он представляет собой дальнейшее развитие и конкретизацию присущих империализму характерных черт, признаков, свойств и закономерностей, наполнение их новым содержанием.

Внутренняя противоречивость и реакционность государственно-монополистической структуры определяются ее специфически капиталистическим содержанием.

Порожденная потребностями общественных производительных сил, система государственно-монополистического капитализма сохраняет заложенный в капитале антагонизм. Новые формы, которые принимает в своем движении этот антагонизм, усиливают реакционность империалистической системы, поскольку предполагают наличие сознательного усилия для увековечивания капиталистического господства под знаменем приспособления.

Таким образом, государственно-монополистический капитализм призван обеспечить дальнейшее прогрессивное развитие производительных сил, но уже с реакционных, даже контрреволюционных по своей сути позиций. Вся система действия, весь механизм государственно-монополистического капитализма направлены против интересов общества в целом. Общественным интересам навязываются эгоистические интересы монополистического капитализма, превращенные в общегосударственные и общенациональные (разумеется, соответствующим образом откорректированные и приспособленные к конкретным условиям классовой борьбы). Отсюда — и ограниченность этой системы, ее уязвимость, внутренняя противоречивость, отсюда — и уродливость прогресса, развивающегося на базе и за счет средств государственно-монополистического капитализма.

Чем более развита государственно-монополистическая система, тем очевиднее и бесспорнее ее объективно обусловленная реакционность. И чем чаще эта система становится тормозом для прогрессивного развития производительных сил и для всего общества, тем уродливее ее отражение на общественно-экономическом процессе.

Не случайно кризисные явления в традиционном капиталистическом хозяйстве и массовое перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический послужили причиной волны усиления реакционных перемен в политической жизни. На грязном гребне этой государственно-монополистической волны фашизм одержал победу в Германии, Италии и Японии. Испуганное «великой депрессией» буржуазное обществоведение попыталось связать реалистические признания о провале свободного рыночного хозяйства

с крайне нереалистическими заявлениями воинствующего антикоммунизма, а монополистическая буржуазия прочно и надолго включила в свой арсенал демагогию и практически капитулировала перед гитлеровским фашизмом.

Именно усилиями монополистической буржуазии, опирающейся на государственно-монополистический капитализм, человечество было брошено в первую и вторую мировые войны. Это на ней лежит вина за смерть и страдания сотен миллионов людей. Это она виновата перед народами и перед историей за беспрецедентную хозяйственную разруху, массовое уничтожение производительных сил, материальных и трудовых ресурсов, за то, что сумела направить энергию людей в русло братоубийственных войн и разрушений.

Правящая монополистическая буржуазия США виновна перед народами и историей за полностью лишенное военного смысла использование атомной бомбы во имя «атомной дипломатии» и «холодной войны». Она виновна перед человечеством за грязные войны, которые ведет и продолжает вести против национально-освободительного и революционного движения в мире.

Вся система государственно-монополистического капитализма послевоенного периода была подчинена гегемонистским, завоевательным, империалистическим целям господствующей монополистической буржуазии. Из этой системы вырос мощный военно-промышленный комплекс империализма. Объективно она способствовала развитию этого зловещего комплекса, превратив его в орудие обогащения финансовой олигархии.

Послевоенное развитие государственно-монополистического капитализма раскрывает его новые стороны. Это был период широкой практической проверки системы, период ее дальнейшего совершенствования, теоретического осмысления во всех направлениях. Но это был и период бурного революционного подъема, распространения научно-технической революции, возникновения и успешного развития мировой социалистической системы, фактического распада колониальной системы империализма, победоносного хода национально-освободительного и революционного движения.

В этом динамичном процессе дальнейшего углубления кризиса капиталистической системы монополисти-

ческая буржуазия превратила государственно-монополистический капитализм в орудие контрреволюции. Ее действия разоблачают реакционную сущность государственно-монополистической системы, вызывая противодействие всех демократических и прогрессивных общественных сил.

Вызывающие действия монополистической верхушки породили сопротивление, продемонстрировавшее заложенный в самой системе исторический предел маневрирования и приспособления. Монополизация в форме частнокапиталистической и государственной монополии — это движение в границах капиталистических отношений. Из нее вырастает и аккумулируется внутреннее напряжение, способствующее укреплению материальных и духовных, национальных и интернациональных предпосылок к разрушению системы (разумеется, не прямолинейно и не по неизменно восходящей линии, а с присущими истории зигзагами).

Объективной логике всего государственно-монополистического развития общества присуще одно основное измерение, одна неотвратимая историческая тенденция — *отрицание самой системы*. Какими путями пойдет это отрицание, в каких формах на практике воплотится революционный процесс в той или иной стране — эти вопросы будут решаться в процессе непосредственных революционных действий народных масс, рабочего класса, созданного, организованного и закаленного в непрерывных классовых сражениях с капиталом. Именно поэтому к непосредственному практическому революционному действию неприменимы готовые формулы. Решения рождаются в самих революционных действиях народных масс — рабочего класса, трудового крестьянства, связанной с трудовым народом интеллигенции, т. е. всех антиимпериалистических и антикапиталистических сил.

Дискуссия, которую ведут некоторые истинные и мнимые революционеры по этому вопросу, часто страдает удивительной доктринерской ограниченностью. Так, например, спорят о том, кто является гегемоном, главной движущей силой революционного процесса. Роже Гароди, например, советует нам отказаться от мысли о руководящей роли коммунистической партии и рассматривать ее как один из компонентов револю-

ционного процесса. Во главе «нового исторического блока» он предлагает поставить научную элиту, выдвинутую на передовые позиции «кибернетической (т. е. научно-технической.— *T.T.*) революцией»¹, как будто вопрос о движущих силах революции и ее гегемоне решается в кабинетах ученых, а не в самом революционном процессе. Рыцарь «отрицающей диалектики», Герберт Маркузе в свою очередь пытается нас убедить в том, что рабочий класс интегрирован капиталистической системой и не может поэтому быть «детонатором революции», хотя очень скоро сам же вынужден сделать уточнение, в котором практически признает революционную роль рабочего класса².

Есть истины, не нуждающиеся в доказательствах. К их числу мы относим упорно оспариваемый буржуазными учеными вывод К. Маркса и Ф. Энгельса об исторической миссии рабочего класса. Эта миссия определена самим местом рабочего класса в общественном производстве, его ролью в развитии общества, материально-технической базой которого является машинное производство.

В массе эксплуатируемого большинства только рабочий класс отвечает всем требованиям, предъявляемым объективной диалектикой движения к новому обществу. В любой развитой капиталистической стране именно рабочий класс является самой многочисленной, организованной и революционной общественной силой. Он непосредственно связан с прогрессивными изменениями общественного производства; он является важнейшей составной частью общественных производительных сил; объективно на него работает научно-технический прогресс; именно он как наиболее массовая, угнетаемая и уничтожаемая господством капитала сила является носителем новых производственных отношений.

Неделимая часть общественных производительных сил, рабочий класс (как ни одна социальная группа или класс) кровно заинтересован в ликвидации

¹ R. Garaudi. *Le grand tournant du socialisme*. Paris, 1969.

² H. Marcuse. *Eros et civilisation*. Paris, 1969; H. Marcuse. *Critique de la tolérance pure... son la tolérance reprecive*. Paris, 1969; H. Marcuse. *Vers La libération*. Paris, p. 72—79.

капиталистического господства и порожденной им системы привилегий, выражая интересы всех общественных сил, угнетаемых и эксплуатируемых капиталом.

Трудовое крестьянство, передовые отряды интеллигенции, ученые и творческие работники всех сфер культуры становятся подлинной революционной силой лишь в том случае, когда сумеют встать объективно на позиции рабочего класса, т. е. смогут понять единство своих собственных коренных интересов с интересами пролетариата. Взятые изолированно, вне революционной борьбы рабочего класса, эти движущие силы антикапиталистической революции не в состоянии серьезно угрожать господству капитала. И наоборот, в рамках братского союза с рабочим классом они становятся деятельной и крайне нужной движущей силой революции.

Следовательно, историческую роль рабочего класса в антикапиталистической борьбе определяют не фиксидеи реформаторов разного толка, а объективные законы самой революционной практики. Точно так же решается вопрос и о руководящей роли коммунистической партии — этого организованного революционного авангарда рабочего класса. Стройная и дисциплинированная организация самых сознательных, преданных и самоотверженных представителей своего класса, коммунистическая партия является его революционным штабом. Ее руководящая роль немыслима вне борьбы за коренные интересы класса и масс.

Система государственно-монополистического капитализма предлагает солидный общеэкономический и государственный механизм общественного контроля над производством и распределением материальных благ. Таким почти готовым аппаратом для общественной отчетности является во всех развитых капиталистических странах банковская система. Чтобы коренным образом изменить социальную природу этой системы, достаточно поставить ее под контроль народных масс — и из аппарата для грабежа трудящихся она превратится в орудие, обеспечивающее им свободную и счастливую жизнь. Все, стало быть, зависит от того, в чьих руках сосредоточена государственная власть.

Вопрос о власти — коренной вопрос любой революции. Эту азбучную истину марксизма-ленинизма

много раз повторяли, оспаривали, но она всегда на практике доказывала свою правоту. Все честные революционеры, в той или иной форме недооценивавшие данную истину, поплатились за это. Достаточно вспомнить трагическую судьбу Сальвадора Альенде, внимательно изучить развитие революционной борьбы на Кубе или трезво взглянуть на события в Португалии, и мы обнаружим множество аргументов в защиту этой выстраданной в каждой революции истины.

Единственной общественной силой, которая может эффективно противостоять организованному насилию буржуазной власти и даже сломить его, является союз рабочего класса с трудовым крестьянством и связанной с народом интеллигенцией. Этот союз марксисты называют *диктатурой пролетариата*, противопоставляя его *диктатуре капитала*, скрывающейся за фасадом буржуазной демократии.

Любая демократия — диктатура. Государство и связанная с ним политическая система представляют собой институты классового общества, т. е. институты классового господства. Они репрессивны, поскольку опираются на нормы принуждения и соответствующий аппарат насилия. Утверждение, что данная государственная власть — диктатура, является тавтологией, так как нет такой государственной власти, которая не была бы диктатурой какого-то одного класса или данного классового союза, противопоставленной интересам другого класса или группы. Вопрос о власти имеет смысл лишь в том случае, когда он поставлен правильно:

- Диктатура кого?
- Диктатура против кого?
- Диктатура в пользу кого?

Буржуазное господство всегда было диктатурой капитала. Сейчас оно представляет собой диктатуру монополистической буржуазии, с помощью которой финансовый капитал реализует свою экономическую и политическую власть над обществом.

Государственно-монополистический капитализм является основным звеном в механизме монополистического господства, основным рычагом диктатуры капитала, концентрирующим экономическую и политиче-

скую власть капиталистического класса в целом. На практике, однако, этой гигантской властью распоряжается верхушка финансовой олигархии. И в критических ситуациях особенно ярко проявляется ее репрессивная сущность. Во всех прочих случаях вперед выставляется ширма буржуазной демократии. Так, чем лучше идут дела на экономическом фронте, тем чаще слышны вздохи о «свободном рыночном хозяйстве». При благоприятной экономической конъюнктуре нередко даже рецидивы либералистических панегириков. И наоборот: когда капиталистическое хозяйство переживает экономический кризис, государственно-монополистический механизм выдается за подлинную панацею.

Послевоенная волна в развитии государственно-монополистического капитализма была обусловлена рядом решающих обстоятельств, в числе которых: полевение народных масс, на своих плечах вынесших тяжесть второй мировой войны; необходимость быстрого преодоления военной разрухи и технического перевооружения устаревшей промышленной базы в таких странах, как Англия и Франция; необходимость повышения темпов экономического роста в условиях состязания двух мировых систем. Одним словом, дальнейшее развитие государственно-монополистического механизма должно было задержать мировой революционный процесс испытанными средствами — усиленной социальной демагогией и вынужденными уступками. Все это (вместе с довольно быстрой стабилизацией после военной разрухи) стало условием пресечения недовольства народных масс и противопоставлением реальному социализму с позиций сил (экономической, военной, научной и технической).

Мощный толчок дальнейшему развитию государственно-монополистических форм дала научно-техническая революция. С начала 50-х годов проблемы научно-технического прогресса и государственного программирования заняли важное место в системе государственно-монополистического регулирования. Естественно ожидать, что самый глубокий циклический кризис перепроизводства, который переживает капиталистическое общество с середины 1974 г., вызовет новую волну

подъема монополизации капиталистической структуры по линии огосударствления.

Таким образом, в развитии государственно-монополистического капитализма можно выделить следующие этапы:

Первый этап охватывает первые три десятилетия XX в. Это период усиленной монополизации капиталистического хозяйства прежде всего на базе частного-хозяйственной монополии. Государственно-монополистический капитализм существует, но не доминирует. Особенно интенсивно развиваются формы государственно-монополистического капитализма, присущие военному времени.

Второй этап — 30-е годы. Под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции и событий 20-х годов монополистическая буржуазия уже к концу 20-х годов была склонна принять широкую государственно-монополистическую программу. Отчет комиссии Гувера в США является одним из самых ярких доказательств этого психологического настроения буржуазии, готовой идти по пути «нового», «организованного», «бескризисного» капитализма. «Великая депрессия» (1929—1933 гг.) окончательно решила спор в пользу государственно-монополистического капитализма. Началось интенсивное перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический. Именно на этом этапе капиталистическое хозяйство стало преимущественно государственно-монополистическим. Окончательно оформилась и заняла центральное место в ведущих капиталистических странах всесторонне развитая система государственно-монополистических отношений и институций. Государственно-монополистический капитализм стал основным звеном в процессе воспроизводства.

Третий этап — три послевоенных десятилетия, во время которых были проверены возможности государственно-монополистической системы и достигнуты ее исторические границы. Вооруженная теорией Кейнса о регулируемом капитализме, монополистическая буржуазия, проверив на практике возможности неокейнсианских моделей «уровновешенного экономического роста», попыталась обеспечить стабильность экономической системы через «неоклассические модели»,

построенные главным образом на производственной функции. Важную роль на этом этапе играет усвоение и использование в государственно-монополистической практике системы электронно-вычислительных машин. В этот период акцент государственно-монополистического регулирования постепенно переносится с краткосрочного и среднесрочного регулирования на долгосрочное программирование. Однако содержанием государственно-монополистического регулирования по-прежнему остается «антикризисная политика», стремление к бескризисному развитию, уравновешенным устойчивым темпам роста в условиях «полной занятости».

Четвертый этап начинается с самого крупного после «великой депрессии» циклического кризиса перепроизводства. По всей вероятности, на этом этапе будет дан толчок дальнейшему развитию государственно-монополистической системы по пути долгосрочного, среднесрочного и краткосрочного индикативного планирования. Возрастает роль «структурного планирования», т. е. разработки программ долгосрочных изменений в структуре капиталистической экономики с учетом постоянных классовых интересов капитала.

Одно только перечисление этапов государственно-монополистического развития капиталистического общества показывает его органическую связь с развитием производительных сил и обострением капиталистических противоречий. Каждая новая волна подъема в эволюции государственно-монополистических форм является, по сути, ответной реакцией на трудности, встающие перед системой. И именно эта особенность государственно-монополистического капитализма свидетельствует о том, что в нем специфическим образом отражается соотношение классовых сил. На конкретные формы, степень зрелости и функциональные возможности государственно-монополистической структуры накладывают свою печать острота классового конфликта и соотношение классовых сил. Это объективный процесс, в который монополистическая буржуазия втянута вопреки своему желанию. Логика государственно-монополистического развития диктуется самой жизнью, приобретая при этом силу закона природы. В сущности, мы имеем дело с логикой закономерного движения общества к новым общественным формам — дви-

жения к социализму. К этому выводу еще до К. Маркса и Ф. Энгельса пришли первые теоретики социалистического будущего — утописты Томас Мор, Сен-Симон, Шарль Фурье и др. И это вполне естественно. Еще Гегель недвусмысленно писал, что для того, чтобы понять низшие степени, нужно знать развитой организм, так как именно он является мерилom развития на более низком уровне. А современные доброжелатели капитализма, во-первых, не могут в полном объеме постичь ту истину, что капитализм сейчас стоит на более низкой ступени, чем социализм, даже в том случае, когда экономически социализм еще догоняет капитализм, и, во-вторых, они не в состоянии принять (уже по идеологическим соображениям) социализм в качестве критерия оценки капиталистического общества и поэтому блуждают во мраке, в котором в свое время плутали предшественники научного и даже утопического социализма. Чаще всего они начинают с Сен-Симона и им же кончают.

Существуют две основные формы государственно-монополистического капитализма: государственно-монополистическая собственность и государственно-монополистическое регулирование, возникшие на единой основе. Разными путями, но взаимно дополняя друг друга, эти формы обслуживают господство монополистической буржуазии.

Государственно-монополистическая собственность обычно рассматривается как наиболее зрелая форма государственно-монополистического капитализма. И это так, если рассматривать процесс обобществления как движение от частнокапиталистической к государственно-капиталистической собственности. В более широком социологическом плане прямое огосударствление средств производства в форме государственно-монополистической собственности представляет собой, по сути, экономическую основу государственно-монополистического воздействия на экономическую жизнь и на все общество.

Государственно-монополистическая собственность является той экономической основой, от относительной доли которой в значительной степени (но не единственно и не полностью) зависит эффективность государственно-монополистического регулирования. Только

в случае, когда эта основа органически связана со всей развитой государственно-монополистической системой, она приобретает свое истинное значение и действует эффективно.

В данном случае первостепенное значение имеет то, что процесс обобществления производства и труда не может и не должен сводиться лишь к основному отношению — форме собственности на средства производства. Сколь ни важно значение этого основного отношения, оно всегда реализуется очень конкретно — как ядро точно определенной системы отношений. И лишь в случае, когда государственно-монополистическая собственность на средства производства является ядром развитой системы институций и рычагов государственно-монополистического регулирования, она реализуется в полном своем объеме как экономическая основа функционирующей системы.

Государственно-монополистическая собственность и государственно-монополистическое регулирование — две разные формы проявления единого процесса обобществления. С одной стороны, непреодолимое развитие этого объективного процесса требует, чтобы общественный характер производства базировался на общественной собственности на средства производства, уничтожая тем самым экономическую основу для эксплуатации. С другой стороны, этот же процесс делает перво-степенной общественной необходимостью планомерную организацию общественного производства, поставленного под сознательный контроль непосредственных производителей. Но и в том и в другом случаях государственно-монополистический капитализм не в состоянии отвечать этим требованиям.

Вместо общественной, общенародной собственности государственно-монополистический капитализм предлагает частичное огосударствление средств производства. В данном случае государство действует как совокупный капиталист, в интересах частномонополистического капитала. Поэтому оно не может устранить противоречие, вырастающее из частной собственности, а меняет лишь форму его движения.

Вместо полной планомерности государственно-монополистический капитализм предлагает ограниченное регулирование средствами так называемого индикатив-

ного планирования. Такое «направляющее» планирование не только ограничено по своему охвату, но имеет и подчеркнуто классовый характер, отражая интересы господствующей монополистической верхушки. Следовательно, вместо того чтобы поставить все общественное производство под сознательный контроль непосредственных производителей, государственно-монополистическое регулирование признает и реализует (присущими ему средствами) контроль финансового капитала, отражая и отстаивая его эгоистические интересы.

Государственно-монополистическое регулирование — действенная форма огосударствления. Оно распространяется на всю систему политических и экономических программ, политические и экономические решения, институты и экономические рычаги организованного воздействия на общественно-экономическую, политическую и духовную жизнь общества. Сердцевиной всей этой системы является государственно-монополистическое регулирование экономики. В послевоенный период государственно-монополистическое регулирование (огосударствление) всех сфер жизни приобретает все большее теоретическое и практическое значение.

Как отмечалось, обе формы государственно-монополистического капитализма отражают соотношение классовых сил и связаны с исторически создавшимися особенностями, стереотипами и неповторимым колоритом общества той или иной страны. А это означает, что состояние, эффективность, внутренняя динамика и конкретная характеристика государственно-монополистического капитализма — все его прошлое и настоящее развитие — представляют собой синтетический итог состояния и развития классового конфликта в данной стране. Нельзя и преувеличивать влияние, которое оказывают интересы монополистического капитала на показатели индикативного плана, на механизмы его практического осуществления и на соотношение двух форм огосударствления. На практике государственно-монополистического регулирования все более сказывается организованная борьба рабочего класса за «демократический план», «демократическую экономическую политику», «демократическую налоговую систему»,

«демократическую программу инвестиций», «широкую социальную программу» в интересах трудящихся и пр. Капиталистические цели индикативного планирования, регулирования и программирования сильно завуалированы и часто ограничены, приспособлены к соотношению классовых сил в стране.

Государственно-монополистическое регулирование, осуществляемое якобы во имя человека, на практике зависит от общественной активности трудящихся, от их заинтересованности в том или ином решении, от их способности принимать или отбрасывать заложенные в нем цели как отвечающие их интересам или враждебные им. В этом смысле вся система государственно-монополистического капитализма в свою очередь выдвигает на первый план проблемы человека и оказывается зависимой от них. В конкретных условиях капитализма существуют две основные позиции человека: позиция капиталиста и позиция человека труда. Старая антиномия между трудом и капиталом всплывает здесь в новом варианте, не только пронизывая всю систему, но и отражая значительно более сильные (по сравнению с прошлым) позиции труда.

Когда-то, в условиях свободной конкуренции, буржуазия позволяла себе определять положение каждого конкретного человека в зависимости от его инициативы, от его умения участвовать в состязании на рынке. Для нее капиталистическое общество было подлинным олицетворением «вечной справедливости», свободы, братства и равенства между людьми. Сегодня эта апологетическая дерзость господствующего класса уже утратила свою силу. Буржуазии пришлось принять фабричное законодательство и тем самым признать право труда защищать себя от посягательств капитала — хотя бы в рамках признанной нормой времени на отдых и воспроизводство рабочей силы. *Фабричное законодательство* было первым юридическим признанием силы и способностей рабочего класса, отстаивающего свои интересы, первым юридическим признанием коренных различий в интересах труда и капитала. Но это только начало, всего лишь формально юридическое признание меняющегося соотношения классовых сил.

5. Социализм и усиление контрреволюционной самокритики империализма

Социальная политика монополистической буржуазии в целом есть продукт ожесточенной классовой борьбы. Это уступка буржуазии, считающейся с силой рабочего класса. Однако сама по себе позиция рабочего класса в данной стране является результатом одновременного действия множества национальных и интернациональных эндогенных факторов. В числе национальных факторов решающими являются организованность трудящихся, их политическая сознательность и общественная активность, общее состояние капиталистической экономики в конкретной фазе экономического цикла, место, позиции и зависимость национальной экономики от внешнего рынка. Все интернациональные факторы фактически сводятся к соотношению сил двух мировых систем. Но это не значит, что на внутреннюю динамику и конкретные формы государственно-монополистического капитализма не влияют межимпериалистические противоречия. Сами по себе эти противоречия между тремя основными центрами империализма — США, «Общим рынком» и Японией — вполне реальны, и с ними нельзя не считаться. Но столь же бесспорно является и доминирующая роль противоречий между двумя мировыми системами. Вся послевоенная история наглядно свидетельствует о том, что во всех случаях, когда основное противоречие эпохи выходило на передний план, межимпериалистические разногласия затихали, уступая место тревоге о судьбах всей системы. В подобной ситуации центробежные силы ослабевают, а доминируют объединяющие тенденции, сговор, поиски общих позиций в борьбе против социализма.

Но независимо от конкретной экономической и политической конъюнктуры присутствие социализма есть постоянный факт, с которым господствующая монополистическая буржуазия вынуждена считаться. Это присутствие укрепляет позиции труда и диктует определенное поведение монополистическому капиталу, являясь решающим интернациональным фактором. Его сила зависит от успехов социализма, от состояния дан-

ного капиталистического общества и проблем, стоящих перед ним, от обстановки в мире.

Капиталистические противоречия, независимо от того, идет ли речь о национальных или интернациональных (межимпериалистических) противоречиях, представляют собой эндогенную силу, поскольку отражают собственное движение системы, являясь его неизбежным продуктом. Для системы государственно-монополистического капитализма социализм есть типичный экзогенный фактор, учитывающийся ею при принятии управленческих решений. Политические выводы и решения, государственно-монополистические регулятивистские программы, контроль за уровнем цен и заработной платы, словом, вся социальная политика монополистической буржуазии связана со все расширяющимся присутствием социализма.

Глубоко в подтексте всей государственно-монополистической политики лежит стремление финансовой олигархии ответить на «социалистический вызов» таким образом, чтобы предотвратить революционные действия народных масс. Этой цели подчинены не только стабилизационные программы и активная антикризисная политика, но и социальные программы монополистической буржуазии, призванные доказать на практике «демократический» характер современного капиталистического общества.

И не всевозможные дискуссии, а именно практическое присутствие реального социализма определяет направленность научных исследований и публикаций виднейших представителей буржуазного обществоведения. За исключением некоторых махровых антикоммунистов, буквально все наиболее значительные буржуазные авторы теории о настоящем и будущем общества разрабатывают альтернативы реальному социализму. Их работа — сизифов труд, цель которого состоит в том, чтобы приспособить буржуазное сознание к отрицающей его действительности, найти какой-то некапиталистический, но и решительно несоциалистический путь. Результатом этих усилий стала пестрая гамма теорий, идеализирующих государственно-монополистический капитализм. Начиная с престарелой идеи правого ревизионизма о «гуманном» и «демократическом» социализме, по сей день доминирующей в бур-

жуазной теории, и кончая разнообразными вариантами теорий о якобы неизбежной конвергенции двух систем, мы постоянно сталкиваемся со всевозможными модификациями такого плана, неизменно констатируя при этом их ограниченность. Эти теории при всей утонченности их антикоммунистической направленности, как правило, лишены какой-либо оригинальности: не опровергая принципов научного социализма, они лишь заменяют их другими. Буржуазное обществоведение не предложило ни одной по-настоящему новой идеи, которая бы сплотила ученых хотя бы их собственного гетто на какое-то время¹. Лихорадочные поиски новых теоретических схем уже сами по себе являются доказательством кризиса этой науки. Не в силах предложить хоть какую-то альтернативу марксистско-ленинскому учению о настоящем и будущем общества, она компенсирует свою слабость обильной фабрикацией теорий-однодневок, судьба которых сродни судьбе любого плягера.

В то же время финансовая олигархия все решительнее опирается на реалистические анализы для практических целей государственно-монополистического регулирования, сознательно используя процесс приспособления в своих интересах. Всякая уступка превращается в хорошо продуманный ход. Даже оставаясь вынужденной, она представляется как добровольный жест, как часть общей программы «долгосрочных структурных реформ». С другой стороны, сама эта программа «структурных реформ» широко обсуждается заинтересованной публикой, привлеченной к дискуссии шумной и продолжительной рекламой. Вообще одним из постоянных инструментов государственно-монополистического манипулирования с сознанием становится формальное признание необходимости перемен. Длительное же наукообразное и широкое обсуждение возможных путей реализации самой перемены призвано создать атмосферу терпимости, укрепить иллюзии и веру в мифы о «спонтанной самотрансформации» капитализма. Такая мифотворческая функция государственно-

---

¹ Очевидно, поэтому в последнее время участились призывы решительно порвать с «идеологическим гетто» и смело вторгаться в дебри подлинной жизни, в проблемы, волнующие широкие народные массы.

монополистического капитализма получает все более активное развитие. Она становится постоянным элементом всех программ, всех политических речей, всех законодательных актов и политических дискуссий.

Финансовая олигархия использует мощный аппарат государственно-монополистического капитализма для регулирования классового конфликта (в допустимых границах) и создания благоприятных условий воспроизводства капитала. Именно поэтому она заинтересована в правде о реальных опасностях, угрожающих ее собственным интересам, поддерживает специальные институты, щедро оплачивая научные изыскания тех, кто может оказаться полезным ей. Очень часто правящая верхушка спрашивается о мнении коммунистических партий по интересующим ее вопросам, специально изучая их позиции. Одной из задач антикоммунистических институтов как раз и является эта — изучение проблем социалистической действительности и коммунистического движения, знание которых поможет капитализму найти пути к решению своих собственных проблем. Эти исследования являются чем-то вроде контрреволюционной самокритики. Они — постоянный и необходимый спутник процесса приспособления. На них опирается монополистическая буржуазия, принимая долгосрочные программы «структурных реформ».

На практике выражением контрреволюционной самокритики монополистической буржуазии является ее стремление посредством хорошо обдуманых и спущенных сверху «структурных реформ» предотвратить революционные выступления народа, радикализацию его сознания и вообще полевание широких масс.

Внимательный анализ государственно-монополистического капитализма как целостной системы господства капитала над трудом раскрывает ее широту. Это не просто экономический механизм и даже не преимущественно экономическая система. Государственно-монополистический капитализм сегодня представляет собой целостную социологическую систему, поставленную в услужение экономическим, политическим и идеологическим интересам финансового капитала. Под его воздействием меняется социальная структура капиталистического общества, приобретающего новые функциональные черты и особенности.

В государственно-монополистическом капитализме интегрируются все компоненты современного капиталистического общества. Сохранив видимость своей старой формы, отношения на семейном, немонополизованном предприятии, как и вся система общечеловеческих отношений, существенно изменяются под растущим воздействием высшей формы монополизации. Все чаще типично экономические отношения принимают форму политических, реализуясь с помощью политических средств.

Политика всегда была и остается концентрированным выражением экономических интересов. Однако в условиях государственно-монополистической структуры ее роль значительно возрастает: расширяется диапазон прямого политического воздействия; растет число видов деятельности, попадающих под прямой политический контроль государственно-монополистических институций; резко увеличивается круг лиц, интересы которых затрагивает государственно-монополистический контроль. Политизация накладывает отпечаток на всю систему общечеловеческих отношений.

Достаточно проанализировать в этих целях государственный бюджет. Во всех капиталистических странах он поглощает от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ всего национального дохода. Это огромная сумма, по сравнению с которой активы даже самых солидных корпораций выглядят незначительной мелочью. Только в США военный бюджет за 1975—1976 гг. превысил сумму 113 млрд. долл.! Перераспределение национального дохода через государственный бюджет является мощным рычагом государственно-монополистического воздействия на современное капиталистическое общество. Государственные заказы, государственное финансирование и государственная законодательная регламентация экономической жизни — все это факты, без которых нельзя представить современное капиталистическое общество. Все, что в освященной традицией буржуазной практике было результатом стихийной игры слепого случая, сегодня становится объектом государственно-монополистического регулирования, законодательной регламентации и контроля. Современное капиталистическое государство — могучий коллективный собственник-капиталист. Оно — неизменный арбитр, законодатель и вер-

ховный судья. Соединив в себе экономическую и репрессивную силу господствующего класса, оно действует энергично и многопланово, не только соблюдая частные интересы капиталиста, но и превращаясь в его коллективного агента, его самую организованную общественную опору.

Соединение и взаимное переплетение частнокапиталистического и государственно-монополистического механизма происходит все более комплексно и разнонаправленно. Механизм и рычаги, способствующие переливанию прибавочной стоимости из государственно-монополистических предприятий и звеньев, совершенствуются, становясь все более скрытыми в отличие от плановости, которая приобретает всеохватывающий характер как во времени, так и в пространстве.

Господствующая позиция государственно-монополистической структуры в современном капиталистическом обществе стимулирует дальнейшую монополизацию во всех ее формах. Под воздействием государственно-монополистического капитализма и с его активной помощью из корпораций вырастают конгломераты, финансовые группы и суперкорпорации. Смысл широкой деятельности многонациональных корпораций нельзя понять вне развития и функционирования государственно-монополистических структур.

Конгломераты, финансовые группы и суперкорпорации — это такие формы частнокапиталистической монополии, для которых национальные рамки оказываются тесными. Связанные с национальной государственно-монополистической структурой множеством видимых и невидимых нитей, эти специфически капиталистические формы буквально пронизаны духом космополитизма, внутренне присущего капиталу. В них реализуется заложенная в современных производительных силах объективная тенденция к интернационализации экономической жизни.

Порожденные высокой степенью обобществления производства и труда, частные монополии, с одной стороны, подготавливают почву для государственно-монополистического развития, стимулируя его, а с другой — перерастают рамки национальной ограниченности государственного регулирования и спо-

способствуют его распространению на международные отношения.

Наиболее зрелые формы частнохозяйственных монополий толкают капиталистическое хозяйство к международной интеграции и надгосударственным монополистическим институтам, осуществляющим международный контроль над производством и распределением прибавочной стоимости по всем направлениям: контроль за экономической, политической и общекультурной международной жизнью.

6. Интернационализация капитала. Многонациональные корпорации и надгосударственные институты

По своей природе капитал космополитичен. Однако и до наших дней его господство осуществляется преимущественно национально обособленными институтами в рамках государственно-монополистической структуры и через нее. Международная институционализация капитала — сравнительно новое явление. Интеграционные процессы, региональные интеграционные союзы и порожденные ими надгосударственные институты являются продуктом все углубляющейся интернационализации жизни.

В последние 25 лет появилась и стала объектом оживленной дискуссии такая форма интернационализации капитала, как многонациональная корпорация. Экономический и социальный совет при ООН не раз уже занимался ею. В единодушно принятой резолюции от 28 июля 1972 г. совет признал исключительную важность углубленных исследований природы многонациональной корпорации.

В специальном докладе отдела по экономическим и социальным вопросам при Секретариате ООН содержится обстоятельное описание сложных проблем, порождаемых деятельностью многонациональных корпораций; здесь высказываются интересные соображения в пользу самого понятия «многонациональная корпорация», заменившего такие названия, как «транснациональные фирмы, предприятия и корпорации».

Многонациональными являются корпорации, деятельность которых распространяется более чем на

одну страну. Заграничные филиалы или отделения многонациональных корпораций — органическая часть основного предприятия. Они могут быть дочерними, если будут созданы базисной корпорацией. Обычно контроль за дочерним предприятием считается полным, если базисное предприятие владеет 25% его акций. Однако довольно часто заграничные филиалы являются ассоциированными предприятиями, и в этом случае контрольный пакет акций не превышает 10%.

Для нас представляет наибольший интерес не столько исчерпывающая характеристика многонациональной корпорации, сколько сам факт ее существования. Эта капиталистическая форма вносит ряд новых моментов в капиталистическую структуру, существенно изменяя обстановку на рынке капитала и труда. Деятельность многонациональных корпораций затрагивает интересы непосредственно производителя и оказывает огромное влияние на всю национальную экономику, что представляет исключительный интерес при исследовании отношений между человеком и капиталом.

Многонациональные корпорации расширяют возможности внутреннего рынка. Они — главный (хотя и не единственный) канал, через который осуществляется прямой перелив капиталов из одной страны в другую. На предприятиях этих гигантов получает работу большая часть национальных рабочих. Эти предприятия, как правило, являются носителями технических новинок, они располагают солидной финансовой и научно-технической базой, превращаются в настоящего возмутителя национальной экономики, заставляя национальные фирмы стремиться к техническому совершенствованию.

Но в то же время многонациональные корпорации несут много сложностей для национальной экономики страны, в которую они проникают, — ведь они действуют по программе и в соответствии с рекомендациями центра, выражая интересы, не имеющие ничего общего с данной национальной экономикой, и их деятельность почти не поддается национальному контролю. Это чужие предприятия, во многих отношениях пользующиеся правом экстерриториальности: их производственная, финансово-кредитная и торговая деятельность не поддается прямому государственно-моно-

полистическому контролю. Специализация и диверсификация их производства, его реализация и вообще вся их деятельность обусловлены интересами, чуждыми национальной экономике. Это деятельность не только не подлежит планированию и регулированию, но и с трудом может быть подвергнута налоговому обложению, поскольку собственники многонациональных корпораций располагают отличной информацией о состоянии национальных рынков и налоговых систем в различных странах и действуют таким образом, чтобы сократить налоги до минимума.

Многонациональные корпорации с успехом уходят от любого контроля. Их интересы стоят над интересами как базисной, так и принимающей страны. Располагаясь одновременно в нескольких странах, эти корпорации отличаются большой маневренностью и успешно пользуются любой возможностью для извлечения максимальных прибылей. Особенно выгодны для них технические новшества и новые технологии. Упорно защищая свои монополистические позиции, многонациональные корпорации в конце концов заставляют внутренний рынок принять данное изобретение — изделие, сооружение или определеннй вид услуг. На более поздних стадиях допускается кооперирование с национальными предприятиями. Именно поэтому вся деятельность этих корпораций, усиливающих анархию и одностороннее уродливое развитие национальной экономики, носит подчеркнуто спекулятивный характер.

В буржуазной экономической литературе не без оснований говорится о формировании «мирового торгового центра» (Global Shopping Centre), под непосредственным контролем многонациональных корпораций. Космополитизм или «глобализм» этих корпораций находит свое практическое выражение в такой интернационализации капитала, при которой «доллар вопреки патриотическим лозунгам... не имеет национальности». Даже авторы доклада финансовой комиссии сената США в 1973 г. с беспокойством признавали: «Вне всякого сомнения, лица в институциях, оперирующих на этих рынках (финансовом рынке.— *Т. Т.*), обладают ресурсами, достаточными для того, чтобы вызвать денежный кризис вроде кризиса, поразившего недавно

центральные банки... Огромная сумма в 288 млрд. долл., принадлежащая частным лицам и направленная на частные рынки без какого бы то ни было контроля со стороны официальных институций, более чем в два раза превышает интернациональные резервы, принадлежащие всем центральным банкам и интернациональным валютным институциям в мире¹.

Многонациональные корпорации прикрывают свое фантастическое экономическое могущество с помощью подставных частных лиц. Благодаря своим колоссальным размерам и власти многонациональные корпорации имеют возможность привлекать местный финансовый капитал (особенно в бедных странах). Таким способом они лишают национальный рынок крайне необходимых ему финансовых ресурсов и вовлекают в корыстные спекулятивные сделки на международном рынке, поскольку именно они обладают возможностью ускорять или задерживать свои выплаты в зависимости от состояния национального валютного рынка и ожидаемых или (чаще) инсценированных перемен.

В начале 60-х годов шефы больших корпораций по несколько месяцев в году проводили в заграничных путешествиях. Сейчас дельцы типа Жака Мезонружа, Генри Форда или их коллег ездят за границу по делам не более четырех раз в год, но зато они опираются на мощную коммуникационную систему, сделавшую материальными их амбиции охватить все мировое производство рамками «глобальной фабрики», возглавить «глобальный рынок капиталов», опираясь на «глобальный торговый центр». С помощью коммуникационной техники главные менеджеры многонациональных корпораций могут не только «мыслить глобально», но и ежедневно действовать в «глобальных масштабах». Мезонруж говорит: «С помощью магии современной коммуникационной техники мы в состоянии установить связь между США и Европой, а через посредство телефототехники пересылать не только письма, но и чертежи. Инженер из лаборатории Нью-Йорка будет разговаривать с инженером, находящимся в Англии, об-

---

¹ «Implications of Multinational Firms for World Trade and Investment and for U. S. Trade Labor». Hearings before Committee of Finance, U. S. Senate, February 1973.

мениваться с ним чертежами и эскизами, оставаясь на своем месте»¹.

Некоторые ученые уже показали, что многонациональные корпорации имеют свою стратегию, зачастую более секретную, чем стратегия правительства. Их политическая власть опирается на ценную информацию о мировых рынках. Экономический советник Генри Форда, например, обладает отлично укомплектованной картотекой с данными обо всех странах, с которыми имеет дело фирма, и тесно связан с ЦРУ. В своем интервью журналу «Форчун» он заявил, что всегда старается как бы «влезть в шкуру финансовых бюрократов», чтобы понять смысл их решений в связи с возможной девальвацией местной валюты. С помощью таких методов он сумел точно «предсказать» исход 69 из 75 случаев валютных кризисов².

Если к уже сказанному добавить, что у многонациональных корпораций «тело — международное, а мозг находится в Нью-Йорке»³, станет еще яснее их фактическая роль в международных отношениях и в экономической жизни отдельных стран.

Многонациональные корпорации особенно опасны для развивающихся стран. Очень часто эти страны в привлечении многонациональных корпораций видят фактор преодоления своей экономической отсталости. В какой-то мере это действительно так, но слишком уж велика цена, которую приходится платить в таких случаях. Достаточно напомнить, что за 1964—1968 гг. США и Англия — страны, на долю которых приходится 80% всех заграничных прямых инвестиций, — перевели из отделений своих многонациональных корпораций в развивающихся странах 5,8 млрд. долл., вложив в них 3,2 млрд. долл. собственных средств⁴. Очевидно, что норма прибавочной стоимости здесь фантастически высока.

Многонациональные корпорации широко используют колонизаторские приемы в национальной эконо-

¹ См.: *International Marketing*, October 21, 1971.

² *Fortune*. September 15, 1968, p. 101.

³ Это говорилось об ИТТ («Интернэшнл телефон энд телеграф»), хотя и касается всех многонациональных корпораций.

⁴ W. Manser. *The Financial Role of Multinational Enterprise*. International Chamber of Commerce, Paris, 1973, p. 17—30.

мике связанных с ними стран. Высокий технический уровень производства, научно-техническая база дают им возможность доминировать. А если учесть, что примерно $\frac{2}{3}$ общего числа многонациональных корпораций — американские по происхождению, станет ясно, что мы имеем дело с такой формой интернационализации капитала, при которой национальная экономика попадает в хищные лапы американского империализма. В деятельности многонациональных корпораций всегда присутствует элемент неокOLONиализма.

Многонациональные корпорации являются мощным фактором расстройтва валютной системы. Используя свою прекрасную осведомленность о состоянии международной валютной системы и об особенностях рынков капиталов в разных частях света, они зачастую извлекают огромные прибыли из спекулятивных валютных сделок. Так, например, известно, что требования на краткосрочные кредиты, предъявляемые американским банкам, резко подскочили в 1971 г. с 300 млн. (средняя цифра для краткосрочных кредитов за 5 предшествующих лет) до 2,94 млрд. долл. Одновременно с этим резко возросли потоки капиталов между филиалами многонациональных корпораций. Так, если за первый, второй и третий квартал 1970 г. они составляли 1,4 млрд. долл., то в следующем, 1971 г., уже равнялись 2,7 млрд. долл. Нетрудно понять, что эти потоки связаны с ожидаемыми изменениями валютных курсов. Обратная тенденция наблюдалась в последнем квартале 1972 г.

Очень часто разнонаправленное движение капиталов в спекулятивных целях между филиалами многонациональных корпораций выдается за «ускорение расчетов или относится за счет «ошибок и просчетов». Только в 1971 г. по последнему счету из США в филиалы было направлено свыше 11 млрд. долл., половина которых — только в последний квартал. Спекулятивный характер этого мощного потока станет ясным, если вспомнить, что в среднем годовой объем капиталов, переправляемых по этому каналу, в течение 6 предыдущих лет равнялся 1 млрд. долл.¹. Для специа-

---

¹ P. Schweitzer. International Investment and the World Monetary System. Washington, 8 May, 1973.

листов, знакомых с изменениями курсов, эти массивные потоки спекулятивного капитала легко превращаются в колоссальные прибыли, очень напоминающие успешную игру на бирже.

Дискуссия о последствиях широкого распространения многонациональных корпораций все конкретнее намечает контуры согласованной *программы профсоюзов*. Помимо коллективных договоров, эта программа включает интернациональное сопротивление рабочего класса спекулятивным махинациям многонациональных корпораций. Обсуждаются, в частности, вопросы о том, как согласованными действиями рабочих можно противостоять этим корпорациям, как предотвратить попытки сломить сопротивление рабочих данного завода с помощью импорта товаров из филиалов, расположенных в других странах, или переноса производства с одного предприятия на другое. Секретариат Международной федерации профсоюзов рабочих химической промышленности и Международное объединение профсоюзных рабочих пищевой промышленности совместно с Международной федерацией металлистов активно содействуют практическому осуществлению такой программы. Вообще международное профсоюзное движение начинает решительную борьбу с последствиями деятельности многонациональных корпораций¹. Все чаще раздаются требования о включении представителей профсоюзов в состав руководства корпораций в целях осуществления профсоюзного контроля за их решениями².

Резкое сопротивление деятельности многонациональных корпораций прежде всего связано с их вмешательством во внутривнутриполитическую жизнь принимающей страны. Доказано, что многонациональные корпорации используют свои сильные экономические позиции в политических целях, противоречащих коренным интересам местного населения. Во многих странах они действуют как типичные агенты американского империализма. Скандальная история, связанная с деятельностью компании «Интернэшнл телефон энд телеграф»

¹ International Labour Organization Multinational Enterprises and Social Policy, Studies and Report, № 79, Geneva, 1973.

² A. Angelopoulos, In Annals of Public and Co-operative Economy. — Lieg, January, 1973.

в Чили, наглядно свидетельствует о реакционной, проимпериалистической роли этой многонациональной корпорации. Чтобы приостановить революционно-демократический процесс, представители ИТТ вступили в контрреволюционный сговор с силами махровой реакции. Они действовали как прямые агенты ЦРУ, не жалея миллионов на финансирование контрреволюционной деятельности.

Другой не менее реакционный аспект деятельности многонациональных корпораций становится очевидным в связи с действиями «Локхид корпорейшн» — уже на территории развитых капиталистических стран. Подкупы высших представителей государственной бюрократии в Японии, Италии и Бельгии, по всей вероятности, лишь незначительная часть приемов, используемых многонациональными корпорациями для грубого вмешательства во внутреннюю экономическую, политическую и духовную жизнь принимающей страны.

Контрреволюционная и интервенционная деятельность многонациональных корпораций, ставшая известной широкой общественности, — сигнал, свидетельствующий о необходимости самого детального расследования их деятельности. Знакомство с методами, приемами, связями и средствами воздействия, используемыми многонациональными корпорациями, позволяет увидеть еще более неприглядные картины их деятельности. Ведь речь идет о такой интернационализации капитала, за которой скрываются методы неокOLONизаторов, направленные против интересов народов как в базисной, так и в принимающей стране.

Итак, многонациональные корпорации — крайне противоречивое явление. Плюсы и минусы не приводят к равновесию, поскольку в большинстве случаев мы имеем дело с односторонними плюсами — в пользу капитала. По всей вероятности, в ближайшие два десятилетия роль многонациональных корпораций будет возрастать, а дискуссия о них примет еще более обостренный характер¹. Ведь уже и сейчас их относительная доля в производстве и торговле огромна.

Активный экспорт капиталов, новая технология и

---

¹ Н. Pertmutter. The Multinational firm and the future in the Annals. September 1972, p. 139,

широкая продажа лицензий делают многонациональные корпорации фактором ускорения научно-технического прогресса. Они действуют как своеобразный ускоритель модернизации, содействуя уменьшению различий в экономическом уровне развитых капиталистических стран. В этом смысле они не только интернационализируют капитал, но объективно ускоряют процесс интернационализации производства. Быстрое развитие многонациональных корпораций в последние 25 лет совпадает с развитием интеграционных процессов при капитализме. С одной стороны, их деятельность подготавливает почву для интеграции национальных капиталистических хозяйств. Но, с другой — многонациональные корпорации развиваются совершенно независимо от интеграционных процессов, даже увеличивая напряженность взаимоотношений между странами.

Интеграция — самая высшая форма интернационализации капиталистического хозяйства. В отличие от многонациональных корпораций, умело уходящих из-под контроля государственно-монополистического механизма, она благоприятствует расширению этого контроля. Более того, в рамках интеграционных союзов типа Европейского экономического сообщества (ЕЭС) государственно-монополистическое воздействие на экономическую и социальную жизнь также интернационализируется. Усиливается международная согласованность. Намечаются контуры будущих надгосударственных институций, которые должны систематически обсуждать и решать на практике множество важных вопросов межгосударственного и общенационального характера.

Интеграционные процессы отражают объективную тенденцию к интернационализации, заложенную в самой природе современных производительных сил. В результате действия научно-технической революции тенденция к интернационализации производства и капиталов приобрела особую силу. Высокий уровень производительных сил уже давно перерос ограниченные рамки национального рынка. Но участие капитала в мировом капиталистическом рынке более подвластно стихиям, нежели государственно-монополистическому регулированию. Здесь господствует частнокапиталистическая договоренность. Развитие частнокапиталистиче-

ской монополии в межгосударственных экономических взаимоотношениях неизбежно сопровождается усилением напряженности в международных отношениях. Интеграция выражает острую потребность в широкой международной координации частнохозяйственной деятельности по двум направлениям с учетом: а) собственных интересов монополистической буржуазии; б) организованного международного противодействия революционному натиску, успешной борьбы против возрастающих национальных требований народных масс в годы после второй мировой войны.

Для того чтобы справиться с огромными трудностями послевоенного времени, монополистическая буржуазия в своей «битве за оживление» создала мощный интернациональный «священный союз». В итоге трудных и продолжительных переговоров в 1958 г. были созданы два региональных интеграционных сообщества: зона свободной торговли (ЕАСТ) и «Общий рынок» (ЕЭС).

Ничего удивительного не было в том, что наиболее успешно интеграционные процессы развивались в Западной Европе, где хозяйственная взаимозависимость была очень сильной. Так, экспортная квота западноевропейских стран примерно в пять раз выше, чем в США. Уже в 1958 г. взаимный товарообмен между западноевропейскими странами составлял примерно 59% объема их внешней торговли. Государственно-монополистическое регулирование в них было сильно развито, несмотря на различия в формах. В Западной Германии, например, в связи с господством неолиберализма оно носило подчеркнуто либералистические этикетки.

Монополистическая буржуазия, накопившая солидный опыт государственно-монополистического регулирования, попыталась создать систему действенных международных институций для изучения и регулирования конъюнктуры. Еще в 1947 г. было подписано соглашение об образовании Организации европейского экономического сотрудничества. Однако эта организация была мертворожденной. Лишь 10 лет спустя появилось два интеграционных сообщества — факт, свидетельствующий о наличии острых межимпериалистических противоречий. Подтверждением этого вывода стало банкротство регионального сообщества, опираясь

на которое, Англия пыталась противостоять «Общему рынку».

Капиталистическая интеграция благоприятствует развитию производительных сил. Она усиливает взаимозависимость между национальными экономиками и расширяет возможности монополистического капитала в маневрировании. При этом невероятно ускоряется процесс международного переплетения капиталов; усложняются связи между представителями финансовой олигархии, возникают новые формы международной надгосударственной институционализации.

Разумеется, это новая форма движения межимпериалистических противоречий отнюдь их не снимает. Бурные потрясения валютных кризисов, спекулятивное движение капиталов из одной страны в другую, беспрецедентное обесценивание американского доллара и его девальвация, коллективные плавающие курсы в Западной Европе — все эти и многие другие факты красноречиво показывают иллюзорный характер планов создания эффективных надгосударственных институций, способных проводить «общеевропейскую» или «всемирную» согласованную политику. При каждом очередном приступе кризиса эгоистические «национальные» интересы капитала берут верх, определяя поведение каждой страны, ее политические и экономические позиции. Противоречия между тремя основными империалистическими центрами — США, ЕЭС и Японией — остаются, и их не в силах преодолеть никакие монополистические союзы, региональные объединения или общие программы действия. Однако верно и то, что острота этих противоречий несколько сглаживается основным противоречием эпохи — противоречием между двумя общественными системами. Под влиянием реального социализма и непреодолимого развития мирового революционного процесса империалистические силы вынуждены объединяться. И всегда, когда судьба капитализма поставлена на карту, монополистическая буржуазия отдает предпочтение единому фронту, противостоящему социализму.

Годы, прошедшие со дня образования ЕЭС, свидетельствуют о положительном отражении интеграции на темпах экономического развития. Налицо определенное нивелирование экономического уровня. Нацио-

нальные хозяйства стали более пригодными для активного сотрудничества. В то же время экономическая интеграция привела к ряду политических проблем. Переход от экономических союзов к политическим — процесс несравнимо более сложный, поскольку речь идет уже о коренных интересах нации. Политическая интеграция остро ставит вопрос о национальном суверенитете, о возможности той или иной страны самостоятельно решать свои проблемы. Грубое вмешательство многонациональных корпораций во внутреннюю жизнь государств шокирует сегодня народы всего мира. Но завтра, перед лицом появляющихся надгосударственных экономических и политических институций, действующих от имени интеграционной общности, этот вопрос будет звучать совсем иначе. В этих условиях речь идет уже о полном лишении народа какой-либо страны возможности и права самому обсуждать и решать свои собственные проблемы. «Общеввропейский парламент» или «общеввропейское правительство» в действии — это уже полная ликвидация национального суверенитета и право монополистического капитала диктовать нации условия в своих космополитических интересах.

При теперешнем состоянии политических структур и функциональных механизмов государственно-монополистического капитализма вся система буржуазной демократии поставлена на службу капиталу. Даже правительства, избираемые демократическим путем, практически не в состоянии определять политику современного капиталистического государства. Буржуазная демократия во всех развитых капиталистических странах лишь частично опирается на всеобщее избирательное право. Прямое участие народных масс в формировании политических структур через избирательное право строго лимитировано и постоянно ограничивается различными способами — через имущественные цензы, ограничения возраста, пола, расовую принадлежность, законодательные махинации, систему пропорционального представительства и пр. В то же время по традиции капитал сохраняет за собой привилегированные институты, широко их используя. Во всевозможные высшие палаты, сенаты и т. д. входят представители узкого патрицианского круга — бывшие лорды, наслед-

ственные финансовые магнаты и профессиональные политики, связанные с монополистическим капиталом. И здесь нет выборов. Нет контроля со стороны народных масс. Напротив, привилегированные средневековые институты плутократии обычно имеют право контроля и реальные возможности для того, чтобы провалить выполнение решений, которые принял бы демократически настроенный буржуазный парламент.

Нетрудно представить, какую огромную власть предоставили бы империалистической буржуазии Западной Европы будущий «общеевропейский парламент» и подчиненное ему «общеевропейское правительство». На практике это означало бы создание возможности для финансовой олигархии превратить мировое капиталистическое хозяйство в свою вотчину и, разумеется, страшной возможности втянуть в борьбу против народных масс той или иной страны международные наднациональные силы. То, что более века назад в дни Парижской Коммуны получила французская буржуазия, в своей борьбе с коммунарами опирающаяся на силу немецкого оружия, космополитический финансовый капитал в новых условиях получил бы на «законном основании» и в несравнимо больших масштабах.

Сознательно опуская чисто экономические аспекты интеграционных процессов, мы обращаем особое внимание на опасность угрозы национальной независимости народов и их реальным правам и свободам, заложенной в этом процессе интернационализации государственно-монополистического капитализма. Правда, национальная буржуазия, не входящая в узкий круг патрициев, не заинтересована в подобном развитии интеграции. Но верно и то, что национальная буржуазия 1) есть часть самой буржуазии и 2) ее возможности к сопротивлению весьма ограничены. Финансовый капитал легко может заручиться ее поддержкой и вовлечь в свои космополитические планы. Вот почему единственной реальной силой, способной бороться во имя последовательной демократизации интеграционных процессов, остаются народные массы, их прогрессивные политические организации. Вся политическая история капитализма убедительно подтверждает правильность вывода о том, что лишь коммунистические пар-

тии всех развитых капиталистических стран были и остаются последовательными и бескомпромиссными борцами против империалистических планов узурпирования демократических прав и свобод. От союза рабочего класса со всеми трудящимися — крестьянами, ремесленниками, служащими и прогрессивными творческими работниками — зависит успех антимонополистической, антиимпериалистической и антикапиталистической борьбы.

Борьба за демократию органически связана с борьбой против наступления империализма. Она расчищает путь к ограничению и ликвидации власти капитала над трудом. Когда борьба эксплуатируемых капиталом народных масс опирается на ясную, научно обоснованную и действенную программу, она непременно превращается в непреодолимую демократическую альтернативу государственно-монополистическому наступлению на труд. Именно такая действенная демократическая альтернатива нужна сегодня трудящимся всех развитых капиталистических стран. Но, разумеется, во всех случаях основные черты, требования и движущие силы борьбы за практическую реализацию этой демократической альтернативы будут обладать неповторимым национальным, региональным и историческим колоритом. Как в отдельных капиталистических странах, так и в трех основных центрах империализма демократическая альтернатива национальных и интернациональных форм государственно-монополистического господства также будет отличаться своим своеобразием. Но такая специфика не может затушевывать или даже опровергнуть антиимпериалистическую сущность этих форм.

Империализм и господствующий монополистический капитализм составляют сейчас ядро капиталистической структуры. Любая борьба за устранение этого ядра закономерно превратится в борьбу за ликвидацию системы, порождающей эксплуатацию человека человеком, — системы, ежедневно и ежемесячно способствующей росту монополистического капитала и усилению финансовой олигархии. Середины здесь нет и быть не может. Именно поэтому борьба за демократию сегодня неизбежно сливается с борьбой за социализм. Чем последовательнее и результативнее эта борьба,

тем ближе народы приближаются к социализму, а социалистическое развитие становится для них единственно реальной перспективой. И наоборот: пассивность народных масс, их капитуляция перед интернациональным натиском финансовой олигархии, их неспособность объединиться для совместных действий расчищают путь тоталитаризму такой силы, перед которым самые мрачные проявления деспотизма в прошлом кажутся незначительным пустяком.

Остро критикуя идею Каутского об «ультраимпериализме», В. И. Ленин подчеркивал, что тенденция к одной-единственной мировой сверхмонополии вполне закономерна, хотя она и порождает столь сильные противоречия, которые дают все основания ждать гибели империализма еще до прихода к этой точке. Исследование процесса приспособления и всей контрреволюционной самокритики монополистической буржуазии второй половины XX в. отчетливо подтверждает правоту ленинских выводов. Интернационализация в современном капиталистическом обществе приводит к таким формам монополизации, которые делают всю систему капитала еще более неустойчивой и реакционной. Мы имеем дело с такой степенью монополизации социально-экономической структуры, которая способствует появлению значительно более серьезных предпосылок для успешной всенародной антиимпериалистической борьбы, благодаря которой и в ходе которой формируются условия для окончательного освобождения труда от власти капитала.

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ — ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Исторически капитал возник намного раньше, чем капитализм. Его праисторические формы — торговый и ссудный капитал — существовали наряду с господствовавшими рабовладельческими и феодальными отношениями. Но лишь на заре капитализма капитал стал господствующим общественно-экономическим отношением. По мере того как это отношение становится более зрелым, торговый и ссудный капитал теряют свою самостоятельность и становятся звеньями кругооборота промышленного капитала.

После победы буржуазной революции в Англии и особенно после Великой французской революции капитал выходит на историческую арену как самостоятельная общественная сила. Его воспроизводство задает тон, определяет направления, внутреннюю динамику и общий ход исторического процесса под знаменем и в интересах буржуазии. Каждый новый шаг связан с воспроизводством и расширением власти капитала. Движение общества от средневековых гильдий к простой кооперации, от простой кооперации к мануфактуре и далее к фабрике — вот ступени развития капиталистических отношений, основные вехи капиталистического способа производства. Таким образом

было построено все внушительное здание капиталистической общественной структуры.

Движущий мотив такого бурного общественного развития — получение прибавочной стоимости, являющейся основой воспроизводства индивидуального и общественного капитала. По мере того как капиталистические отношения становились более зрелыми, все отчетливее раскрывалось органическое единство между движением индивидуального капитала и воспроизводством общественного капитала. Все эффективнее действовала «невидимая рука» стихийного рыночного механизма. Процесс накопления капитала отдельным капиталистом развивался синхронно с расширенным воспроизводством капиталистических отношений. Стремление к получению наибольшего богатства, ненасытная страсть к присвоению неоплаченного человеческого труда придавали новые силы всей капиталистической системе, повышая ее функциональные способности. В этом мире «желтого дьявола», крайнего индивидуализма все начиналось с капитала и все им заканчивалось. Практически все работало на капитал: и труд, и время. Капитал высасывал жизненные соки у людей наемного труда и везде цинично, силой навязывал свой единственный жалкий критерий — «плачу наличными».

Какое ему дело до страданий рабочего, роста бедности и экономического неравенства? Воздыхания по старым ценностям не по вкусу капиталу! Деньги не пахнут. Да здравствует мир, в котором все можно купить за деньги! Да здравствует мир «неограниченных возможностей», мир, в котором финансовые короли и главари мафии — герои! В этом преуспевающем мире экзальтированных парвеню все подчиняется капиталу и живет для него. Процветание системы равнозначно преумножению богатства и власти индивидуального капитала. Высшее благо — стихия рынка и свободная конкуренция. Способность превзойти конкурента — истинная добродетель. Поэтому отовсюду можно слышать возгласы: «Не теряйте времени! Накапливайте, накапливайте, накапливайте! Накапливайте богатство и не забывайте, что время — деньги. Каждый за себя, один Бог — за всех!»

Никогда прежде частная собственность не приводила к такому взрыву алчности и индивидуализма. Богатство предприимчивых собственников быстро возрастало; система была устойчивой. Стихийный рыночный автоматизм вносил порядок в это анархическое общество ничем не ограниченной частной инициативы.

Сегодня дело коренным образом изменилось. «Невидимая рука» рыночной стихии парализована. Ее место все решительнее занимает государственно-монополистический капитализм; регулирование, программирование и индикативное планирование становятся неизбежными спутниками производственного процесса. Наряду с государством к услугам финансовой олигархии — множество исследовательских институтов, центров, бюро. Широко используются искусно разработанные математические модели, компьютеры и мощные кибернетические машины. Несмотря на все это, заботы по поддержанию функциональных возможностей системы, тревога, вызванная углубляющейся дисфункциональностью, во всех ее звеньях становятся все большими и непосильными.

Очевидно, что причины этой возрастающей дисфункциональности заложены в самой системе, они просто вырастают из нее. Все попытки найти внешние по отношению к данной системе причины углубляющейся неустойчивости современного капиталистического хозяйства непременно вернут нас к наивным теориям Мура и Джевонса, согласно которым причиной экономических кризисов являются пятна на Солнце. Ключ к определению сущности современной капиталистической экономики, сложных проблем настоящего и будущего системы лежит в познании истинной природы, внутренней динамики и последствий дисфункциональности.

1. Природа и измерения дисфункциональности

Дисфункциональность — имманентная черта приспособляющегося капитала. Она порождает тревогу у неокapитализма (как в теории, так и на практике). Сам факт, что буржуазное сознание испытывает неудовлетворенность существующим состоянием капита-

листической системы и лихорадочно ищет пути для ее «стабилизации», «гуманизации» и приспособления к требованиям времени, свидетельствует о кризисном состоянии. Вполне достаточным доказательством того, что существующие в настоящее время явления, теории и решения уже не вмещаются в классические представления и не могут быть защищены классическими аргументами, можно считать увлечение терминами, начинающимися, как правило, с приставками «нео». Приставка «нео» всегда предполагает словесное признание необходимости изменений. Более того, она стремится облегчить приспособление, практически задерживая победу нового. Приставка «нсо» обычно выражает проявление старого.

Дисфункциональность — объективная основа теории и практики неокapитализма. Она вытекает из необратимого исторического процесса, в силу которого объективная диалектика собственного капиталистического развития неизбежно оказывается диалектикой его отрицания. Именно это существенно отличает современный капитализм от классического капитализма XVIII и XIX вв. Когда-то история работала на капитал. Сегодня она работает против него. Когда-то собственный оборот капитала укреплял систему, наполнял все ее звенья жизненными соками. Сегодня собственное движение капитала направляется против системы, неудержимо разрушает ее классический механизм и воспроизводит ее отрицание на более широкой основе.

Господствующее положение таких переходных форм, как корпорация и государственно-монополистический капитализм, вытеснение «невидимой руки» государственно-монополистическим регулированием и тотальная бюрократизация капиталистической структуры имеют для системы специфический допинговый эффект. Они стимулируют ее развитие, но в то же время мешают ее устойчивости; повышают темпы экономического роста, но в то же время подрывают доверие к ее возможностям. Неудержимо возрастают центробежные и разрушительные силы. Всеобщим становится критическое отношение к капиталистической действительности. Эксплуататоры и эксплуатируемые рассматривают систему как безнадежно больного

пациента, разумеется, с различных позиций и с учетом различных целей. Но в обоих случаях речь идет о единомышленном осуждении существующей капиталистической структуры. Сама по себе эта всеобщая неудовлетворенность системой также является проявлением ее кризиса. «Критический дух», охвативший уже и само буржуазное сознание,— это специфическое признание обреченности капиталистических отношений, решительно отрицаемых жизнью, велением времени¹.

Дисфункциональность усиливает замешательство буржуазии и придает еще более драматический характер бесплодному движению в заколдованном круге, начальным и конечным пунктом которого остается преклонение перед частной собственностью на средства производства. Наиболее отчетливо это проявляется в процессе воспроизводства общественного капитала, но также и в современном движении капитала в целом.

Разграничение воспроизводства общественного капитала от воспроизводства индивидуального капитала имеет существенное значение для понимания дисфункциональности. К. Маркс первым раскрыл огромное познавательное значение такого подхода. Во втором томе «Капитала» он наглядно показал преимущества используемого им метода, поскольку проблема воспроизводства индивидуального капитала может решаться как обыкновенная задача в рамках формулы $D - T - D'$. С превращением денег в большее количество денег цикл заканчивается, и капитал снова находится в изначальном состоянии.

Положение коренным образом меняется при воспроизводстве общественного капитала. Здесь общественный процесс производства и реализации прибавочной стоимости крайне усложняется. Он начинается с рынка труда и материальных ресурсов, проходит через непосредственный процесс производства, включает повторное появление капитала на рынке для реализации произведенной товарной продукции и оконча-

---

¹ Даже такой ярый антикоммунист, как видный представитель теории «единого индустриального общества» Р. Арон, отмечал в своих известных лекциях об индустриальном обществе: «Сто лет назад считалось неприличным быть антикапиталистом. Сегодня неприлично не быть им» (18 Lectures on Industrial Society, London, 1967, p. 82).

тельно угасает в личном потреблении или становится началом нового цикла (через производительное потребление).

Воспроизводство общественного капитала охватывает деятельность совокупного капиталистического класса как собственника средств производства и совокупного рабочего класса как непосредственного участника и фактического создателя общественного продукта. Реализация этого общественного продукта, впитавшего в себя израсходованный капитал и вновь созданную прибавочную стоимость, зависит от множества обстоятельств, и прежде всего от наличия точно определенной пропорциональности между структурой производства и структурой потребления.

Теоретически произведенная продукция может быть полностью реализована только в том случае, если совокупный общественный продукт состоит из точно таких же товаров (по количеству и ассортименту), которые соответствуют неудовлетворенным общественным потребностям. Если совокупное предложение полностью удовлетворяет совокупный спрос, то, значит, существует необходимая пропорциональность и возможность полноценной реализации всех произведенных товаров. В том случае, если совокупное предложение отстает от совокупного общественного спроса, собственники товаров находятся в более выгодном положении: теоретически они могут продать свои дефицитные товары по более высоким ценам и получить дополнительную прибыль. И наоборот, если совокупное предложение превышает совокупный спрос, то налицо предпосылки для кризиса перепроизводства, падения цен и увеличения связанных с этим потерь.

Созданная таким образом модель является крайне упрощенной схемой общественного воспроизводства. В данном случае не учитываются специфические капиталистические условия производства и воспроизводства. А именно эти условия приносят все осложнения, которые приводят в конечном счете к острым диспропорциям, кризисам перепроизводства, безработице и массовым банкротствам.

Специфическая капиталистическая модель процесса воспроизводства должна включать следующие параметры:

а) обособленность фирм, каждая из которых стремится к достижению своих целей и сама принимает решения без учета общественных, национальных или народнохозяйственных интересов. Эта особенность капиталистического хозяйства, являющаяся продуктом и проявлением частной собственности на средства производства, порождает анархичность, асинхронность и диспропорциональность, справиться с которыми не в состоянии ни государственно-монополистическое регулирование, ни индикативное планирование, ни программирование;

б) связь между создателями общественного продукта и его потребителями в значительной степени опосредствована. Поэтому структура общественного продукта никогда не бывает адекватной структуре потребления.

Здесь необходимая пропорциональность достигается через рынок. Но в любом случае эта пропорциональность — *post factum*, т. е. пропорциональность, которая устанавливается после того, как отклонения в сторону от необходимого и разумного материализованы в относительное перепроизводство или недостаточное производство. В рамки такой стихийно устанавливаемой пропорциональности, вырастающей из диспропорциональности, вмещаются и продукты нового производства, что в свою очередь создает соответствующее потребление и вносит изменения в структуру потребительского спроса;

в) совокупный спрос при капитализме крайне неопределенная величина. Обычно он существенным образом отличается от абсолютной потребительной силы общества, т. е. совокупный потребительский спрос при капитализме зависит от платежеспособного спроса, а не от числа голодных или реальных потребностей самого общественного производства. В свою очередь платежеспособный спрос зависит от антагонистических распределительных отношений и состояния рынка капитала или, точнее, от готовности совокупного капиталиста производить инвестиции;

г) капиталистическое производство вынуждено иметь в виду, что относительная самостоятельность производительного потребления не отменяет решающую роль личного потребления в развитии обществен-

ного производства, сколько бы тщательно оно ни следовало формуле «производство ради самого производства», производство осуществляется во имя прибыли, а не для благоденствия индивида. Капитализм не делает исключений из закона. Ограничивая и искусственно удерживая потребление народных масс на низком уровне, капитал практически сам рубит сук, на котором сидит, сам воздвигает перед собой барьер, закрывая путь к полноценному использованию наличных производительных сил для такого развития общественного производства, критерием которого явилась бы абсолютная потребительная сила общества;

д) все эти особенности капиталистического процесса воспроизводства специфически преломляются в системе государственно-монополистического регулирования, не теряя при этом своей прежней силы и значения. Напротив, вследствие монополистического характера функционирующей капиталистической структуры отклонения от необходимого и разумного становятся еще сильнее, а последствия — еще опаснее.

Указанные особенности капиталистического воспроизводства вовсе не охватывают все его стороны. Но они достаточны для того, чтобы понять крайне противоречивую природу данного процесса и тех ограничений, которые вытекают из самой капиталистической формы. Ко всему сказанному нужно прибавить гениальное открытие К. Маркса: включение вещественной структуры в анализ общественного продукта как абсолютно необходимого требования для научного исследования условий, которые определяют нормальное протекание процесса воспроизводства. Совокупный общественный продукт будет реализован полностью только в том случае, если он отвечает действительным общественным потребностям.

К. Маркс решает эту колоссальную задачу изумительно просто. Он вводит два подразделения общественного производства: производство средств производства и производство предметов потребления. Действительные измерения дисфункциональности можно определить с математической точностью, для чего достаточно выстроить все указанные ограничения как параметры действующей модели по соответствующему алгоритму.

Генетически дисфункциональность содержится в антагонистической форме капиталистического способа производства. Чем активнее развивается ее носитель, тем в большей степени разрушительная сила капиталистической структуры становится фактором, без учета которого нельзя полностью понять сложные зигзаги самого капиталистического развития.

Исторически дисфункциональность присуща монополистическому капитализму. Она органически связана с появлением и господством монополистических форм — корпораций и государственно-монополистического капитализма. В сущности, это переходные формы от анархии, присущей домонополистическому капитализму, к плановости, ограниченной рамками корпорации или государственно-монополистического регулирования. Эти формы являются типичным продуктом отрицания капиталистической структуры в рамках самих капиталистических отношений. Переходные формы — детища высокообобществленного производства и труда — несут в себе элементы будущей некапиталистической структуры. Их развитие характеризуется прогрессирующим отрицанием традиционных капиталистических форм. Чем сильнее развиты переходные формы капитала, тем более расплывчатой является классическая капиталистическая структура и беспомощней — «невидимая рука» рыночного саморегулирования.

Практически дисфункциональность вытекает из государственно-монополистического регулирования. Она является продуктом процесса приспособления. В ней находят непосредственное выражение противоречия, порождающие ограниченную плановость, и ее несовместимость с типично капиталистическими рычагами, целями и функциями системы.

В макросоциологическом смысле плановость означает сознательный контроль над общественным производством со стороны непосредственных производителей. Но именно такую плановость капитализм не в состоянии обеспечить, поскольку она является его фактическим отрицанием.

Плановость в рамках корпорации в большинстве случаев — фактор, усиливающий диспропорциональность в народнохозяйственном масштабе. Государ-

ственно-монополистическое регулирование во всех его конкретных формах может ослабить, ограничить, но не элиминировать полностью диспропорциональность как постоянное состояние капитализма. В то же время развитие государственно-монополистической системы крайне противоречивый процесс. С одной стороны, оно обостряет противоречия между капиталистическими фирмами, организациями и группировками, противопоставляя интересы господствующей верхушки, захватившей в свои руки государственную власть, интересам «аутсайдеров». С другой стороны, вся система государственно-монополистического регулирования стимулирует процесс классовой дифференциации. Налоговая политика, регулирование заработной платы и цен, инфляционные процессы и программы борьбы с ними, социальная и культурная политика государства — все действия этих государственно-монополистических рычагов стимулируют политизацию народных масс. Вмешательство государства в экономические отношения само по себе раскрывает органическое единство политики и экономики. Любое государственное решение, направленное на регулирование экономических процессов, воспринимается как такое политическое действие, за которым ясно проступают экономические интересы. Природа политики как концентрированного выражения экономики становится понятной широким народным массам. Они начинают организованную борьбу за демократический контроль над государственно-монополистическим регулированием цен, уровнем заработной платы, инфляционными процессами и налоговым обложением.

Следовательно, дисфункциональность вытекает из коллизии между объективной потребностью в полной планомерности и ограниченными формами ее реализации через систему государственно-монополистического капитализма. Она отражает внутренне противоречивую природу государственно-монополистического регулирования. В сущности, дисфункциональность — продукт и проявление социального антагонизма, современная форма его движения. Дисфункциональность в капиталистической системе проявляется тем сильнее и разрушительнее, чем острее классовый конфликт, чем категоричнее поляризация классовых сил в данной стране.

И наоборот, умеренные формы дисфункциональности свидетельствуют о крепких позициях антикапиталистических сил, их способности ограничивать (демократическим путем) эгоистические интересы капитала и активнее участвовать в перераспределении прибавочной стоимости в своих интересах.

В первом случае дисфункциональность стимулирует революционные акции, поскольку углубляет пропасть между монополистической верхушкой и народными массами. Во втором — смягчает классовые конфликты и порождает сильные реформистские иллюзии, не исчезая ни на миг. Единственный способ преодоления дисфункциональности — это полная ликвидация ее основы, т. е. ликвидация современного капиталистического способа производства, построенного на безусловном признании частной собственности на средства производства и эксплуатации труда капиталом.

Дисфункциональность — характерная черта движения общественного капитала в эпоху революционного перехода от капитализма к социализму. Но она присуща и движению индивидуального капитала, особенно в таких его формах, как акционерное общество во всех его разновидностях: гигантская корпорация или многонациональная корпорация, опирающаяся на собственную «глобальную фабрику», «глобальный рынок капитала» и «глобальный торговый центр»... Внешне воспроизводство индивидуального капитала протекает нормально. Однако при сравнении современных форм его движения с классическими образцами можно заметить некоторые особенности. И это естественно, ибо воспроизводство индивидуального капитала, во-первых, зависит от воспроизводства общественного капитала, а во-вторых, активно вовлекает в свой кругооборот такие макроэкономические факторы, как государственно-монополистическая система, опирается на нее и сливается с ней. Индивидуальный капитал нуждается в активном содействии государственно-монополистического механизма, чтобы пройти путь от первоначально авансированной стоимости до ее увеличения на соответствующую прибыль.

Более того, его оборот ускоряет развитие государственно-монополистических форм, углубляет процесс монополизации хозяйства по двум направлениям —

образования корпораций и повышения роли государства. Таким образом, собственное движение капитала порождает дисфункциональность и углубляет ее.

Когда-то движение капитала являлось носителем прогрессивных исторических тенденций. В настоящее время оно объективно направлено против этих тенденций или допускает их в ограниченных рамках. Процесс приспособления означает отсрочку революционных изменений посредством ограниченных реформ. Он призван увековечить прогрессивное развитие производительных сил в пользу капитала.

Чем прочнее опирается капитал на заимствованные у будущего функциональные механизмы, тем труднее реализуются его собственные принципы. В свою очередь вызванное новыми обстоятельствами отклонение от принципов, присущих системе, будет деформировать обратную связь, расстраивать нормальный ход всего воспроизводственного процесса. Опасные последствия лягут тяжелым бременем на экономическую, политическую и духовную структуру капиталистического общества. Дисфункциональность будет набирать силу. Подобно злокачественной опухоли, она будет распространять свои метастазы на все элементы системы и в свою очередь усиливать потребность в еще более активном использовании государственно-монополистических рычагов. Таким образом, капитализм по законам собственного развития все более удаляется от классических образцов. Система становится все более неустойчивой и уязвимой.

Критические ситуации становятся хроническими, все более опасными и сложными, а поведение господствующего класса — все более реакционным. Он испытывает страх перед любыми возможными переменами, поскольку лишен прежней уверенности в себе. Потеряв историческую инициативу, буржуазия сегодня боится прогресса, боится будущего и поэтому щедро финансирует различные футурологические исследования, надеясь найти новую точку опоры для своего господства. Она ищет и всячески помогает такому техническому, научному и политическому прогрессу, который может вписаться в ограниченные рамки капиталистических принципов. Эти принципы объективно

направлены против прогрессивного движения общества к более совершенным формам, новому, более адекватному человеческой природе миру.

Закономерностью является столкновение между интересами и делами господствующей монополистической буржуазии и объективными требованиями общественного прогресса. Оно отражает исторически переходный характер самой капиталистической системы. Именно это неизбежное столкновение сегодня превращается в личную драму капиталиста, вынужденного благодаря железной логике исторического процесса понять неприятную для себя истину: если даже ты и обладаешь богатством семейства Рокфеллеров, то уже не можешь неограниченно властвовать в этом мире, ускользающем из-под власти капитала. Необходимы новые общественные позиции, новые измерения мышления, новые принципы и направления человеческих действий.

Господствующий класс живет под знаком указанной коллизии. Но он, как класс, ни в коем случае не может подняться до научного понимания ее сущности. То, что доступно и возможно для отдельного представителя данного класса, недоступно для класса в целом. Именно поэтому в обстановке обостряющихся классовых конфликтов между трудом и капиталом фронт буржуазии будет слабеть.

Все чаще ее оружием становится социальная демагогия, ограниченные уступки, реформы и затушевывание противоречий в собственных рядах; ее «верую» — это поиски несуществующей алхимической формулы, способной остановить или даже повернуть вспять стрелки часов истории. Такое поведение господствующей монополистической верхушки все отчетливее будет оставлять отпечаток на всем воспроизводственном процессе капитала, способствуя усилению дисфункциональности.

На природу, внутреннюю динамику и конкретные проявления дисфункциональности одновременно оказывают влияние два решающих фактора: а) усилия господствующей монополистической верхушки сохранить свое привилегированное положение с помощью государственно-монополистического регулирования; б) борьба народных масс за демократические преоб-

разования, права и свободы, демократическую альтернативу капиталистическим программам решения социальных проблем. В обоих случаях дисфункциональность вырастает из противоречия между капиталистическими отношениями и реальными потребностями человека второй половины XX в.

Это противоречие имеет специфические измерения для собственника капитала и для наемного рабочего. Но оно существует реально, развивается и в возрастающей степени определяет поведение, социальную активность и позицию антагонистических классовых сил. Буржуазия и особенно монополистическая верхушка связывает все свои надежды по оживлению системы с государственно-монополистическим регулированием, программированием и индикативным планированием. Но всеми своими действиями в этом направлении она объективно способствует усилению дисфункциональности системы.

В свою очередь антимонополистическая и общедемократическая борьба народных масс углубляет разрыв между функциональными рычагами и капиталистическими принципами.

С этим связаны новые проявления дисфункциональности и новые императивные требования ликвидации системы, ее порождающей.

2. Воспроизводство дисфункциональности

Общественный производственный процесс представляет собой сложную систему с устойчивой обратной связью. Воспроизводство общественного капитала — сердцевина этой системы, или, точнее, ведущая система, к которой приспосабливаются и из которой черпают силы все остальные подсистемы общественной структуры при капитализме.

Воспроизводство общественного капитала — это капиталистическое производство, взятое в его непрерывности, как постоянное движение в рамках формулы $D - T - D'$. Непрерывность процесса объективно обусловлена, она отражает непрерывность потребления. В свою очередь непрерывность потребления является основным условием поддержания жизни,

Итак, жизненный цикл капитала в конечном счете связан с жизненным циклом человека, с материальными условиями его существования.

Повторение и обновление капиталистического производственного процесса означает: а) сохранение и воспроизводство, обеспечение и обновление материальных условий производственного процесса; б) восстановление авансированной стоимости капитала и увеличение ее на объем ожидаемой прибыли; в) воспроизводство капиталистических общественных отношений — капиталистической собственности на средства производства, капиталистических привилегий, рынка капитала и рынка труда, всей системы капиталистических институтов, призванных реализовать и увековечить капиталистические отношения.

Дисфункциональность вытекает из воспроизводства капиталистических отношений. Она не отменяет капиталистические принципы, но серьезно затрудняет их реализацию, не ведет к автоматическому краху системы, но порождает такие «узкие места» и диспропорции, которые практически ее расстраивают, усиливают действие дезинтегрирующих факторов и затрудняют ее равновесие. Дисфункциональность, подобно диспропорциональности, становится постоянным состоянием капиталистической экономики. Она накладывает свой отпечаток на систему в целом. К тому же дисфункциональность, раз возникнув, существует постоянно. И каждый новый кризис лишь углубляет этот процесс.

Связь между дисфункциональностью и действием закона кризисов бесспорна, несмотря на то, что генетически, как мы уже видели, дисфункциональность непосредственно не связана с циклическими кризисами перепроизводства и прямо не вытекает из них. Однако сильное воздействие на нее оказывают закон кризисов, все объективные антициклические факторы и активная государственно-монополистическая политика по регулированию, программированию и планированию экономического роста. Вследствие этого и наш анализ современного капиталистического производственного процесса опирается на эти решающие факторы, во-первых, потому, что именно они определяют динамику, особенности воспроизводства и границы дисфункционально-

сти, а во-вторых, потому, что с этими факторами связаны все главные особенности современного капиталистического производственного процесса в целом.

а) *Закон кризисов*

Капиталистическое общество не имеет автоматического механизма обратной связи, который самостоятельно обеспечивал бы устойчивое соответствие между отраслями производства и рынком, между спросом и предложением. Обычно необходимое и разумное здесь вырастает из стихийной игры случая. При этом уровень общественных производительных сил и собственный движущий мотив капиталистического производства обуславливают постоянное стремление к выводу системы за пределы рынка.

С другой стороны, отсутствие эффективного механизма обратной связи, адекватной такому стремлению, придает устойчивый, неэластичный характер диспропорциональности. Дело осложняется особенностями оборота производительного капитала. Он продолжительное время застаивается в сфере производства и действует в направлении устойчивой диспропорциональности до полной амортизации. В период своего существования производительный капитал вынуждает собственника поддерживать его, использовать и при определенных благоприятных обстоятельствах даже увеличивать. Структурная диспропорциональность, таким образом, углубляется. Перенасыщение рынка определенными товарами зависит от длительного несоответствия между платежеспособным спросом и производственными мощностями.

Диспропорции подобного рода имманентны капиталистической системе. Однако сами по себе они не вызывают всеобщего перепроизводства, наличие их не объясняет причин возникновения и периодичности кризисов.

Корни закона кризисов — в самой капиталистической системе. Они не являются производственно-техническими, их нельзя считать продуктом технического прогресса. Известно, что в общественном производстве при капитализме и социализме используются в целом сходные, даже адекватные технические средства технология и энергонисточники. Результаты же корей

ным образом отличаются: планомерное, бескризисное развитие при социализме и неизбежность циклических кризисов при капитализме. Существенно то, что динамика капиталистического производства регулируется не реальными потребностями общества, а стремлением к получению максимальной прибыли. Но в конечном счете она зависит от общественного потребления.

Для каждого общественного производства основной устойчивой связью является связь производства с потреблением. Капитализм отличается динамичным развитием производства, он стимулирует абсолютную потребительную силу общества. Но в то же время экономический рост зависит от платежеспособного спроса, т. е. от доходов, которые определяют фактическую потребительную силу общества. Именно эта потребительная сила является действенным побудительным мотивом капиталистического производства.

В этих условиях производство непосредственно не подчиняется потреблению. При капитализме действительные человеческие потребности становятся побудительным мотивом для производства лишь тогда, когда они преломляются через эгоистические интересы капиталиста. Так, противоречие между трудом и капиталом принимает форму противоречия между производством и потреблением. Потребление (движущая сила производства) реализуется как действительная граница капиталистического производства лишь в конечном счете. В каждом конкретном случае производство развивается как производство прибавочной стоимости, потребление же для капиталиста — это второстепенный момент. Но именно этот «второстепенный момент» лежит в основе любого циклического кризиса.

В законе кризисов отражается присущее капитализму противоречие между безграничным стремлением к расширению производства и стихийно устанавливаемыми узкими рамками личного потребления. В данном случае потребление не является непосредственной целью и движущим мотивом производства. Оно действует не как прямая, ориентирующая детерминанта производственной экспансии, а как ее результативная критическая граница, проявляющаяся не прямо и непосредственно, а косвенными путями спонтанных задержек при реализации уже готового продукта. Вы-

ражаясь языком буржуазной политической экономии, эти задержки — *ex post*. Они не могут быть определены как — *ex ante* (т. е. они представляют собой диспропорции, уже существующие в данный момент), а не нечто ожидаемое, что может быть предотвращено.

Когда К. Маркс подчеркивал, что «*настоящий предел капиталистического производства — это сам капитал*»¹, он имел в виду именно эту сторону процесса. По К. Марксу, присущая капиталу тенденция к безграничному развитию общественных производительных сил находится в постоянном конфликте с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала. Разумеется, этот предел не следует считать какой-то перманентной сдерживающей силой. Но это и не предварительно фиксированная критическая точка. Кризис — продукт продолжительного процесса, насильственный взрыв, восстанавливающий временно нарушенное равновесие. С него начинается новый экономический цикл.

Потенциально кризисы заложены в самой капиталистической форме производства. Господствующая товарно-денежная форма является для них формальной возможностью. Оторванность купли от продажи во времени и пространстве теоретически создает условия для накопления непроданных товаров, с одной стороны, и денег у собственников, воздерживающихся от покупок, — с другой. Однако эта теоретическая возможность становится действительностью только при определенной степени зрелости системы. Кризисы становятся неизбежным спутником капитализма только тогда, когда становится возможно внезапное и конвульсивное расширение масштаба производства. Возможность подобного конвульсивного движения заложена в революционной по своей природе материально-технической базе индустриального производства.

Конкуренция превращает практически безграничную способность капиталистической промышленности к расширению (возможность, по сравнению с которой расширяемость газов, по образному выражению Ф. Энгельса, оказывается настоящей детской забавой!)

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 274.

в принудительный закон. Но именно действие этого принудительного закона сталкивается с ограничениями рынка. «Способность же рынков как к экстенсивному, так и к интенсивному расширению определяется совсем иными законами, действующими с гораздо меньшей энергией»¹.

Кризис — это не продукт недостаточного потребления, а коллизия между законами, между тенденцией к безграничному расширению производства и тенденцией к отставанию и сокращению рынка. Речь идет о рынке, на котором реализуются предметы личного потребления, так как в конечном счете все производительное потребление реализуется как конечный продукт именно здесь. Исключение составляет только военное производство, но и это также не объясняет появление, существование и периодическое повторение экономических кризисов.

Объяснять перепроизводство недостаточным потреблением — тавтология. Рынок забит товарами не потому, что нет потребителей, не потому, что нет голодных желудков, а потому, что мало платежеспособных кошельков. Очевидно, что причина не в недостаточном потреблении, а в тех капиталистических условиях, которые порождают изобилие наряду с бедностью. Теоретики недостаточного потребления не понимают специфики капиталистической природы связи между производством и потреблением. Именно поэтому они принимают видимое за действительное. Ошибка такого рода особенно характерна для Сисмонди, Крихмана, Родбертуса, Дюринга и русских народников.

Подобную методологическую ошибку допускают и такие критики кризисов, как Туган-Барановский и (с известными оговорками) Гильфердинг, рассматривающие диспропорциональность в качестве причины кризисов, не анализируя и не учитывая при этом природу диспропорции между производством и потреблением как интегральной части существующей при капитализме диспропорциональности в целом. Ошибкой было бы считать данную диспропорцию причиной экономических кризисов. Это означало бы, что мы движемся в ложном направлении — в сторону от сферы

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 287.

производства и основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

Экономический кризис — это продукт и проявление именно основного противоречия, он — центральный момент, исходный и заключительный пункт каждого воспроизводственного цикла. Однако часто внешний драматизм кризисных проявлений затуманивает их действительную роль. Обычно кризис наступает после лавинообразной производственной экспансии, когда производство продолжительное время оторвано от рынка. Его начало является не причиной, а следствием длительного времени нарушаемого равновесия. Каждый циклический кризис перепроизводства — своеобразный клапан системы, предохраняющий ее от взрыва. С его помощью капиталистическая экономика достигает нового подвижного равновесия. Разрушительные же и насильственные формы, с помощью которых достигается это равновесие, являются продуктами стихийного механизма, присущего самой системе.

Следовательно, кризис временно ликвидирует диспропорциональность. Он временно, на новой основе стабилизирует воспроизводственный поток, придает ему новые силы, дает новый толчок совершенствованию материально-технической базы, раскрывает новые возможности для активного инвестиционного цикла и ликвидирует нарушение в равновесии, создавая в то же время предпосылки для очередного, следующего кризиса. Таков закон самого капиталистического воспроизводственного процесса, и здесь, как можно видеть, нет ничего мистического, случайного или привнесенного извне.

б) *Механизм возникновения экономического кризиса*

Закон кризисов раскрывает причины возникновения кризисов, но он не может ответить на вопрос, с какой периодичностью это происходит. Легче всего объяснить причины периодичности кризисов влиянием внешних факторов: пятнами на солнце, каким-то природным циклическим механизмом и т. д. Ничего удивительного также нет в том, что во второй половине XIX в. такие попытки были сделаны Муром, Джевон-

сом и др. То обстоятельство, что и до сих пор отголоски этих теорий можно встретить у исследователей, связывающих причины кризисов с чисто эндогенными факторами, свидетельствует о необходимости при анализе экономических кризисов учитывать и такие экзогенные факторы, как колебания в урожайности сельскохозяйственных культур и состояние окружающей среды в целом. Но это ни в коем случае не является доказательством обоснованности самих экзогенных теорий.

Анализ истории кризисов указывает на их разнообразие и неповторимость, а также на наличие в них многих общих черт. Данный анализ наглядно показывает наличие устойчивого механизма возникновения кризисов, который действует на всех фазах цикла. Естественно, что особенное напряжение наблюдается в фазе кризиса, поскольку именно здесь фактически закладываются предпосылки для нового, будущего кризиса.

Кризис не означает полного застоя, его не следует рассматривать как прекращение общественного производства. Общество поггло бы, если бы производство прекратилось, и не на несколько месяцев или лет, а всего лишь на несколько дней или недель. Производство продолжается, но его темпы и объем значительно сокращены. Жизнь не прекращается, она лишь временно замирает. Несмотря на кризис, функционируют такие звенья капиталистического хозяйства, которые имеют наиболее совершенную материально-техническую базу и наиболее высокую производительность труда. Именно они легче всего приспособляются к изменениям во время кризиса.

Кризис вынуждает общество осознать тот неприятный факт, что существуют огромные производственные мощности (не отвечающие уже современным требованиям), которые с трудом могут быть включены в новый оборот капитала. Обновление и модернизация оборудования — вот проблема, которую кризис ставит перед каждым капиталистом. А это есть массовое обесценение капитала, но такое обесценение, которое порождено развитием общественных производительных сил. Это обесценение повысит уровень производства и откроет новые возможности для получения прибыли.

Первая ласточка, сигнал намечающегося выхода из кризиса — строительный бум. С него начинается новый кумулятивный процесс. Усиливается процесс обновления и модернизации производственных мощностей. Этот бум порождает цепную реакцию. Наряду с обновлением и модернизацией, в активный оборот включаются все новые и новые производственные мощности, усиливается инвесторская деятельность, возрастает спрос на основной капитал. Производственная машина, парализованная кризисом, постепенно начинает действовать (естественно, обновленная и приспособленная к новым условиям). Растет занятость; медленно, но верно поднимается и уровень платежеспособного спроса.

Постепенно приближается живительная волна подъема. И это естественно, поскольку технические средства, необходимые для модернизации и обновления функционирующего основного капитала, в готовом виде не существуют. Перепроизводство — это обеспечение устаревшего капитала, оно распространяется на продукцию, морально устаревшую и практически уже ненужную для оборота капитала.

Чем выше волна подъема, тем благоприятней становится конъюнктура включения в активный оборот производственных мощностей, нуждающихся в частичной модернизации или имеющих средний уровень, так как цены медленно, но верно стабилизируются и даже отмечается их повышение... Спрос все решительнее опережает предложение. Депрессия постепенно перерастает в устойчивый подъем; всеобщим становится «голод» на товары; к предпринимателю возвращается уверенность; нехватка денежного капитала уже не является препятствием для экспансии; торговый кредит снова достигает своей вершины.

Чем выше поднимается хозяйственная активность, тем ближе будущий критический максимум, будущий поворотный момент. Но кто может подозревать его приближение, когда со всех сторон слышатся одобряющие голоса, а виды на получение громадных прибылей блестящие? Система вовлечена в волну экспансии, и ничто не может остановить ее стремительного движения к новому кризису. Напряжение возрастает. Противоречие между тенденцией к неограниченному расширению производства и отстающим потребительским

спросом подавлено инерцией экспансии. «Полная занятость» является бесспорным фактом. Состояние рынка для личного потребления также обнадеживает. Но в пределах этого поступательного движения зреют и постепенно набирают силы противоположные тенденции.

Материальная основа экспансии — обновленный основной капитал. Сама экспансия — это такой обновительный процесс, который поднимает производительные силы на более высокий уровень и в то же время стимулирует могучие перераспределительные процессы. Благоприятная рыночная конъюнктура стимулирует вовлечение в активный оборот и технически отсталых предприятий, т. е. одним из отрицательных последствий экспансии является раскрытие возможностей для перехода к технически менее благоприятным производственным условиям. Этот неизбежный отрицательный эффект поднимающейся волны усиливает и без того большое напряжение между производством средств производства и производством предметов потребления. Рыночное выражение такого напряжения — углубляющаяся неравномерность спроса в структурном разрезе.

Спрос на средства производства неравномерно развивается в двух направлениях: спрос на машины для производства машин и спрос на обычные средства производства (сырье, энергетические ресурсы и вообще предметы труда). В первом случае спрос значительно опережает общую динамику спроса на средства производства. Со своей стороны, производительное потребление (производство ради самого производства) временно обеспечивает экспансию без учета фактического состояния личного потребления. Новые силы процессу придает относительная продолжительность рабочего периода, необходимого для создания новых производственных мощностей, оборудования, зданий и т. п. На этой основе возникает иллюзия мнимой независимости капиталистической экспансии от состояния личного потребления. Могучие силы инерции выталкивают производственную экспансию далеко за линию равновесия данной системы. Поворотный момент приближается с угрожающей скоростью.

Различия в условиях формирования спроса и условиях обеспечения его товарного покрытия обусловли-

вают неравномерное изменение цен различных элементов совокупного общественного продукта. Митчелл, Бернс, Кассель, Афталион и большинство представителей «статистической экономии» оставили нам подробные исследования динамики цен в рамках экономического цикла. Наблюдается сильная дифференциация цен — особенно непосредственно перед началом кризиса.

В данном случае рынок *временно* не ограничивает, а даже вызывает лихорадочную экспансию при производстве средств производства. Таким образом, иллюзия мнимой независимости экспансии капитала от личного потребления становится еще более полной, а «здравый смысл» поверхностного наблюдателя, естественно, направляется в сторону рынка капитала. Не случайно до сих пор государственно-монополистическое регулирование в конечном счете сводится к регулированию рынка капитала. Очевидно, оно не может воспринимать капитал как предел экспансии в качественном аспекте, для него экспансия имеет только количественное выражение. Но именно анализ качественных показателей свидетельствует о том, что когда мы говорим: «Капитал есть предел собственной экспансии», — то практически имеем в виду следующее: истинный предел капитализма — человек, пренебрегаемый и нещадно эксплуатируемый капиталом.

В сущности, экспансия не прекращается вследствие прекращения притока капиталов. Напротив, производственная экспансия продолжается и за линией равновесия именно из-за наличия больших источников капиталов. Кредит приносит ей облегчение и создает видимое благополучие даже в том случае, когда налицо перенасыщение рынка.

Как только возникнет первое естественное замедление обмена между двумя подразделениями общественного производства, цепная реакция обратного кумулятивного процесса мгновенно ликвидирует экспансию. Всеобщим осознанным фактом становится перенакопление в огромных размерах; начинается очередное обесценение капитала, наступает кризис.

Подъем и кризис — моменты движения промышленного капитала, и банковский кредит лишь обслуживает это движение. Но именно обновление основного капитала определяет размеры накопления и по-

требности в дополнительном денежном капитале, а не наоборот. Подъем и кризис являются продуктами тех сил, которые заложены в самой капиталистической системе. Кредитные факторы усиливают неустойчивость системы, передавая в руки функционирующего капиталиста не только наличный, но и потенциальный, не функционировавший еще капитал. Но движение денежного капитала не диктует, а только отражает потребности, внутреннюю логику и движение промышленного капитала. Уровень процента во время кризиса является наиболее высоким не только вследствие абсолютной нехватки капиталов, но также из-за так называемого «кризиса доверия», сопровождающего этот процесс. Лихорадочный спрос на «единственный необходимый товар» порождает спекулятивные тенденции. В этих условиях платежи внезапно прекращаются, кредит приостановлен, а сам процесс воспроизводства фактически парализован.

И в этом случае кривая кредита лишь обратная сторона кривой производства, она — его отражение, а не причина. Кредитная экспансия сама по себе не создает ни кризиса, ни подъема, она лишь усиливает неустойчивость системы.

Материальная основа капиталистического цикла, строгая периодичность его фаз заложены в воспроизводстве основного капитала. Практика показывает, что средняя продолжительность экономического цикла отражает продолжительность производственного цикла, в рамках которого основной капитал функционирует в условиях относительно устойчивого уровня технического прогресса. Переход на более высокий уровень сопровождается таким массовым обновлением основного капитала, которое становится исходным пунктом нового экономического цикла. В этом случае обновление функционирующего капитала одновременно создает условия для преодоления развившегося кризиса, а также предпосылки для будущего кризиса.

Можно возразить, что основной капитал имеет различную степень изношенности, морального старения и т. п., вследствие чего массовая волна обновления является лишь гипотезой. В сущности, кризисная волна независимо от указанных различий приводит к удивительной синхронности в процессе обновле-

ния (в соответствии с отмеченным выше способом). Таким образом, капиталистическое общество в ходе развития производительных сил неизменно проходит все стадии цикла в поисках выгоды. «Иначе оно и быть не может при таком способе производства, где рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей, вместо того чтобы, наоборот, материальное богатство существовало для потребностей развития рабочего. Как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук»¹.

в) *Уроки кризиса 1974—1976 гг.*

Описанная выше модель присуща классической капиталистической экономике XIX в. Она предполагает свободную конкуренцию и безусловную власть «невидимой руки». В настоящее время при современном капитализме положение существенным образом изменилось. Однако основные движущие силы циклического развития, как показывает кризис 1974—1976 гг., еще далеко не исчерпаны. По всем основным показателям этот циклический кризис напоминает классические времена, естественно, с множеством модификаций, являющихся результатом изменившихся условий.

Главный урок данного кризиса, не без оснований сравниваемого с «великой депрессией» 1929—1933 гг., направлен против тех критиков, «антидогматиков», «творческих марксистов» и модернизаторов марксистско-ленинского учения о воспроизводстве и экономических кризисах, которые поспешили объявить закон кризисов устаревшим и потерявшим всякое практическое, методологическое и познавательное значение. Стало ясно, что циклическое развитие капиталистической экономики не потеряло своего значения, что теории об «асинхронных волнах» являются попыткой абсолютизировать модификации капиталистического цикла, вызванные специфическими условиями послевоенного периода. Более того, глубина, широта охвата и продолжительность данного кризиса наглядно показывают иллюзорный характер кейнсианских рецептов «бескризисного» развития в условиях «полной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 635.

занятости». Критическое отношение к кейнсианству все в большей степени перерастает в новую «переоценку ценностей». Некейнсианцы, неоклассики и неолибералы оказались одинаково озадачены, одинаково беспомощны и необычайно единодушны в своей оценке неэффективности существовавших до сих пор государственно-монополистических механизмов.

Буржуазные экономисты никогда не принимали всерьез идею о бескризисном развитии капиталистической экономики. Они всегда рассматривали экономические циклы как «императив индустриальной системы» или как «цену, которую общество платит за свободу...». Несмотря на это, после экономического кризиса 1929—1933 гг. антикризисная политика заняла центральное место в государственно-монополистическом регулировании. Историческими вехами в формировании и развитии этой политики являются доклад комиссии Гувера, «новый курс» президента Рузвельта и, наконец, «общая теория» регулятивизма, разработанная Д. Кейнсом.

Триумф антикризисной политики, подготовленной развитием системы и теоретически обоснованной в 30-е годы, приходится на послевоенный период. Широкое использование кейнсианских рецептов и относительная слабость пяти послевоенных кризисов (1948—1949 гг., 1952—1954 гг., 1957—1958 гг., 1960—1961 гг. и 1969—1970 гг.) утвердили миф о возможности бескризисного развития капитализма. Более того, можно привести десятки высказываний видных буржуазных экономистов послевоенного периода о том, что Кейнс открыл тайну преодоления кризисов. Этот миф распространялся так настойчиво и серьезно, что, как уже отмечалось, подтолкнул некоторых марксистов к «переоценке» марксистско-ленинского учения об экономических циклах и о действии закона кризисов в новых условиях. Все увлеченные этим модным поветрием ученые, идеологи и политики пренебрегали предупреждением К. Маркса, говорившего о том, что своей частотой кризисы частично компенсируют то, чего им не хватает с точки зрения интенсивности. Закон кризисов неотделим от капиталистической экономики, и эту истину сегодня вынуждены признать все те, кто поверил в мифы. Кризис, созревший еще в

1973 г., опровергает миф о бескризисном развитии капитализма. Вновь стало ясно, что частичная компенсация, которую приносят частые и недостаточно интенсивные циклические кризисы, не исключает, а предполагает созревание нового, глубокого кризиса с классическими чертами. Частые компенсирующие кризисы — особое проявление закона кризисов в условиях развитой системы государственно-монополистического капитализма.

Шестой послевоенный кризис подорвал веру в кейнсианство, а его старый противник — закоренелый неолиберал Ж. Рюеф — поспешно отслужил заупокойную литургию кейнсианскому регулятивизму. Оставляя в стороне «сведение личных счетов», заметное в обеих статьях Ж. Рюефа, многозначительно озаглавленных «Конец кейнсианской эры», согласимся с основным выводом автора о том, что «эффект кейнсианства стал обратным». Рюеф убедительно доказывает, что «стагфляция (или совместное существование стагнации и инфляции)» есть продукт кейнсианской политики. Ж. Рюеф прав, констатируя: «В настоящий момент... инфляция больше не приводит к сверхзанятости, а стагнация — к безработице»¹.

Разочарование в кейнсианстве — закономерный итог, опровержения мифа практикой. Оно отражает постепенное осознание того факта, что кейнсианский рецепт поддержания «эффективного спроса» с помощью активной инфляционной политики, замораживания заработной платы, бюджетного кредитования роста и «регулируемой» милитаризации является иллюзией. Практически все рычаги этой политики порождают напряжение в финансово-кредитной системе и активизируют противоречия, присущие системе. Невозможно возрастает напряжение, оно набирает силу и получает ускорение лавины, угрожающей системе. Дисфункциональность системы становится явной.

Особый научный интерес представляет сравнительный анализ кризиса 1973—1976 гг. с «великой депрессией» 1929—1933 гг. Следует отметить, что

¹ *Le Monde*. 20—21 Février 1976, p. 29. Обратный эффект кейнсианства, однако, не означает, что оно мертво. Его обновление и модернизация идут полным ходом. Но об этом Рюеф сознательно умалчивает.

современный самый глубокий послевоенный кризис, во-первых, отличается присущей прошлому синхронностью — он почти одновременно захватил экономику всех развитых капиталистических стран; во-вторых, этот кризис разразился в обстановке сильной взаимозависимости национальных хозяйств капиталистических стран; в-третьих, продолжительный мир и бурный научно-технический прогресс привели к чувствительному нивелированию экономического уровня отдельных стран — фактор, который усиливает позиции многонациональных корпораций, повышает роль и значение надгосударственных институций и вместе с тем обостряет противоречия между тремя центрами империализма — США, ЕЭС и Японией. Бесспорно, научно-техническая революция расширяет возможности для маневрирования капитала. Но приступы кризиса усиливают националистические тенденции и центробежные силы. Примеров тому множество. Достаточно отметить разногласия в отношениях между Францией и Италией, вызванные «винной войной», а также крах согласованной валютной политики в рамках ЕЭС, известной под названием «змея» или «коллективные плавающие курсы». Смысл этой политики состоял в противодействии спекулятивным акциям. Отклонения от существующих курсов должны были сохраняться с помощью средств национальных банков. Практически это означало искусственное поддержание курса национальных валют в пределах коллективно согласованной змеевидной линии (разумеется, насколько позволяли резервы банков). Однако оказалось, что резервы Франции, Италии, Бельгии и других стран не могли устоять перед спекулятивными акциями.

Рассматриваемый кризис имеет много общего с «великой депрессией», но в то же время и существенно отличается от нее. В годы «великой депрессии», например, спад от предкризисного максимума до кризисного минимума равнялся 50,1%, тогда как при данном кризисе он составил 13,9%, т. е. примерно в четыре раза меньше.

То же самое происходило и с безработицей. В годы «великой депрессии» максимальный уровень безработицы составлял 23,6%, в 1974—1976 гг. — лишь 9,2%.

Наиболее существенным отличием данного кризиса от «великой депрессии» является и прямо противоположное движение кривой цен. В годы «великой депрессии» оптовые цены упали на 30,8%, а розничные — на 24,4%. В период же кризиса 1974—1976 гг. цены продолжали расти: оптовые — на 24,8%, а розничные — на 15,8%¹.

Анализ показывает, что последний кризис имеет много общего с «великой депрессией», но он все-таки с трудом укладывается в классические рамки. В нем находят свое отражение качественно новые явления и процессы, характерные для современной капиталистической экономики.

Прежде всего, этот кризис несет на себе черты государственно-монополистического капитализма. Он не является продуктом действия «невидимой руки». Возникший в условиях развитого государственно-монополистического капитализма, он собирает в один узел множество противоречий: циклические факторы, глубокие структурные изменения в экономике капитализма, связанные с перерастанием монополистического капитализма в государственно-монополистический, влияние научно-технической революции на функционирование капитала, углубление общего кризиса капитализма и сложное переплетение внутренних и международных противоречий. Все эти факторы характеризуют последний кризис, определяя его остроту и все «странности».

Одной из важнейших особенностей этого кризиса является сочетание циклического кризисного спада с хроническим валютным кризисом. «Стагфляция» впервые проявилась в США во время циклического кризиса 1957—1958 гг. Не случайно американские экономисты имеют неоспоримый приоритет в разработке проблем «стагфляции» и «слампфляции»².

¹ Все данные взяты из международных статистических ежегодников.

² В обоих случаях речь идет о явлениях, присущих кризису 1974—1976 гг. Говоря о Stagflation, буржуазные авторы имеют в виду сочетание экономического застоя с инфляцией; слово Slumpflation означает сочетание кризисного спада с инфляцией. Эти американские неологизмы стали весьма популярными терминами, с помощью которых определялись особенности данного кризиса.

В основе сочетания промышленного кризиса с инфляцией в период кризиса 1974—1976 гг. лежит постоянное инфляционное давление, оказываемое государственно-монополистическим регулированием на капиталистическое хозяйство. Это сложное и не поддающееся регулированию явление можно правильно понять лишь с помощью глубокого анализа природы и механизма самого государственно-монополистического регулирования. В свою очередь государственно-монополистическое регулирование опирается на ряд объективных антициклических факторов, связанных с особенностями современного капиталистического хозяйства. Эти факторы противодействуют закону кризисов и приводят к ряду модификаций в циклическом развитии. А в сочетании с активной антициклической и антикризисной политикой государственного монополизма они являются исходным пунктом исследования особенностей последнего кризиса.

Постоянное инфляционное давление отражает действие указанных антикризисных факторов и в свою очередь оказывает катализирующее воздействие на кризис. С помощью инфляционной спирали — «цены — заработная плата» — происходит невиданное прежде перераспределение национального дохода в интересах монополистической верхушки. Это — попытка перенесения всех тяжелых последствий кризиса на плечи salariata (от французского слова *salaire* — заработная плата). Салариат, т. е. все, получающие доходы в виде заработной платы, — это огромное большинство народа. Его удельный вес в развитых капиталистических странах составляет 87—90% активного населения. Объективным результатом инфляционного давления для него является быстрый рост стоимости жизни и невиданное за последние 30 лет снижение реальных доходов. Естественно, что при таких условиях экономический кризис усиливает напряжение во всех звеньях капиталистического общества и приводит к обострению классовых конфликтов. Массовое вовлечение новых общественных групп в политическую жизнь, активизация стачечной борьбы, подчеркнуто антиимпериалистическая направленность народных требований — все это наглядно свидетельствует о необходимости широ-

кого политико-экономического и социологического подхода к последнему циклическому кризису, который является не обыкновенным кризисом перепроизводства, а кризисом всей экономической системы капитализма, усиливающим дисфункциональность всей социальной структуры. Эта растущая дисфункциональность диалектически отрицает саму эксплуататорскую систему, поскольку она исторически обусловлена неспособностью современного капиталистического общества решить проблемы человека.

Именно человек с его современными потребностями, его чисто человеческими интересами, любовью к свободе, труду и нравственной чистоте является решающим пределом, рубежом в развитии капиталистических отношений. Капитал не может преодолеть этого исторически детерминированного предела и вследствие этого вращается в заколдованном круге неразрешимых противоречий. Капитал, располагающий огромными производственными мощностями, предпочитает для увеличения богатства спекулятивные пути вместо полного использования этих мощностей для повышения народного благосостояния. Поставленный перед фактом огромного перепроизводства товарных фондов, значительно превышающих покупательную способность населения, капитал вместо повышения роста жизненного уровня населения предпочитает ограничение деловой активности. Он использует научно-технический прогресс против человека и тем самым противопоставляет себя прогрессивному историческому развитию.

3. Человек и границы антициклической политики

Как уже отмечалось выше, объективные условия для воспроизводства капитала в конечном счете определяются жизненным циклом человека, реальными условиями его существования. Воспроизводство капитала предполагает воспроизводство человека и зависит от состояния, динамики и особенностей человеческого жизненного процесса, состояния, динамики и характерных черт образа жизни.

Образ жизни в широком смысле слова — это способ производства, взятый в его непрерывности и в богат-

стве форм, вытекающих из него. Человек в потоке общественного производства обеспечивает не только свое физическое существование. Материальные и духовные условия жизни, производство и воспроизводство человеческого рода, характерные черты и особенности человеческих взаимоотношений, нравственность и дерзновение, критерии добра и зла — весь комплекс условий, определяющих само понятие «жизнь», зависит от определяющего воздействия способа производства, его внутренней динамики, присущих ему черт и особенностей.

Реальный жизненный процесс — это прежде всего процесс производства и воспроизводства материальных благ. И наоборот, производство и воспроизводство материальных благ — это исторически определенная форма реального жизненного процесса. Образ жизни дает нам несравнимо более богатое представление о конкретных условиях существования, производства и воспроизводства индивида. Но он является лишь другой формой, другим аспектом анализа исторически определенного способа производства. Более того, образ жизни в широком смысле — это продукт и проявление способа производства.

Все же эти категории не тождественны и имеют свое место в общественном знании. С известной точки зрения, они могут рассматриваться как диалектически взаимосвязанные между собой причина и следствие. В образе жизни находят свое наиболее полное выражение все исторические особенности общественного производства. Однако в данном случае причинно-следственная взаимозависимость имеет сложный опосредованный характер. Способ производства не только порождает точно определенный образ жизни, но и сам ощущает его активное воздействие. Образ жизни в своем многообразии, в рамках этой динамичной системы с устойчивой обратной связью порождает силы, которые оказывают возрастающее воздействие на структуру, динамику и развитие всего общественного производства.

Капиталистический способ производства заставил человека участвовать в бешеной гонке за накоплением и присвоением богатства. Он обесценил освященные традициями человеческие ценности, все подчинив

эгоистическим интересам. На своем знамени капитал начертал: «Индивидуализм, частная собственность, частная инициатива!» Таким образом, освобождение человека от крепостной зависимости оказалось лишь сменой ярма, поскольку капиталистическая частная собственность предполагает насильственное отделение непосредственного производителя от средств производства. Пролетарий, лишенный средств производства, — это формально свободный наемный раб. Его цепи — частнособственнические отношения.

Капиталистический образ жизни материализует и активизирует социальный антагонизм, заложенный в капиталистическом способе производства. Он поляризует противоречия, классовые отношения становятся яснее и проще. Именно в этом неустранимом социальном антагонизме, в его закономерном развитии, в сложных классовых битвах заложены корни капиталистического способа производства. Именно отсюда необходимо выявлять характерные черты, природу и особенности капиталистического образа жизни. Здесь нужно искать действительные причины неизбежного исторического краха капиталистических принципов, историческую границу, которую капитализм не в состоянии переступить.

Этот антагонизм существует реально. Он чувствуется везде и во всем: на капиталистическом предприятии, в семье, в привычках и нравах людей; в литературе и искусстве, даже в играх детей, с раннего детства познавших горечь нужды, бич безработицы. Наивно искать объяснение вне данного антагонизма, присущего капиталу, за пределами таких явлений капиталистического образа жизни, как растущая дифференциация в доходах, бедность народных масс и в то же время фантастическое богатство финансовых магнатов, хроническая безработица, инфляция, организованная преступность и банкротство государственно-монополистических программ бескризисного развития. Все предшествующее развитие капитализма углубляет и развивает этот антагонизм. Замена семейных фирм корпорациями, перерастание свободной конкуренции в монополию, широкое развитие государственно-монополистических форм и гигантская власть многонациональных корпораций — вот вехи этого развития. Из

него не вытекают качественно новые общественные отношения, новый способ производства, но в капиталистической структуре наступают такие изменения, которые существенно затрагивают способ производства, его внутреннюю динамику, функциональный механизм. В свою очередь эти изменения обуславливают существенные перемены во всем воспроизводственном процессе, в капиталистическом образе жизни. И если сегодня общественное сознание обеспокоено проблемами экологического кризиса, если специалисты Массачусетского технологического института с помощью компьютера воскрешают Мальтуса и вместе с ним ищут «границы роста», то во всем этом нет вины научно-технической революции. Сама по себе она является грандиознейшим завоеванием человеческого гения. Это глубокий переворот во взаимоотношениях человека с природой, переворот, ставящий человека на величественный пьедестал, помогающий ему достичь новых высот, осуществить дерзновенные космические полеты, расширить свою власть над природой. Это начало нового, небывалого по широте и глубине процесса «очеловечивания природы».

Объективное развитие капиталистического общества порождает ряд антициклических факторов, противодействующих закону кризисов, и неизбежные модификации механизма циклического развития. Противодействие этих антициклических факторов, однако, нейтрализуется за счет противоречий, присущих системе. Образуется порочный круг: капиталистическое развитие порождает предпосылки для планомерного развития общественного производства и в то же время — силы, которые сводят на нет практическое использование этих предпосылок. Объективная тенденция к планомерности вытекает из высокой степени обобществления производства. Масштабы и формы обобществления весьма различны. Как на американских гигантах типа «Дженерал моторс», так и в европейских корпорациях имеет место существенное обобществление производства и труда, определяющее объективную потребность в планировании. Эта потребность, осуществленная в рамках корпорации, не порождает планомерности в масштабах общества. Фактически внутрифирменное программирование усиливает сти-

хийность и анархию в рамках общественного хозяйства. Государственно-монополистическое регулирование и индикативное планирование бессильны перед этой анархией. Высокая степень обобществления производства и ускоренная модернизация функционирующего производительного капитала под воздействием научно-технической революции порождает особый антициклический фактор — асинхронность потоков капитала. Причин этой асинхронности много, но практически они сводятся к двум: а) частые и недостаточно интенсивные циклические кризисы; б) почти непрерывный процесс обновления, связанный со стремлением капитала использовать достижения научно-технической революции. Действие этого фактора было элиминировано последним кризисом. Его продолжительность, глубина и интенсивность привели к восстановлению синхронности инвестиционных потоков и, следовательно, к появлению предпосылок циклического спада производства.

Бесспорным антициклическим фактором (хотя и с ограниченными временными возможностями) является милитаризация капиталистической экономики. Объем военного производства, число занятых в военно-промышленном комплексе — факторы, оказывающие существенное влияние на современную капиталистическую экономику. С одной стороны, военные заказы создают «эффективный спрос» независимо от состояния платежеспособного спроса народных масс, с другой — военно-промышленный комплекс обеспечивает устойчивый платежеспособный спрос, поддерживая огромный персонал (только в США, например, около 8 млн. высокооплачиваемых лиц). При этом на такой спрос не влияют колебания конъюнктуры, и он постоянно растет в течение всего послевоенного периода.

Научно-техническая революция обусловила переход к интенсивному типу воспроизводственного процесса. Бурный научно-технический прогресс находит выражение в решительном повышении общественной производительности труда и достаточно устойчивом росте реальной заработной платы. В этих условиях появились такие положительные изменения в структуре личного потребления, которые оказывают существенное влияние на динамику инвестиционного потока и

состояние рынка капитала. Отсюда проистекает временный антициклический эффект, действие которого без особых усилий можно проследить в 50-х и 60-х годах. Однако к концу 60-х годов вместе с возникновением валютного кризиса и инфляционных процессов, данный антициклический эффект постепенно исчез. Последний кризис свидетельствует о новом снижении реальной заработной платы.

Инвестиционные потоки в сфере услуг обладают специфическим антициклическим эффектом. Расширение производства и потребления товаров длительного пользования породило возможность инвестирования капитала в сферу услуг. Такое развитие связано с изменениями в условиях быта и жизни трудящихся. Оно формирует особый рынок, отличающийся относительной стабильностью и слабой восприимчивостью к циклическим колебаниям.

Антициклический эффект, являющийся результатом действия этого фактора, органически переплетается с новыми условиями, при которых формируется реальная заработная плата в развитых капиталистических странах. В данной области (наряду с традиционными факторами) возрастает роль интернациональных факторов. Сегодня противоречия капитализма переплетаются с основным противоречием современной эпохи. Платежеспособный спрос возрастает параллельно с нормой и массой прибыли. Но на всю социальную политику монополистической буржуазии сильное влияние оказывает социализм. Достижения и пример реального социализма, планомерное развитие социалистической экономики, социалистический образ жизни, отсутствие кризисов и безработицы, уверенность в настоящем и будущем, народовластие и равноправие всех членов социалистического общества — все эти факторы оказывают серьезное воздействие на ускоренное формирование антиимпериалистического, антимонополистического и антикапиталистического сознания широких народных масс. Одним словом, соревнование двух систем — это сложный процесс взаимодействия. Объективным результатом такого взаимодействия является расширяющееся присутствие социализма на капиталистической территории. Оно всегда учитывается при принятии руководящих решений и является могучим фактором

в экономике, политике и идеологии современного капиталистического общества; вызывает страх в рядах буржуазии, заставляя ее маневрировать и проявлять определенную уступчивость; усиливает позиции рабочего класса, всех трудящихся. С этим связан и специфичный антициклический эффект.

Наиболее существенным антициклическим фактором в современном капиталистическом хозяйстве является государственно-монополистическое регулирование. Это организованное воздействие на весь воспроизводственный процесс капитала (а отсюда — и на условия жизни) активизирует могучие приспособительные силы. Но оно не решает (как наглядно показал шестой послевоенный антициклический кризис), да и не может решить проблемы устойчивого, бескризисного развития экономики, проблемы занятости, бедности и неуверенности в завтрашнем дне.

Ограниченный антициклический эффект государственно-монополистического регулирования отражает его внутренне противоречивую природу. Оно является орудием капиталистического господства, в нем переплетены элементы приспособления и элементы отрицания капитализма. Именно поэтому его эффект в одно и то же время является и укрепляющим и разрушающим. Укрепляющим — поскольку он в известной степени отвечает объективной потребности народнохозяйственного планирования и централизованного контроля над общественным производством. Разрушающим — ибо планирование, даже в рамках капиталистических интересов, отрицает классические капиталистические формы и активизирует антимонополистические, антиимпериалистические и антикапиталистические силы.

Провал государственно-монополистических стабилизирующих программ — неизбежное следствие их капиталистической природы. Цель этих программ — получение высокой прибыли; они не предназначены для решения человеческих проблем, они не в силах ликвидировать бедность и отсталость. Напротив, эти программы являются частичной уступкой, так как они предназначены для усыпления бдительности народных масс, задержки процесса политизации трудящихся и подчинены единственной цели — сохранению и увековечиванию господства капитала.

Все развитие капитализма подтверждает правильность марксистско-ленинских оценок его места в истории. Сегодня большинство буржуазных идеологов согласны с оценкой исторически преходящего характера этой последней эксплуататорской общественно-экономической формации. «Критический дух», которым отличаются современные буржуазные теории, является специфическим признанием преходящего характера капитализма. Этот критический дух, апологетический и реакционный по своей сути, сочетает в себе элементы «контрреволюционной самокритики» господствующей финансовой олигархии с красноречивыми признаниями, свидетельствующими о неспособности капитализма решить коренные человеческие проблемы. Буржуазное сознание не может отрицать такие присущие капиталистическому обществу факты, как бедность и всеобщая неудовлетворенность капитализмом. Существование массовой бедности (наряду с богатством финансовых королей) делает особенно угрожающим и нетерпимым это общественное явление, присущее капитализму.

Капитализм вступил в последнюю четверть XX в., обремененный множеством старых и новых неразрешимых проблем. Текущий экономический кризис все определеннее сливается с кризисом системы и поднимает на борьбу новые антикапиталистические силы. Человек все определеннее выступает против эгоистичного движения капитала и ставит перед ним свои законные исторические требования, суть которых в освобождении труда от эксплуатации капиталом и обеспечении необходимых материальных и духовных предпосылок для всестороннего развития и полноценного проявления человеческих сил и способностей во имя мира, демократии и социализма.

Итак, дисфункциональность растет в результате неразрешимости капиталистических противоречий. Она является функцией приспособления системы и проявлением углубляющегося ее отрицания в рамках господствующих капиталистических отношений. В свою очередь такое диалектическое отрицание классических капиталистических рычагов и механизмов усиливает напряжение, придавая самой дисфункциональности особо драматические формы. Таким образом, в послед-

нюю четверть XX в. капитализм переживает разрушительное воздействие времени. В противовес прошлому и позапрошлому веку, когда все исторические силы практически работали на утверждение и расширение капиталистического господства, сегодня время работает на социализм. Все дороги ведут к единому будущему, в котором центральное место займет его величество Человек, освобожденный от ига капитала, — полновластный господин своего общественного бытия, личного счастья, сознательный и активный труженик бесклассового общества, в котором все привилегии, в прошлом разделявшие людей, сольются в одну-единственную привилегию — быть свободной, равноправной, полновластной и благоденствующей личностью...

Трудности реализации этих вековых чаяний человека — предмет анализа следующей главы.

ПРОШЛОЕ КАК БУДУЩЕЕ, ИЛИ КАПИТАЛ И ЧЕЛОВЕК В БИТВЕ ЗА БУДУЩЕЕ

---

1. Будущее в настоящем

Человека всегда волновали мысли о будущем. Но традиции прошлого в течение многих веков накладывали свой отпечаток на настоящее. И чем более отсталым было общество, чем медленнее шло его движение вперед и вверх, тем более неприкосновенной и вечной представлялась власть традиции, власть институций и структур, освященных практикой.

Первый серьезный удар этой власти традиции был нанесен капитализмом. Его революционная материально-техническая база не просто продукт, но и активный фактор развития человека. Освоив мощные машины, технологические линии и сложные приборы, человек постепенно свыкся с бешеным ритмом новой жизни, он приобрел ясное ощущение переходности организационных форм, институций и структур. Он уже не верил религиозным проповедям о том, что «так было и так будет во веки веков...».

Научно-техническая революция, практическое овладение ее достижениями усиливали это ощущение, превращая мысли о будущем в настоятельную необходимость, в исходный пункт при оценке всего существующего, в единое колоссальное усилие человека ответить

на вопросы, касающиеся всего, что окружает его в жизни. И чем серьезнее он думал об истинных измерениях будущего, тем активнее происходил процесс его созревания как личности.

Сама мысль о будущем преображает нас — ужасает или возвышает, окрыляет или угнетает, но всегда порождает неодолимую человеческую энергию, которой ничто не может противостоять в этом динамичном мире.

Полные загадочности мысли о будущем пронизаны сокровенными человеческими порывами. В них, как в фокусе, концентрируется все возвышенное и благородное в человеке (если, конечно, это нормальный, истинный человек).

Красивая мечта, дерзновенный порыв — привилегия людей с чистой совестью, атрибут всего самого человеческого в человеке, сознание которого породило легенду о всевластном Зевсе, противопоставив ему человеколюбца Прометея, — т. е. даже на ранних этапах развития человечества, когда одна за другой рождались религии, человеческое сознание сумело разграничить всевластие темных сил и покоряющую власть знания.

Легенда о Зевсе давно позабылась, а Прометей по-прежнему остался в памяти человечества как символ устремленности в будущее, знамя научно-технического, социального и общечеловеческого прогресса. Эта истина представляется нам особенно наглядной на фоне процессов и явлений, под знаком которых развивается современное капиталистическое общество.

Во второй половине прошлого века капитализм все еще был творческой силой — именно тогда он создал адекватную себе материально-техническую базу. В последней четверти нашего столетия капитализм — это общество без будущего. Перед ним уже не простираются новые горизонты, он не стимулирует переход к более совершенным капиталистическим формам. Поэтому ему приходится приспособливаться, лишая при этом людей мечты о более совершенной организации общества, более человеческих, более приемлемых условиях и формах жизни.

Подобно древним жрецам, капитализм уже боится дерзновенной, чистой, научно обоснованной мечты

о будущем. Будущее пугает его, и он старается не думать о нем. И все же человек стремится проникнуть в будущее. Полная тревожного чувства неопределенности, мысль о будущем всегда эмоционально окрашена, неизбежно опoэтизирована, как и сама мечта.

Но заложенная в помыслах о будущем поэтика строго конкретна, исторически детерминирована и несет на себе приметы данной человеческой судьбы, данной общественно-экономической действительности, данной социальной психики, традиции, заблуждений и иллюзий. В ней неизменно ощущается стремление смертного человека заглянуть в неизвестность, за пределы собственного индивидуального бытия, в царство невозможного.

В вечном стремлении человека подчинить своей власти невозможное, победить непобедимое, придумать красивую утопию, оформить будущее, найти законы жизни и придать своим помыслам о будущем достоверный характер заложена его творческая сила, его способность противостоять самым невероятным испытаниям, которым подвергают его природа и общество.

Фантастическая, утопичная мечта всегда была путеводной звездой человека. Утопичная идея, раз возникнув, постепенно завладевает человеческим существом, трансформируя его творческую энергию в сильнейший фактор преобразования мира. Сегодня уже трудно спорить с тем, что идеи (верные или неверные), как правило, имеют над людьми гораздо большую власть, чем мы склонны им приписывать.

Идеи нужны человеку не меньше, чем хлеб. И чем надежнее он обеспечен материально, тем острее ощущает потребность в новых, крылатых, возвышенных и научно обоснованных идеях. В свою очередь идеи не являются лишь пассивным объяснением настоящего. Рожденные им, они весьма своеобразно обеспечивают связь прошлого с настоящим и будущим. Ведь любая идея одновременно — и объяснение прошлого, и защита или отрицание настоящего, и мост в будущее. В этом смысле идеи представляют собой человеческие проекции в будущее, корни которого лежат в прошлом и настоящем.

И чем более обоснована сама идея о будущем, тем надежнее ее успех, тем значительнее ожидаемая победа. Большая идея порождает дерзость, неудовлетворенность уже достигнутым.

Человек не стоит на месте. И напрасно буржуазные идеологи стараются закрыть его в тесной капиталистической клетке. Конформизм и примирение присущи людям лишь на определенный отрезок времени — с наступлением переломной эпохи конформизм мышления и примирения становится анахронизмом, против которого восстают все новые общественные силы. Именно тогда вновь рождается в человеке прометеевское начало — стремление сорвать оковы настоящего и заглянуть в будущее. И этим закономерным стремлением можно объяснить не только огромную притягательную силу марксизма-ленинизма, но и рождение буржуазной футурологии как его реакционной альтернативы.

Настоящее и прошлое — своеобразный ориентир в будущем. Оpoznанное, выстраданное, пережитое прошлое совершенно определенным образом окрашивает настоящее, стимулируя размышления о будущем и навязывая нам определенные представления о нем. Настоящее и будущее первобытнообщинной организации человеческого бытия породили религиозно-фантастические представления о будущем человека, измученного своей ролью игрушки природных стихий.

Чем сильнее власть прошлого (традиций) и настоящего (конформистского мышления), тем слабее и беспомощнее человек. Спартак был достаточно храбр, чтобы выиграть не одну битву с озлобленными и надменными патрициями, но он был лишен ясного представления о будущем. Емельян Пугачев не мог представить себе общество более совершенное, чем то, которым правит добрый царь-батюшка. Болгарский крестьянский воевода Ивайло ясно видел недостатки развращенного властью боярства, он ненавидел царский дворец, но сам стал царем, вскоре был сброшен с престола и остался один, без поддержки, так как не знал, да и не мог знать, где кроется корень зла...

Утопический социализм появился еще на заре капитализма как его отрицание и альтернатива. Прозрение

и научная интуиция фантастическим образом уживаются в нем с мечтами об абстрактном, изначальном, сказочно справедливом обществе, в котором человек человеку друг, товарищ и брат. Сам по себе утопический социализм был продолжением и конкретизацией духа Ренессанса, восставшего против мракобесия, инквизиции и схоластической догматики.

Дух Ренессанса возродил веру человека в силу Разума, пошатнувшуюся было с появлением религии.

Джордано Бруно, Галилео Галилей, Николай Коперник, Микеланджело и Леонардо да Винчи, эти titаны мысли и дела стали символом особой переходной эпохи, которую Ф. Энгельс охарактеризовал как первую научную революцию. Все они отлично понимали сущность органической связи, диалектического единства между конечным и бесконечным, между человеком, обществом и природой, их не пугали недостатки конечного человеческого интеллекта, стоящего лицом к лицу с бесконечным и вечным миром.

Противоречие между ограниченностью индивидуального человеческого бытия и загадочной величественностью Вселенной породило трагедию классического рационализма; оно же, в сущности, лежит в основе всех религий.

Любая религия по-своему осмысливает существование человека. За мистической религиозной формой скрывается тот или иной ответ на важные для человека вопросы. И таким образом религия обеспечивает необходимую связь между прошлым, настоящим и будущим и освобождает смертного человека от ужасающего ощущения собственной ничтожности. Сама по себе эта связь приносит успокоение и примирение, не просто отдающее церковными благоговениями, но всем своим содержанием органически враждебное научному мышлению.

Религия боится науки. Она умерщвляет живую мысль, усыпляюще действует на сознание человека и с варварской жестокостью клеймит любое сомнение в непогрешимости и святости религиозных догм. Сомнение губительно для религии. Наука же немыслима без сомнения. На вратах науки золотыми буквами начертано: «Сомневайся во всем!» Сомнение было девизом гениального К. Маркса. Оно лежит в основе любо-

го дерзновенного начинания. С него начинается движение вперед и вверх.

История общества представляет собой летопись превосходства сомнения над религиозной самоуспокоенностью. Благодаря сомнению и через него человек постепенно преодолевает сковывающее воздействие религиозного смирения, освобождается от «страшного неведения обо всем» (Паскаль) и находит путь к подлинно человеческому будущему. Более того, чем увереннее человек превращается в хозяина своего настоящего, тем решительнее и активнее будущее вторгается в его помыслы, планы и программы действия. И тем категоричнее научно обоснованное будущее превращается в критерий, ориентир и движущую силу в настоящем.

Прогресс в обществоведении — прежде всего прогресс в преодолении познавательного пессимизма. Ведь человек, выходящий за ограниченные рамки познавательного пессимизма, преодолевает агностицизм, познает бесконечный мир, свое собственное бытие, подчиняя своей власти все новые и новые природные и общественные силы. Именно здесь — корни оптимизма XVII—XVIII вв.

Социальный оптимизм красной нитью проходит через все научное обществоведение. Он возвращает человеку дерзость Прометея и его способность противостоять стихийным силам: сначала в узких рамках неограниченной свободы частной инициативы, а позже — в качестве существенного элемента марксистской диалектики — науки, которая не только определенным образом объясняет мир, но и становится непреодолимой материальной силой, способствующей его изменению.

Марксизм-ленинизм как метод революционного действия соединяет воедино ответы на следующие вопросы: *что* нужно сделать для того, чтобы изменить существующее положение; *почему* нужно действовать именно так; *как* можно добиться желанных перемен и во имя *какого* идеального образа будущего. Именно этими особенностями марксизма объясняется усиленный интерес к нему как со стороны угнетаемых и эксплуатируемых классов и групп, так и со стороны буржуазии.

Сегодня идея необходимости перемен сложным образом переплетается с конкретным решением вопроса о направлении и характере самих этих перемен, необходимость которых уже никто не осмеливается отрицать.

Даже столь закореневшие институты, как Ватикан, обсуждают на вселенских соборах природу желательных перемен. О переменах говорят махровые консерваторы, либералы и радикалы, левые и правые экстремисты. И чем настойчивее идет обсуждение неизбежных социальных изменений, их природы, направления и параметров реализации, тем активнее в эти дискуссии вторгаются проблемы человека. О нем снова вспомнили. В верности его коренным интересам клянутся все, превращая его в критерий, исходный пункт рассуждений, в своеобразный идол.

В силу исторически сложившихся обстоятельств наконец-то действительно стало возможным сделать акцент на истинно человеческих измерениях социальных структур, институций и решений. Однако стихийно утвердившееся мнение о том, что мир, в котором мы живем, должен быть подлинно человеческим, последовательно человеческим и до конца организованным и осмысленным по-человечески, еще не значит, что достигнуто согласие в вопросе о *способе* решения этой проблемы.

Единое мнение о том, что мир следует изменить, лежит в основе проблемы, волнующей современное капиталистическое общество. Эта проблема связана с вопросом «как». Пока что человечество не располагает большим выбором вариантов ее решения. Существует лишь одно-единственное решение — реальный социализм.

Буржуазное сознание восстает против этой истины. Но оно не в силах предложить что-либо более совершенное, новое, приемлемое, а потому, громко критикуя реальный социализм, молча приспособливается к нему, пользуясь его опытом. Оно ищет пути и способы омоложения своей устаревшей общественной системы, вводя в нее механизмы, решения и методы действия, рожденные, проверенные социализмом и органически ему присущие. Отсюда множество парадоксов, острых противоречий и осложнений, характеризующих рассмотренный нами процесс приспособления.

Приспособление — это отрицание. Но такое отрицание, которое идет как бы стороной, по периферии, не затрагивая сущности. По своей природе процесс приспособления извращает связи между прошлым, настоящим и будущим. Он порождает иллюзии и деформации, способные затормозить поступательное развитие общества.

Самой опасной иллюзией, порождаемой процессом приспособления, является мнение о том, что неокapи- тализм (т. е. хорошо реформированный капитализм) в состоянии решить проблемы человека. В основе этой иллюзии лежат противоречия современности, наиболее существенные из которых связаны с относительно высокой степенью развития производительных сил в главных капиталистических странах и особыми условиями, при которых решаются проблемы социалистического строительства в рамках мировой социалистической системы. Все парадоксы и иллюзии, созданные таким образом, могут рухнуть лишь после содержательного конкретно-исторического анализа с позиций реальности (непременно с учетом места, времени и условий). Естественно в этом случае начать с сердцевины любой иллюзорной теории о настоящем и будущем — с проблем человека и возможностей обеих систем предложить то или иное решение этих сложных проблем.

2. Человеческие измерения будущего, или почему капитализм обречен

Буржуазия захватила политическую власть и стала господствующей общественной силой потому, что ей удалось объединить общество, формально признав решающую роль в нем человека.

Она высоко подняла знамя буржуазно-демократических прав и свобод, раскрепостила дух человека, активно содействовала развитию частного предпринимательства и инициативы. Но она не могла обеспечить одновременно бурное развитие материальных производительных сил и человека — этой важнейшей производительной силы.

Более того, гигантские производительные силы, вызвавшие приход к жизни господствующей буржуазии,

практически были направлены против человека. Чем больше росло богатство господствующего класса капиталистов, тем отчетливее становились язвы и пороки общества, которое признает равноправие всех человеческих существ, говорит о свободе, равенстве и братстве, на каждом шагу попирая их.

История международного рабочего движения — самое красноречивое доказательство неизбежности разрастания непримиримого классового конфликта между буржуа, обладающими властью, и тружениками, подвергаемыми жестокой эксплуатации и вынужденными бороться за элементарные условия жизни. Вся жизнедеятельность человека, связанная с капиталистическим способом производства, условия его участия в материально-производственном процессе, как и само производство и воспроизводство его собственной рабочей силы, несут на себе печать глубокого социального антагонизма.

Капиталистический способ производства невыносим без эксплуатации пролетариата. Объективные условия, при которых осуществляется соединение рабочей силы человека с гигантскими, революционными по своей природе средствами производства, требуют и соответствующего (пусть и строго лимитированного капиталистическими интересами) развития человека. В свою очередь процесс массовой грамотности рабочего класса, его активное включение в индустриальные формы производства, широкая кооперация труда и скапливание огромных масс трудящихся в одном месте стали факторами, благоприятствующими формированию и распространению в среде рабочего класса нового, подчеркнуто классового общественно-политического сознания. По своей природе это сознание является антикапиталистическим. Его естественная историческая направленность неизменна и постоянна, она связана с признанием социализма в качестве единственно возможного решения проблем, с которыми сталкивается человек труда в эксплуататорском капиталистическом обществе.

Рост и бурное развитие классового сознания у рабочих облегчаются деятельностью коммунистической партии, но усложняются противоречиями в рабочем движении, подвергающемся массированным атакам

опытной, богатой и заинтересованной в расколе рабочего класса буржуазии. Оппортунизм, ревизионизм, реформистская социал-демократия и тред-юнионизм в рабочем движении — вот видимые бреши, которые буржуазия сумела пробить в рядах пролетариата. За этими явлениями скрываются такие факты, как создание, финансирование и использование рабочей аристократии в борьбе против коренных интересов рабочего класса. Именно из этой «пятой колонны» капитала выходят профсоюзные лидеры и теоретики типа антикоммуниста Джорджа Мини. Именно здесь — корни социал-реформизма, социал-шовинизма и эволюционизма.

Все указанные факторы действуют на исторической сцене, начиная с зарождения рабочего движения. Однако в наши дни они приобретают новые измерения, новую силу, новое место и значение в числе условий, формирующих поведение нашего современника.

Научно-техническая революция органически связана с динамикой производительных сил и победоносным развитием социалистической революции, породившей реальный социализм. Под знаком этих доминирующих сейчас процессов формируются представления о будущем обществе и его действительные параметры. Вольно или невольно наиболее известные представители буржуазного обществоведения сегодня сильно преувеличивают место, роль и значение научно-технической революции, преднамеренно умаляя при этом (или просто отрицая) практическое значение реального социализма как исторического факта, с которым, однако, вынуждены считаться, у которого учатся и под решающим воздействием которого формируется в наши дни человеческое будущее (в самом широком смысле слова), критерии добра и зла, конкретные механизмы и пути решения человеческих проблем.

Тем не менее это не значит, что налицо какой-то автоматизм. Ни научно-техническая революция, ни реальный социализм, взятые сами по себе, как факторы истории, не в состоянии определить непосредственно поведение каждого человека, его политическое сознание, его классовую или социальную активность. Мы имеем здесь дело со сложным взаимодействием, проходящим через множество деформирующих звеньев.

Однако сильно опосредствованное и неизбежно модифицированное воздействие двух указанных процессов закономерно растет и углубляется. И все труднее становится отделить научно-техническую революцию от социальной, а научно-технический прогресс — от социального.

Все это можно наглядно продемонстрировать на трудах буржуазных идеологов, создавших теорию единого индустриального общества, соответствующую якобы неизбежной конвергенции капитализма и социализма, теорию «постиндустриального» общества и такие ее варианты, как концепция Бжезинского о технотронной эре. Будучи продуктами буржуазного сознания, пораженного размахом, глубиной и силой научно-технической революции, эти теории являются в одно и то же время грубой технизацией общественно-исторического процесса и фактическим признанием кризиса и обреченности капитализма как общественной системы.

Когда в конце 50-х годов Р. Арон и У. Ростоу выпустили свои на шумевшие книги об индустриальном обществе¹, то наряду с кардинальной проблемой — отрицанием закономерного характера и неизбежности социалистической революции — авторы вынуждены были заняться поисками очертаний будущего, которое бы наиболее полно соответствовало интересам человека второй половины XX в. Эта сторона вопроса очень отчетливо просматривается в теории Ростоу о стадиях роста, автор которой эклектически соединяет технологический детерминизм с субъективно волюнтаристским пониманием исторического процесса как арены, на которой сталкиваются человеческие склонности, предпочтения, способности к принятию решений. Из всего этого Ростоу, в сущности, выводил причины и последствия второй мировой войны.

Когда Джон Гэлбрейт подготовил и опубликовал свою трилогию — «Общество изобилия», «Новое индустриальное общество», «Экономические теории и цели общества», — он не просто обосновал свою идею о том, что «все факторы, от которых, как казалось раньше,

---

¹ См.: R. Aron. Le développement de la société industrielle et la stratification sociale, v. I. Paris, 1958; W. Rostow. The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1971.

зависит революция (да и сама революция), уже утратили свое значение»¹. Его настоящей целью (как сам он признается в последней своей книге, многозначительно озаглавленной «В век неуверенности»²), было заложить основы «новой экономики», в которой понимание экономики как интегральной части сверхсложного единства общества в целом прочно сочетается с прагматической философией решения человеческих проблем.

Даннэл Белл в опубликованном им фундаментальном труде о «постиндустриальном обществе»³ не только занимался поисками измерений нового, некапиталистического общества, но и обстоятельно рассматривал именно человеческие перспективы, решение человеческих проблем в этом будущем обществе. Особый интерес в этом смысле представляет пространный раздел его книги о «принципах по заслугам». То же мы встретим и в его последней книге, в которой он предпочитает говорить открыто о «культурных противоречиях капитализма», а не о неопределенном мифическом «постиндустриальном обществе»⁴ и в которой размышления об обществе превращаются в размышления о настоящем и будущем человека.

Те же цели преследует З. Бжезинский в своей книге «Между двумя эпохами» (т. е. эпохой капитализма и эпохой социализма). Человеческие проблемы наступающего будущего пронизывают все доклады «Римского клуба». «Человеческие перспективы» волнуют многих авторов, пишущих об экологическом кризисе в духе евангелического апокалипсиса.

Нет нужды обстоятельно рассматривать эту огромную по своему объему литературу, чтобы извлечь из нее крупицы истин, к которым разными путями приходят и которыми спекулируют буржуазные авторы. Эти истины уже получили научное, точное, полное

¹ Дж. К. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. М., 1969.

² См.: J. Galbraith. The Age of Uncertainty. A History of Economic Ideas and their. Consequence. Boston, 1976.

³ См.: D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society, N. Y., 1973.

⁴ См.: D. Bell. The Cultural Contradiction of Capitalism. N. Y., 1976.

заботы о человеке освещение в трудах исследователей-марксистов, занимающихся проблемами современного капитализма и научно-технической революции. При известном упрощении и стремлении к наиболее синтетическому образу мышления все человеческие измерения будущего можно свести к следующему:

1. В условиях научно-технической революции и кризиса капитализма человек все более и более властно требует уничтожения ограниченных горизонтов буржуазного права, отмены формального равноправия и утверждения действительного, реального равноправия в соответствии с принципом, выдвинутым еще К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии»: «Свободное развитие каждого — есть условие свободного развития всех».

Эта истина, ставшая фундаментальным принципом новой Конституции СССР, всеми признается, комментируется и пропагандируется как неизбежная особенность будущего. Но если марксисты-ленинцы связывают ее реализацию с неизбежным разрушением капиталистических отношений и ликвидацией имманентного капитализму неравенства через социальную революцию, то буржуазные авторы, реформисты и антикоммунисты всех мастей ищут пути ее решения в рамках процесса приспособления.

2. Неразрывно связано с признанием равенства всех членов общества и равным правом всех на свободное развитие и следующее измерение будущего: признание обязанности общества взять на себя все трудности, с которыми сталкивается человек в связи с отрицательными последствиями научно-технического прогресса, ухудшением жизненной среды, хищническим расходом невоспроизводимых ресурсов, и создать нормальную обстановку для действительно свободного, человеческого развития каждого члена общества. Тот факт, что правительство во Франции было вынуждено взять на себя часть расходов крестьян в связи с опустошительной засухой или расходы на социально-культурные мероприятия, здравоохранение, социальное обеспечение и пр., отнюдь не свидетельствует о коренных переменах в капиталистической структуре или о какой-то эволюции неокapитализма. Просто здесь речь идет об особых обстоятельствах.

Монополистическая буржуазия все более определенно понимает, что она может удержать власть, лишь пойдя на уступки и приспособляясь к духу времени, к новым критериям, вырастающим из новых условий, нового соотношения классовых сил, усиливающейся политизации в мышлении «среднего класса» и антикапиталистической направленности этого мышления. За всеми этими процессами, бесспорно, стоит огромное воздействие реального социализма, его все расширяющееся присутствие.

3. Человек, осуществляющий научно-техническую революцию, отрицает ограниченный горизонт частной инициативы и индивидуализма.

4. Одним из наиболее характерных человеческих измерений будущего является осуществление фактического, непрерывного и эффективного участия всех активных членов общества, и прежде всего трудящихся народных масс, в формировании управленческих решений и осуществлении самого процесса управления. Речь идет о демократизации власти, вовлечении народных масс в решение коренных общественных и личных проблем с позиций новых критериев социальной справедливости, равенства и равноправия. Как и все предшествующие, этот императив будущего органически связан с социализмом (теорией) и реальным социализмом (практикой). От фактического решения этой проблемы в наибольшей степени будет зависеть будущее общества и положение человека.

5. Из комплексного взаимодействия научно-технической революции и непреодолимого расширения предпосылок, практической реализации принципов и победы социалистической революции возникают, приобретая все более кардинальное значение, вопросы о дальнейшем развитии человека как широко образованной, обогащенной достижениями современной культуры личности, способной властвовать над гигантскими производительными силами, управлять природой и осуществлять свой контроль над собственным общественным бытием. Такая личность не может существовать там, где образование является привилегией меньшинства, ее порождает широкая демократизация образования, наделяющая эту личность общественной активностью,

Единственным примером решения этой кардинальной проблемы настоящего и будущего служит реальный социализм. Не идеализируя этот опыт и не стремясь к недооценке трудностей, возникающих в процессе его практического осуществления, мы несколько не сомневаемся в том, что иного пути нет. Что же касается критических выступлений справа и слева, они неизбежны не столько даже из-за несовершенства существующей системы образования реального социализма, сколько потому, что эта система — единственная действующая альтернатива привилегированному, узкоклассовому капиталистическому образованию.

6. Будущее предполагает не только наличие высокообразованной, активной и сознательной личности. Оно неизбежно окрашено и все более ускоряющейся динамизацией жизни во всех направлениях. Эта динамизация не так уж страшна, как представлял себе несколько лет назад американский футуролог А. Тоффлер в своей книге «Шок будущего». Но она создает свои проблемы. И если Тоффлер заблуждается, преувеличивая значение места и роли чувства переходности, близкой позициям опасного релятивизма, то он полностью прав, обращая наше внимание на исключительное значение проблемы адаптации человека к новым реальностям, к быстро изменяющейся общественно-исторической действительности.

7. Человек будущего не только высокообразован и активен. Он станет подчеркнуто творческой личностью, что будет связано как с меняющимися общественно-историческими условиями (движением к социализму и все более полноценной реализацией принципов зрелого социализма), так и с неизбежной революцией в системе образования, на пороге которой стоит современное общество. Эта революция требует прежде всего коренной реорганизации школы.

Главным в школе станет подготовка человека к самостоятельному мышлению. Вооруженный необходимыми знаниями и методикой, он с ранних лет будет учиться мыслить аналитически. В его распоряжении будут мощные системы информации, анализаторы и устройства, с помощью которых он сможет найти научное решение интересующих его вопросов.

Именно эта объективная тенденция в развитии, производстве и воспроизводстве человека как производительной силы и как личности все решительнее будет влиять на развитие общества. И никакие полумеры, никакие распределительные и перераспределительные теории обеспечения соответствующего доступа человека к благам, плодам его собственного труда не принесут удовлетворения. И напрасно Д. Белл убеждает нас в том, что меритократия (т. е. общество, в котором каждый занимает место, соответствующее его заслугам) — нереальная, утопическая мечта, которая красиво звучит, но разбивается в пух и прах благодаря эгоистической природе человека, привыкшего к системе привилегий.

Действительно, система привилегий — одно из наиболее отвратительных порождений классового общества. Правда, в прошлом она сыграла известную прогрессивную роль. Но уже на заре капитализма люди начали борьбу с нею. Будущее категорически отвергает эту систему, при которой лишь меньшинство имеет привилегию жить по-человечески.

3. Парадоксы, иллюзии и истина о границах капиталистической эволюции

Если внимательно изучить человеческие измерения будущего, легко понять обреченность капитала, его неспособность решить все перечисленные выше проблемы, его несовместимость с их решением. Но то, что является сравнительно простым для марксиста, оказывается не только трудным, но и почти невозможным для типично буржуазного сознания.

Тем не менее парадоксален факт теоретической эволюции и научных исканий такого крупного буржуазного идеолога, как Даниэль Белл. Белл не принадлежит к группе вульгарных антикоммунистов. Его эрудиция, интуиция, знание и понимание крупных исторических фактов и важных жизненных тенденций сложным образом переплелись с приверженностью схемам, предрассудкам и предубеждениям, в результате чего появились не только утопические взгляды ученого, но и серия парадоксов.

В своей последней книге Белл приходит к следующему выводу, не являющемуся, разумеется, его оригинальным открытием: «Парадоксально, но сама идея экономического роста сейчас подвергается резким атакам — в том числе и со стороны либералов. Изобилие уже не рассматривается как ответ (на социальные вопросы.— *Т. Т.*)»¹. В разных вариантах Белл повторяет мысль о том, что растущее потребление и более высокая степень удовлетворения материальных запросов человека не приведут к появлению чувства удовлетворения, не успокоют, не притупят социальную активность, чувствительность и взыскательность человека, а наоборот — сделают его еще более критичным, недовольным, категоричным в своем осуждении капиталистической действительности. Поэтому Белл не без оснований считает, что американское общество «подшло к концу буржуазной идеи»².

В январе 1975 г. в своем кабинете Гарвардского университета Белл сообщил автору этих строк, что он пишет новую книгу о капитализме, которая будет гораздо более пессимистичной по сравнению с его книгой о «постиндустриальном» обществе. И не только потому, что в ней содержатся интересные признания, касающиеся духовного опустошения человека в условиях самой развитой капиталистической экономики, — просто автор не в состоянии предложить сколько-нибудь приемлемое, реальное, научно обоснованное решение проблем будущего. А ведь Белл признан одним из видных футурологов, а его предыдущая книга носит подзаголовок «Опыт социального прогнозирования»!

В самом деле, в трудах такого серьезного буржуазного ученого, как Белл, отлично знающего историю науки, техники и искусства, парадоксальным кажется его утверждение о том, что все основные противоречия современного капиталистического общества (точнее, американского общества) связаны с исчерпанностью возможностей протестанской этики (!). Все капиталистическое развитие в XX в., по мысли Белла, это «триумф М. Вебера над К. Марксом»³. И именно

¹ D. Bell. The Cultural Contradictions of Capitalism, p. 80.

² Ibid., p. 7.

³ D. Bell. Op. cit., p. 180.

этот «триумф», определяющий развитие буржуазного общества, буржуазной общественно-исторической мысли и культуры в эпоху монополистического капитализма, сейчас подошел к концу — буржуазная общественно-историческая мысль и культура не в состоянии справиться со своими обязанностями, без чего капиталистической структуре грозит распад.

Выход из создавшейся ситуации Белл видит в преодолении узких рамок протестантского идеала — индивидуалистического «накопительства ради самого накопительства». Он недоволен неэффективностью модернизма в буржуазной культуре. Даже под покровом красивых слов модернизм уже не в силах скрыть фактическую апологию самого иррационального индивидуализма — буржуазного самосознания. По его мнению, вся беда в том, что культура уже не справляется со своей основной обязанностью, она уже не формирует активно буржуазное самосознание общества и не обеспечивает необходимого равновесия системы путем убедительной моральной защиты существующей капиталистической действительности.

Наиболее парадоксальным из всех открытий Белла является его «открытие», согласно которому в основе кризиса буржуазной идеологии и культуры лежит не обреченность капиталистических отношений, не обреченность системы, а «разрыв между культурой и религией». Кризис буржуазного сознания для Белла не продукт и проявление кризиса системы, а следствие уже исчерпанных возможностей протестантской этики и серьезная угроза обществу, лишенному «сдерживающей силы религиозности». В этих условиях материально обеспеченный человек становится опасным. Нет такой идеологии, которая могла бы мотивировать ограничение заложенного в индивидууме «демонического» стихийно-импульсивного начала.

В итоге Белл призывает к созданию новой религии, в которой бы сочетались достижения «большой науки» и некой «новой протестантской этики». В этом отношении его научные поиски ничем существенным не отличаются от практики составления прогнозов для капитализма «на 200 лет», чем интенсивно занимается институт Гудзона и его директор Герман Кан. Эти

новые утопии звучат неплохо. Их смысл — внести бодрость в буржуазное сознание, основательно встревоженное отсутствием перспективы или, точнее, неспособностью наметить оригинальную антисоциалистическую перспективу развития, которая могла бы послужить надежной альтернативой в борьбе с «социалистическим проникновением». Речь идет о чувстве обреченности, питаемом все более углубляющимся процессом приспособления со всеми его особенностями, рассмотренными в предыдущих главах. Именно поэтому даже такие официальные издания, как, например, английский журнал «Экономист», позволяют себе делать замечания такого рода. «Главное возражение, которое возникает в связи с тем, что пишут о 2176 г. Герман Кан и его соавторы... сводится к вопросу о том, каким будет это будущее в технологическом и научном плане. Как нам кажется, оно вряд ли поможет политикам... сегодня, до 2000 г.»¹. Кроме того, безработица, инфляция, снижение уровня рождаемости, самоубийства, отсутствие выбора — ни один из этих серьезных фактов современности не рассмотрен Каном в необходимом аспекте. А разве перечисление этих «ужасных фактов» и признание капиталистического общества в своей беспомощности перед этими проблемами не являются новым доказательством его обреченности?

Капитализму суждено погибнуть. Эту истину все труднее оспаривать даже его самым яростным защитникам. Однако процесс приспособления капитала удлиняет и усложняет пути борьбы с ним, удлиняет и усложняет процесс перехода к социализму. Вместе с тем в ходе процесса приспособления усиливается эрозия капиталистической структуры и все труднее становится отрицать социалистическое будущее общества. Разумеется, движение к социализму никогда не было прямым и легким. В условиях, сложившихся в последней четверти XX в., неизбежно будут множиться переходные, промежуточные и предполагаемые формы, пути и методы, а вместе с ними закономерно будет расти число всевозможных реформистских ми-

---

¹ *The Economist*, 16—22 April 1977, p. 123.

стификаций и заблуждений. В конечном итоге ускорение или замедление прихода социальной революции в скором времени или в отдаленной перспективе будет зависеть в решающей степени от успехов и достижений реального социализма. Именно это будет определяющим фактором, критерием и неистощимым историческим двигателем развития общества, его движения вперед.

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Агрикола с. 22
 Адамс У. с. 83
 Альенде С. с. 157
 Арновиц С. с. 143
 Арон Р. с. 8, 190, 236
 Афталион с. 209
 Бакалар, братья с. 112, 113
 Бакнер А. с. 91
 Беглов И. И. с. 81, 90
 Белл Д. с. 237, 241—243
 Берли А. с. 75, 77, 81, 90
 Бернс с. 209
 Берштейн с. 134
 Бжезинский З. с. 236, 237
 Бруно Дж. с. 230
 Бухарин с. 39
 Вебер М. с. 132, 133, 242
 Веблен с. 81
 да Винчи Леонардо с. 22, 230
 Галилей Г. с. 230
 Гароди Р. с. 154
 Гарриман А. с. 112
 Гегель с. 161
 Гетти Ж. П. с. 112
 Гильфердинг с. 7, 34, 39, 134, 135, 204
 Гитлер с. 46, 132
 Грачи А. с. 76
 Грей Г. с. 83
 Гувер с. 134, 135, 159, 212
 Гутенберг с. 22
 Гэлбрейт Дж. К. с. 7, 41, 42, 81, 90, 92, 98—101, 144, 236
 Джевонс с. 66, 188, 205
 Димитров Г. с. 38
 Дьюи с. 132
 Дюргхейм Э. с. 132
 Дюринг с. 204
 Жюглар Кл. с. 66
 Зевс с. 227
 Зомбарт В. с. 7, 34, 39, 132
 Зонк с. 22
 Ивайло, воевода с. 229
 Кан Г. с. 243, 244
 Канторович Л. В. с. 138

Кассель Г. с. 135, 209
 Каутский с. 34, 40, 134, 135, 185
 Кейнс Дж. М. с. 9, 45, 131, 132, 148, 212
 Кеннеди с. 96, 147
 Киссинджер Г. с. 88
 Кларк Р. с. 87
 Конт О. с. 132
 Коперник Н. с. 23, 230
 Крихман с. 204
 Куликов А. Г. с. 83

 Ландберг Ф. с. 80, 90
 Ленд Э. с. 112
 Ленин В. И. с. 29, 34, 39—42, 69—71, 82, 83, 88, 119, 120, 136, 137, 147, 185
 Макиавелли с. 22
 Мальтус с. 220
 Маркс К. с. 19, 20, 31, 34, 41, 52, 53, 63, 67, 68, 71, 78—80, 92, 119, 144, 155, 161, 190, 193, 203, 211, 212, 230, 238, 242
 Маркузе Г. с. 145, 155
 Маршалл А. с. 130
 Мезонруж Ж. с. 174
 Микеланджело с. 230
 Милз Р. с. 90
 Милль Дж. С. с. 131
 Минз Г. с. 75—77, 81
 Мини Дж. с. 27, 129, 235
 Митчелл с. 209
 Мор Т. с. 22, 161
 Мур с. 188, 205
 Мюрдаль с. 81

 Ньютон с. 67
 Паккард В. с. 85
 Паскаль с. 231
 Перло В. с. 80, 90
 Пигу А. с. 130—132

Прометей с. 227
 Пугачев Е. с. 229

 Райт-Милс с. 80
 Райх В. с. 144, 145
 Рамель с. 22
 Рикардо Д. с. 66, 131
 Робертус с. 204
 Рокфеллер Дж. с. 87
 Рокфеллер Д. с. 87
 Рокфеллер Н. с. 86, 87, 91, 147, 198
 Росток У. с. 236
 Рузвельт с. 76, 148, 212
 Рюеф Ж. с. 213

 Самуэльсон П. с. 27, 139
 Санд Ж. с. 65
 Сен-Симон с. 161
 Сисмонди с. 204
 Смит А. с. 65, 77, 96
 Спартак с. 229

 Тоффлер А. с. 30, 146, 240
 Туган-Барановский с. 204

 Уорбург Д. с. 112
 Уотсон с. 91

 Форд Г. с. 174
 Фрейд с. 145
 Фридман М. с. 123
 Фром Э. с. 146
 Фурье Ш. с. 161

 Хаберлер Г. с. 123
 Хобс с. 34, 81
 Хьюз Г. с. 113

 Шмидт К. с. 120
 Шумпетер И. с. 132

 Энгельс Ф. с. 22, 43, 55, 63, 69—72, 119, 121, 122, 155, 161, 211, 230, 238

Предметный указатель

- Автоматические системы с. 6, 12
- Академия тайн природы с. 22
- Акционерное общество с. 75, 78, 79
- Акционерный капитал с. 31
- Акция с. 106, 108, 109
- Английская буржуазная революция с. 23, 186
- Англия с. 123
- Англо-бурская война с. 36
- Безработица с. 9, 10, 214
- Биржа с. 107, 108
- Богатство с. 62, 63
- Буржуазия с. 92, 93, 140, 142, 149, 153, 168, 180, 182, 183, 233
- Бюджетное бюро США с. 75
- «Великая депрессия» 1929—1933 гг. с. 44, 133, 134, 150, 159, 212, 213
- Великая Октябрьская социалистическая революция с. 37, 38, 145, 159
- Великая французская революция с. 23, 186
- Внутрифирменное планирование с. 6
- Военно-промышленный комплекс с. 153
- Война в Корее с. 46
- Война во Вьетнаме с. 46
- Воспроизводство с. 56, 187, 192, 193, 199, 200
- «Гетти ойл» с. 112
- Государственно-монополистическая собственность с. 161, 162
- Государственно-монополистический капитализм с. 8, 10, 35, 72, 74, 75, 117, и след., 135, 137, 147 и след., 168, 170, 184, 189
- Государственно-монополистическое регулирование с. 45, 126, 161—163, 180, 221, 223
- «Дженерал моторс» с. 114, 220
- «Джорнэл оф коммерс» с. 135

Дисфункциональность с. 188—197, 224

ЕАСТ с. 180

Европейское экономическое сообщество с. 47, 165, 179—181

Закон стоимости с. 64

Империализм с. 34—37, 69—72, 184

Инвестиционные тресты с. 114

«Интернашнл телефон энд телеграф» с. 177, 178

Италия с. 68

Капиталистическое производство с. 54, 63, 65

Картель с. 33, 67

Книгопечатание с. 22

Колониальная система с. 123

Корнер с. 33, 67

Корпорация с. 6, 7, 10, 42, 75—77, 80—82, 91, 93, 97—101, 115, 189

многонациональная с. 171—179

Кризис экономический с. 66, 125, 201—210, 215

Кризис 1973—1976 гг. с. 13, 211—216

Куба с. 46

«Лейпцигер фольксцайтунг» с. 135

Логическая машина с. 49

«Локхид корпорейшн» с. 178

Марксизм с. 8, 231

Международная федерация металлистов с. 177

Международная федерация профсоюзов рабочих хими-

ческой промышленности с. 177

Международное объединение рабочих пищевой промышленности с. 177

Монополистический капитализм с. 6, 11, 30, 33, 34, 36, 82, 97

Монополия с. 32, 33, 35, 42, 67, 117, 137

Мюнхенская встреча с. 46

Наука с. 22, 48, 55, 57

Научно-техническая революция с. 6, 47, 49, 50, 52, 57, 58, 146, 221, 226

Национальное бюро экономических исследований с. 44

Нью-Йоркская новая школа социальных исследований с. 139

«Нью-Йорк таймс» с. 87

Организация европейского экономического сотрудничества с. 180

Парижская Коммуна с. 68, 69, 183

Первая мировая война с. 37, 43, 133, 151

«Полароид» с. 112

Португалия с. 157

Производительные силы с. 24, 67

Протекционизм с. 120

Профсоюзы с. 129, 177

Рабочий класс с. 8, 17, 20, 25, 36, 104, 141—145, 155, 156, 163, 216, 234, 235

Религия с. 230, 231

Ренессанс с. 21, 22, 230

«Римский клуб» с. 237

Рипг с. 33, 67

«Рокфеллеровский институт
медицинских исследований»
с. 86

«Рокфеллеровский фонд» с. 86

Рынок с. 64

Сламфляция с. 215

Социализм с. 8, 13, 45, 138, 139,
148, 161, 165, 166, 222, 232,
238

Стагфляция с. 215

«Стандард ойл оф Нью-Джер-
си» с. 87, 147

США с. 26—28, 42, 44, 68, 84,
85, 129, 135, 147, 150, 169

Теория

«организованного капита-
лизма» с. 7

«трансформации» капита-
ла с. 7, 135

«постиндустриального об-
щества» с. 8, 237

«индустриального обще-
ства» с. 9, 236

«технотронного общества»
с. 9

«модульного человека»
с. 30

«классового партнерства»
с. 32, 40

«чистого империализма»
с. 39—41

«корпоративной револю-
ции» с. 76, 84, 86, 101

«качества жизни» с. 131

«благополучия» с. 131

«регулируемого капита-
лизма» с. 159, 212

Фашизм с. 38, 128, 135, 144,
148, 152

Феодализм с. 21, 29

Финансовая комиссия сената
США с. 173

Фиктивный капитал с. 105—
107, 111, 113, 115

Финансовый капитал с. 35, 82,
83, 88—92, 102—104

«Форчун» с. 175

Холдинговая компания с. 114

«Чейз Манхэттен бэнк» с. 87

Чикагская школа политиче-
ской экономики с. 123

«Э. И. Дюпон компани» с. 90

«Экономист» с. 244

Экономический и социальный
совет при ООН с. 171

«Юнайтед Стейтс стил корпо-
рейшн» с. 144

Предисловие	5
Глава I Капитал как звено естественно-исторического процесса	15
1. Историческая функция капитала	15
2. «Третий возраст» капитала	29
3. Научно-техническая революция, капитал и человек	47
Глава II Диалектика процесса приспособления	61
1. Банкротство стихийного рыночного автоматизма	62
2. Современные измерения обобществления (монополизация)	74
3. Фиктивный капитал	105
Глава III Идеальный совокупный капиталист, или границы приспособления	117
1. Генезис тенденции к огосударствлению	118
2. Противоречивая природа государственно-монополистического капитализма	126
3. Идеологизация — орудие приспособления	140
4. Объективно обусловленная контрреволюционность	149
5. Социализм и усиление контрреволюционной самокритики империализма	165
6. Интернационализация капитала. Многонациональные корпорации и надгосударственные институты	171

Глава IV	Дисфункциональность — характерная особенность капиталистического воспроизводственного процесса в современную эпоху	186
1.	Природа и измерения дисфункциональности	188
2.	Воспроизводство дисфункциональности	199
3.	Человек и границы антициклической политики	217
Глава V	Прошлое как будущее, или капитал и человек в битве за будущее	226
1.	Будущее в настоящем	226
2.	Человеческие измерения будущего, или почему капитализм обречен	233
3.	Парадоксы, иллюзии и истина о границах капиталистической эволюции	241
	Именной указатель	247
	Предметный указатель	249

Т. ТРЕНДАФИЛОВ

Капитал — человек — время .

ИБ № 7865

Редактор *О. Г. Радынова*

Мл. редактор *О. М. Фролова*

Художник *В. В. Кулешов*

Художественный редактор *В. А. Пузанков*

Технический редактор *О. Н. Черкасова*

Корректор *Н. И. Петраченкова*

Сдано в набор 24.07.80. Подписано в печать 13.01.81.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,17. Тираж
5500 экз. Заказ № 760. Цена 90 к.
Изд. № 29627

Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29